

Владимир Антонович Яцкевич родился в 1946 году в семье военнослужащего. Детство и юность провел в Мурманске. Закончил Московский физико-технический институт, после чего много лет занимался разработкой радиоэлектронной техники для оборонной промышленности. Доктор технических наук. В настоящее время – профессор Вологодского государственного университета. Известен в стране и за рубежом как специалист в области прикладной электродинамики и антенной техники, автор более ста научных работ, среди которых монографии, изобретения.

Две его книги художественной прозы: «Примиришь с братом твоим» и «В тихой Вологде» были изданы в Вологодской епархии в 2010 и 2013 годах. Его повести и рассказы основаны на реальных событиях, в которых участвуют крестьяне, воины, студенты, инженеры, ученые. В настоящую книгу вошли произведения, публиковавшиеся в своё время в православной газете «Вера».

Владимир Яцкевич • ВИШНЁВЫЕ ЧЁТКИ

Владимир Яцкевич

ВИШНЁВЫЕ ЧЁТКИ

•
**Повесть
Рассказы**

Владимир Яцкевич

ВИШНЁВЫЕ ЧЁТКИ

Повесть
Рассказы

Вологда
2016

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6-442
Я93

Яцкевич, В. А.

Я93 Вишнёвые чётки. Повесть. Рассказы. – Вологда, 2016.
– 280 с. : ил.

Повесть основана на исторических документах и охватывает период с 1927 по 1930 год. Главные герои повести – московские студенты. Часть из них была втянута в политическую борьбу, возникшую внутри правящей партии большевиков. Другая, далёкая от политики часть молодёжи, фактически являлась духовной оппозицией к безбожной власти. Это были православные верующие, которые вместе со своими духовными наставниками – мужественными в вере священниками – стремились сохранить христианскую душу и память русского народа.

Рассказы, помещённые в книгу, – это записанные автором наблюдения о жизни современного человека.

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6-442

ВИШНЁВЫЕ ЧЁТКИ

Историческая повесть

ОТ АВТОРА

В 1960-е годы мы, московские студенты, переживали настоящее потрясение: нам открывалась история нашей страны, до сих пор от нас тщательно скрываемая. Мы узнали о массовых арестах невинных людей, о внесудебных приговорах и расстрелах, о страшных каторжных лагерях. Об этом сквозь треск эфира и шум «глушилок» нам вещали «радиоголоса», об этом мы читали в журналах и книгах, изданных на Западе и неведомыми путями попавших нам в руки. Литературу эту, запрещённую и от этого ещё более привлекательную, мы читали по ночам, не отрываясь, чтобы утром передать товарищам, ожидающим своей очереди. Помимо «тамиздата» по рукам ходил и «самиздат» – фотокопии или машинописные тексты, оформленные по-разному: от аккуратно переплетенных томов до сложенных в папку мятых листов.

Как-то, будучи уже на последнем курсе института, я поехал на каникулы в Ленинград и остановился у своих родственников. У них я познакомился с очень интересным человеком – Ниной Михайловной Романовой, шестидесятилетней бывшей учительницей, замечательной рассказчицей. Оказалось, что она написала книгу воспоминаний, которая уже ходила как «самиздат» по Ленинграду. Почему-то Нина Михайловна прониклась ко мне доверием и вручила мне экземпляр своей книги с пожеланием прочитать самому и давать для чтения надёжным людям в Москве.

Толстую шестисот страничную машинопись в добротном переплёте я привёз к себе в однокомнатную квартиру, которую мы с женой сняли сразу после недавней свадьбы. Этот фолиант под названием «Книга жизни» мы прочитали с огромным интересом. Перед нами было художественное

произведение – роман, но роман документальный, в котором талантливо описаны пережитые автором события. Не было в книге ни политики, ни лагерной тематики, хотя характерные приметы той эпохи были изображены наглядно. Это был роман о большой любви, которая осталась неразделённой, но которую Нина Михайловна пронесла через всю свою жизнь. Её возлюбленный – студент, сосланный в 1928 году по приговору ГПУ из Москвы в Череповец. Там он и встретился с Ниной Михайловной, тогда студенткой местного техникума.

Некоторое время мы с женой не решались давать кому-либо эту книгу. Дело в том, что недавно советские войска подавили мятеж в Чехословакии, что вызвало протестные акции в стане диссидентов. Из нашего вуза было отчислено несколько студентов за то, что они собирали подписи под каким-то воззванием. Власти ужесточили контроль за инакомыслящими. В уголовном кодексе появилось существенное дополнение: теперь к уголовной ответственности можно было привлечь не только за распространение, но и за хранение антисоветской литературы. И всё-таки, рассудив, что в романе никакой явной антисоветчины нет, я отдал толстый том своему приятелю.

Месяца через два ко мне после лекции подошёл незнакомый студент и сказал, что «Книга жизни» попала к нему и что его дядя, прочитав её, был сильно взволнован. Оказалось, что в своей молодости он хорошо знал героев этого романа и поэтому хотел бы встретиться с автором книги, если это возможно.

Я позвонил Нине Михайловне в Ленинград, доложил об успехе, которым пользуется её творение в столице, и о неожиданной реакции одного из читателей. Она очень заволновалась и попросила меня, не откладывая, договориться о встрече с этим человеком, добавив, что готова приехать в любое время. Через три дня я встретил её на вокзале и пошёл напрямик до Кропоткинской, в гости к ожидающему нас заинтересованному читателю романа. Когда вышли из метро и направились в сторону нужного дома, Нина Михайловна

поведала мне, что подобный отклик на свою книгу она уже получала. Ей прислал письмо писатель Варлам Шаламов, который, оказывается, знал сосланных в Череповец студентов: вместе с ними он учился в МГУ, вместе с ними участвовал в оппозиционной организации «большевиков-ленинцев». Не без гордости моя спутница сообщила, что такой строгий судья, как Шаламов, хотя и сделал ряд замечаний, но отозвался о её произведении благожелательно¹.

Николай Васильевич – так звали хозяина квартиры – оказался примерно такого же возраста, как и его гостя. Позже я узнал, что он – кандидат технических наук, работает на оборонном предприятии начальником отдела и что специальность у него – радиотехника. Мы сидели в гостиной за столом, где, кроме чайного сервиза, было расставлено обильное угощение. Однако угощаться пришлось мне одному, поскольку хозяин и гостя были поглощены беседой. Разговор шёл, в основном, о главном герое романа, который, как оказалось, был другом Николая Васильевича в ту пору, когда они оба были студентами.

Я слушал рассказы этих немолодых людей, проживших нелёгкую жизнь, и мне становилось жалко их и всё это несчастное поколение. Их детство пришлось на страшное время революционной смуты, они выросли в нужде и лишениях, под гнётом лживой идеологии, а в зрелости они хватили лиха во время войны, самой кровавой и разрушительной в истории.

Эту мысль о несчастном поколении я попытался высказать, когда вечер воспоминаний завершался, но получил неожиданную отповедь от Николая Васильевича.

- Оставьте эти диссидентские штучки, – сказал он с раздражением. – В любой стране в любые времена хватало мрачных событий, и, если только их выбирать, то увидишь

¹ *Шаламов В.Т.* Письмо по поводу книги Н.М. Ивановой – Романовой. Публикация И.П. Сиротинской // Шаламовский сборник. Вып. 3 / Сост. В.В. Есипов. – Вологда: Грифон. 2002. – 232 с.

мрачную эпоху. Не была наша жизнь несчастной, она была насыщена большими делами. Мы создавали страну и защищали её. Мы постепенно избавлялись от той заразы, что пришла к нам с Запада – от марксистской идеологии. И сейчас Россия на пути к выздоровлению. И не давайте себя дурачить разным западным писакам, которые всю нашу историю мажут чёрной краской. Когда у нас был разгар террора, они молчали, довольные, а теперь видят сильную страну, и это не даёт им покоя.

При расставании Николай Васильевич вручил своей гостье тетрадку со своими воспоминаниями, относящимися к 1920-м годам, и попросил, прочитав, вернуть назад. Возвращать пришлось мне, так что вскоре мне снова пришлось навестить своего нового знакомого. Тетрадку я, конечно, успел прочитать. Это были отрывочные записи, которые читались с трудом, однако в них содержалось много волнующих событий. К сожалению, копии снять я не смог: в то время это было невозможно. То, что я запомнил из записей Николая Васильевича, а также мемуары Нины Михайловны, точнее, та их часть, которая относится к её жизни в Череповце, – всё это и легло в основу повести, предлагаемой читателю.

МОСКВА. 1927 ГОД

Медленно, с натугой, как больной после тяжелой болезни, оживала Москва после страшных лет революционной смуты. По утрам переполненные трамваи везли москвичей на работу; бойко катили извозчики, развозя новоявленных богачей, одетых с европейским шиком; автомобили везли служащих в военных френчах с портфелями в руках и часто гудели, разгоняя приезжий народ, привыкший в своих провинциях ходить посередине улицы. Витрины булочных, колбасных и кондитерских лавок заставляли простой люд останавливаться, глотая слюну, а студентов – бежать от соблазна в книжный магазин, благо в Москве тех дней было

не менее сотни частных издательств. Вечерами по Тверской, по Охотному ряду, по Театральной площади прогуливались нарядно одетые пары: мужчины в долгополых двубортных пиджаках и широких брюках, женщины в шляпках с вуалью и вечерних платьях, украшенные драгоценностями. Зазывно горели электрические огни ресторанов, афиши приглашали публику в театры и на литературные вечера, кинематограф сулил зрителям бездну удовольствий.

Конечно, это была не та, довоенная Москва – сытая, хлебосольная, умеющая с азартом работать по будням и с размахом веселиться по праздникам. Теперь народ стал другой – унылый, погруженный в заботы о жилье, пропитании, одежде. Даже разгульное веселье богачей-нэпманов было каким-то судорожным, будто изо всех сил спешили они насладиться жизнью, ибо никто не знал, на какой срок большевики решили ослабить свою железную хватку.

Да, Москва оживала, но это была другая Москва. Не слышно было знаменитого московского колокольного звона – он был запрещён. Большая часть храмов была закрыта. Тысячи священнослужителей были арестованы и отправлены в специально созданный для них лагерь на Соловки.

Исчезли московские купцы, заводчики, фабриканты, лавочники, унеся с собой отшлифованные веками навыки торговать, строить, создавать все, чем привыкли пользоваться люди в своём быту. Вместо них город наполнялся пришлым людом: мещанами из уездных городков, подавшимися в столицу в поисках лучшей доли, разорившимися крестьянами, евреями из местечек, приехавшими в расчете устроиться на государственную службу.

За десять лет правления новой власти страна не смогла даже приблизиться к прежнему уровню жизни. Какую бы область человеческой деятельности ни взять – промышленность, торговлю, науку, культуру – везде наблюдался упадок по сравнению с дореволюционным временем. А было ли хоть что-нибудь, что изменилось в лучшую сторону? Да, было. Это студенты. Конечно, преподавательский корпус

сильно поредел: кто эмигрировал, кто был арестован как «классово-чуждый элемент» и сгинул в подвалах Чека, кто просто угас от голода и болезней. По этой причине уровень преподавания упал, но сами студенты учились увлеченно, с усердием осваивали будущую специальность, несмотря на обилие собраний, политзанятий, субботников и прочих отвлекающих от учёбы мероприятий. Этим советские студенты отличались от своих дореволюционных предшественников, занимавшихся не столько учебой, сколько митингами, бойкотами неугодных преподавателей, пропагандой среди рабочих, в общем, революционной деятельностью.

Правда, к 1927 году появились и такие студенты, кто живо интересовался политикой и даже был вовлечён в оппозиционную борьбу.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ВЕЧЕРИНКА

Октябрьским вечером 1927 года из общежития 1-го МГУ, что в Большом Черкасском переулке, вышли два молодых человека и, о чём-то оживлённо разговаривая, направились в сторону Тверской улицы. Один из них, парень с простым крестьянским лицом, был одет в суконное пальто, по-видимому, перешитое из солдатской шинели, и выдавшие виды сапоги. Его спутник был выше среднего роста, с густыми чёрными вьющимися волосами, выбивающимися из-под кепки. Под его расстёгнутым плащом виднелся аккуратный чёрный костюм с белым отложным воротником, а на ногах были роскошные по студенческим меркам жёлтые полботинки. Они были земляки: оба приехали из небольшого городка Сенгиля Симбирской губернии. Первый из них, Николай Егоров, был студентом физико-математического факультета, а другой, Александр Афанасьев, учился на литературном отделении этнологического факультета. Николай после занятий побывал на гражданской панихиде, где прощались с профессором Соколовым, сподвижником вы-

дающегося физика Столетова. Надгробная речь, произнесённая ректором университета Вышинским², возмутила Николая:

- Представляешь, он сказал: «Здесь лежит труп, который и при жизни был трупом». Правда, заслуги его он отметил, но всё равно так нельзя говорить. Ведь Алексей Петрович основал первую в России лабораторию радиоактивности, да и преподаватель был замечательный. Последний год он болел, выглядел страшновато, но ведь никогда на Руси не говорили плохо о покойном.

- Нет сейчас никакой Руси, у нас теперь эс-эс-эс-эр... А Соколов был известен своими монархическими взглядами, и его терпели, видно, только потому, что заменить было некем.

² А. Я. Вышинский был преподавателем уголовного права и ректором 1-го МГУ в 1925-28 годах. С 1923 года – прокурор, выступал главным обвинителем на многих политических процессах, где обычно заканчивал свои пламенные речи требованием смертной казни.

- Да, он всё называл нас «господа студенты» или «сударь» или «милостивый государь». Слово «товарищ» он так и не освоил. – Николай вздохнул, вспоминая всегда вежливого и доброжелательного профессора, в лаборатории которого ему довелось проходить практику. Именно благодаря Соколову – одному из последних представителей Российской физической школы, он, Николай, понял, что значит настоящий физический эксперимент.

- А Вышинский, вообще, краснобай, – продолжал его спутник. – Лекции читает, будто гвозди в голову заколачивает. Историю нам излагает только с классовых позиций. Вчера вот доказывал, что все войны в мире происходили из-за борьбы классов. Начиная с древности и до наших дней.

- Понятно. Значит, Троянская война была вовсе не из-за прекрасной Елены, – с иронией заметил Николай, недавно под влиянием своего друга начавший осваивать мировую литературу.

- Конечно, нет, – в тон ему отвечал Александр, и, изображая Вышинского, стал размахивать кулаком и говорить менторским голосом:

- Из-за беспощадной эксплуатации прекрасных женщин в условиях классового общества!

Друзья рассмеялись. Вскоре они дошли до Столешникова переулка и зашли во двор, напоминающий огромный колодец. Александр уверенно подвел своего друга к подъезду, потом они поднялись на третий этаж и позвонили в одну из квартир. Им открыла красивая барышня, светловолосая, с модной стрижкой. На ней было короткое голубое платье прямого покроя с бантом на груди.

- Ну, наконец-то. Здравствуй, Саша. Проходите.

Александр поцеловал улыбающуюся девушке руку.

- С днём рождения, дорогая Сара! – Он вручил ей перевязанный ленточкой бумажный свёрток. – Это тебе подарок от нас с Николаем. Познакомься, это Николай, мой сокурсник и старый друг.

Они пошли по просторному коридору и оказались в большой комнате, где уже было человек двадцать гостей, всё

молодёжь. Размеры помещения и добротная мебель удивляли Николая, впервые оказавшегося в старой московской квартире. Угощение, расставленное на столе, тоже поразило его, знавшего лишь простую еду в родительском доме да скудные обеды в студенческой столовой. За стол друзья сели рядом, причём Александр оказался рядом с Сарой, а к Николаю подседа барышня, похожая на Сару, но черноволосая и более полная. Толстушку звали Софой. У неё были игривые глазки, пухлые губы и платье с предельно глубоким декольте.

Когда после тоста в честь именинницы все занялись закусками, Софа засыпала Николая вопросами. Её интересовала и жизнь на Волге при новой власти и его, Николая, планы на будущее. Румяный от смущения он отвечал, запинаясь, но когда речь зашла о будущей профессии, голос его окреп:

- Хочу стать инженером или учёным. Законы природы – вот что меня интересует.

- Ах, законы природы, химия, физика – это такая скукота, – манерно тянула Софа. – А мы с Сарой сейчас изучаем юридические законы. В них человеческие отношения. Это всё нам так близко.

- Вот именно, законы эти человеческие, поэтому они недолговечны. А законы природы созданы Богом навечно. Понимаете, я хочу одну тайну постичь – радиоактивность. Понимаете, в природе есть такие атомы, которые по непонятной причине гибнут, распадаются. Здесь какая-то загадка, здесь кроется для человека что-то очень важное.

- Вы кушайте, кушайте. Давайте я за вами поухаживаю. – Софа потянулась за тарелкой с копчёной колбасой и её мягкая полная грудь медленно проползла по плечу Николая. – А почему у вас вино в рюмке? Мужчина должен водку пить. Вот вам водочка лучших сортов.

- Нет, спасибо, мне не надо. Завтра у нас контрольная. Да и вообще, я не очень к этому...

Сара, прислушавшись к разговору соседней, шепотом спросила Александра:

- А этот твой друг, он человек надёжный?

- Надёжней не бывает. Я его с детства знаю.

- Ой, звонок! Кто-то пришёл! – Сара вспорхнула бабочкой и полетела в прихожую. Александр последовал за ней.

Вошел рослый парень в картузе и длинном чёрном пальто. В одной руке у него был букет цветов, в другой – чемодан. Александру очень не понравилось, что, вручив Саре цветы, он чмокнул её в щёку.

- Шаламов, – представился вошедший, крепко пожимая Александру руку и твёрдо глядя ему в глаза. Потом, повернувшись к Саре, сказал: – Принёс то, что надо.

- Заходи сюда, Варлам, расскажешь всё подробно.

Сара открыла дверь в комнату, расположенную рядом с той, где шумела весёлая компания, и пропустила туда опоздавшего гостя. Повернувшись к Александру и взяв его за руку, она игриво сказала:

- Ну не смотри так, Саша. У нас деловой разговор, дело очень важное. Иди к ребятам, я через пять минут приду.

Мучимый ревностью, Александр шагал взад-вперёд по коридору и дымил сигаретой. Он был влюблён в Сару первой юношеской любовью, и это сладостное чувство не давало ему покоя. Бойкая и всегда весёлая девушка приобрела над ним удивительную власть. Полгода назад она пригласила его на сходку «большевиков-ленинцев», и он, конечно, пришёл. Таких оппозиционных кружков, поддерживающих Троцкого³ появилось немало, и существовали они вполне легально.

³ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940) – ближайший соратник В.И. Ленина, один из организаторов Октябрьского переворота 1917 года. В первом советском правительстве – народный комиссар по иностранным делам. С 1918 по 1924 годы возглавлял Наркомат по военным и военно-морским делам и был главой Реввоенсовета Республики. Был членом политбюро ЦК ВКП(б). За фракционную деятельность в 1928 году исключён из ВКП(б), в 1929 году выслан из СССР. В 1940 году убит в Мексике агентом НКВД.

Александр застал революцию в девятилетнем возрасте и хорошо помнил наступившие тогда тяжёлые времена. Однако, благодаря школьному воспитанию и отцу – школьному учителю, он вырос обычным комсомольцем, верящим, что социализм – единственный путь, способный сделать людей счастливыми. До сих пор он держался в стороне от политики, изучал мировую историю и литературу, сам писал стихи. А на заседаниях кружка говорили только о политике, причем часто звучала мысль о том, что всеобщее счастье до сих пор не наступает из-за чудовищных ошибок нынешней власти. У Александра был мягкий характер, он легко поддавался чужому влиянию и поэтому быстро воспринял новые идеи.

* * *

Дело, которое привело Шаламова в этот дом, было, действительно, очень важным. Он принёс отпечатанные в типографии листовки с воззванием, написанным самим Троцким. Когда Сара достала из чемодана пахнувшие свежей типографской краской листки с крупным заголовком «Защитим завоевания революции!», она запрыгала от восторга, потом повисла на шее у Шаламова и расцеловала его. Однако, почувствовав крепкие мужские объятия, вырвалась со словами: «Пусти, Варлам, сейчас не до лирики». Потом села у открытого чемодана и стала размышлять вслух:

- Надо решить, куда и сколько нести... Завтра всё разнесём, нас теперь много. Пойдём на заводы, по цехам... Варлам, возьми, пожалуйста, вот эту пачку, раздашь юристам у себя на курсе.

Шаламов взял пачку листовок и положил её в широкий карман своего пальто.

- Сара, оторвись ты от этого чемодана. Сидишь над ним, как скупой рыцарь над сокровищем. У меня такое предложение есть: поедем со мной в Вологду. Я собираюсь родителей навестить. Конечно, не сейчас, а когда вся эта бодяга кончится: демонстрация и прочее. Поедем, а? Посмотришь старинный город. Познакомлю тебя с родителями. Отец у

меня – интересный человек, много повидал, рассказчик замечательный. Десять лет жил на Аляске в Православной миссии.

- Так он же у тебя священник. Знаю я, как попы относятся к евреям.

- Нет, он прогрессивный поп. Революцию приветствовал. Публично провозглашал, что антисемитизм – самое страшное зло в мире... А дом наш стоит в живописном месте, на берегу реки, возле огромного Софийского собора. Правда, ноябрь – не самое лучшее время в Вологде.

Сара задумалась. Она вспомнила свой родной город, весь утопающий в каштанах и клёнах, старинный парк на высоком берегу реки, еврейский квартал возле рынка, родной дом, синагогу, куда каждую субботу они торжественно шествовали всем семейством во главе с отцом, одетым в белый костюм. Кажется, всё это было давным-давно, в какой-то другой жизни – спокойной, размеренной. С приездом в Москву жизнь Сары понеслась вскачь, будто кто-то невидимый всё время подгоняет её, не давая остановиться.

Сара Гезенцвей приехала в Москву из Гомеля и теперь училась уже на третьем курсе факультета этнологии 1-го МГУ. Случилось так, что её вовлекли в организацию троцкистов, и девятнадцатилетняя красавица со всем пылом молодости отдалась борьбе за торжество революционных идей, подобно её соплеменницам, которые за десять лет до этого с молодым задором шли в революцию, становились комиссарами или жёнами комиссаров, а потом оседали на хороших должностях в наркоматах. Сара пока что была рядовым исполнителем, она выполняла поручения, которые давал ей секретарь Троцкого.

Её отец Мендель Гезенцвей до революции был процветающим ювелиром. В 1920-м году он перебрался в Москву, вступил в партию большевиков и, быстро продвигаясь по службе благодаря поддержке своих родственников и земляков, уже успевших проторить дорогу в высшие эшелоны власти, занял хорошее место в Наркомате финансов. Его

жена умерла. Свою младшую дочь Сару он обожал и всегда соглашался предоставить свою квартиру для праздника или студенческой сходки...

Сара повернулась к Шаламову и без обычной улыбки, глядя ему прямо в глаза, ответила:

- Нет, Варлам, я не поеду. Не до того сейчас. Да и потом тоже некогда будет.

Шаламов помрачнел:

- Понятно. Я вижу, у тебя новый друг появился. Вьется вокруг тебя... Ну, я пойду.

- Куда, Варлам! Пойдём к столу. Снимай своё пальто.

- Нет, я пошёл. У меня дел много.

Сара осталась в комнате одна. Заглянула Софа:

- Что, ушёл твой Варламчик? – Она осеклась, увидев подругу, сидящую в мрачном раздумье. – Не переживай, их вокруг навалом. Молодые мужчины – это самцы, церемониться с ними нечего.

* * *

Когда Александр вернулся к праздничному столу, там уже вовсю шёл оживлённый общий разговор и, конечно, о политике. Поднялся невысокого роста мужчина с чёрными, как смоль, кудрями. Он был заметно старше остальных гостей и, судя по тому, с каким вниманием его слушали, пользовался уважением. Говорил он высоким голосом, напористо, как принято на митингах.

- Страна возвращается к капитализму. Дело революции гибнет. Верные ленинцы – Троцкий, Зиновьев, Каменев – выведены из состава ЦК. Лев Давидович Троцкий, глава октябрьского восстания, главнокомандующий победоносной Красной Армией, лишён всех постов. По всей стране идёт ползучая контрреволюция. Большевиков, преданных делу революции, ленинскую гвардию, отстраняют от власти. Их заменяют простым людом: от сохи, от станка.

Неожиданно для всех раздалось:

- Так ведь власть у нас рабоче-крестьянская. – Это встал Николай, осмелевший от рюмки вина.

За столом повисло молчание. Все смотрели на улыбающегося незнакомого парня в простой толстовке, с растрёпанной копной светло-русых волос. Александру было стыдно за своего друга. Наконец, кудрявый прервал молчание:

- Молодой человек, а вы знаете, что и Ленин был отнюдь не рабоче-крестьянского происхождения. И я уверен, что, доживи он до наших дней, Сталин и его убрал бы из ЦК.

Но одолеть Николая в споре было не так-то просто. Они у себя в общежитии, бывало, спорили до хрипоты, просиживая до глубокой ночи. Правда, разговор у них шёл не о политике, а о новых теориях и парадоксах физики, но Николай поднатерел в искусстве быстро подбирать аргументы. Он тут же ответил:

- Ленин к рабочим и крестьянам относился уважительно. А я вот недавно брошюру Троцкого прочёл. Так он предлагает всех работяг загнать в трудовые лагеря, а детей сдавать на полное воспитание государству. Разве это социализм?

Кудрявый снисходительно отвечал несмышлёному юноше:

- А социализм в отдельно взятой стране невозможен. Капиталистическое окружение не даст построить. Сначала нужна победа мировой революции.

Николай не успел открыть рот, как торопливо заговорил сосед кудрявого:

- Кстати, мировая революция могла бы произойти в 23-м году, когда рабочие в Гамбурге начали восстание. Их надо было поддержать, и вся Германия бы заполыхала. По приказу Троцкого части Красной Армии двинулись к западной границе. Планировался рывок в Германию через Польшу, но помешал Сталин: собрал Политбюро, поставил вопрос на голосование. Я слышал из надежного источника, какая буча была на заседании. Сталин возражал, но большинство было за выступление наших войск. Усач, как всегда схитрил, убедил отложить кампанию, мол, армия ещё не готова. А через два дня полиция жестоко подавила восстание. И компартию в Германии запретили.

- Этот семинарист-недоучка считает себя великим стратегом, – слышался чей-то возглас.

- Шашлычник хренов, – возмущался кто-то в другом углу, – выдаёт себя за великого марксиста, а Маркса толком не читал.

Тут уж не выдержал Александр:

- Как же так: через Польшу в Германию! А поляки что – смиренные овечки? А слышали, что в 1920-м году Пилсудский гнал нашу доблестную Красную армию аж до самого Киева. Сто тысяч пленных оставили в Польше.

Сосед кудрявого, потрясая кулаком, воскликнул:

- Да к двадцать третьему году наша армия стала в десять раз сильнее польской!

Спор разгорался. Сторонники мировой революции быстро заклевали Александра и Николая. Те сидели подавленные, переглядывались и оба хотели уйти, чувствуя враждебность окружающих. В это время появилась Сара, села на своё место рядом с Александром и прислонилась к его плечу. Тот сразу обмяк, успокоился. Вернулась и Софа, которая вместе с двумя подругами сновала на кухню и обратно, подавая угощение. Она плюхнулась на свой стул и тут же заставила Николая налить ей рюмку вина и выпила вместе с ним.

Однако разговор о политике не прекращался. Снова поднялся кудрявый и в наступившей тишине заговорил:

- Сейчас ключевой момент истории: быть или не быть коммунизму на Земле! Сталин с его прислужниками сейчас у власти. Но на стороне Троцкого все истинные революционеры, все герои гражданской войны! Оппозиция сейчас сильна, как никогда. Она везде: в армии, на производстве, в наркоматах. Товарищи вузовцы! Мы не должны остаться в стороне: все, как один, выйдем с нашими лозунгами на октябрьскую демонстрацию! Покажем, что мы сильны, что дело революции живёт!

Раздались аплодисменты. Софа хлопала так энергично, что опрокинула рюмку с водкой Николаю на колени. Она заохала и так искренне расстроилась, что он стал утешать

её и до того осмелел, что погладил её по плечу. Эта барышня нравилась ему всё больше и больше. Николай наполнил рюмки, они выпили, и она стала ему о чём-то живо рассказывать. Он плохо слышал из-за громкого спора, который разгорелся рядом. Маленького роста круглолицый юноша, подняв вверх указательный палец, вещал:

- Главное, что дала Советская власть – это отмена всех ограничений для евреев.

Ему возражали:

- Зато ввела ограничения на социальное происхождение – для детей дворян, купцов, чиновников, офицеров, священников...

На другом конце стола спор дошёл до крика:

- Такой проект государства не нов. Это уже было в истории. Хазарский Каганат! Это вы готовите России?

- Гляди-ка ты, ещё один антисемит у нас. Сара, ты кого приглашаешь?

Сара засмеялась и махнула рукой. Ей было не до спорщиков, они с Сашей ворковали, как два голубка.

Застолье входило в неуправляемую фазу. Многие курили, в том числе барышни. Дым пластами висел над столом. Молодёжь расходилась по большой квартире. У Николая, не привыкшего к вину и шумным сборищам, голова шла кругом. Обнаружив, что Софа исчезла, он пошёл её искать, чтобы продолжить разговор. Заглянув в соседнюю комнату, он увидел компанию изрядно выпивших парней, с азартом резавшихся в карты. Покачиваясь, он пошёл по коридору, открыл ещё одну дверь и замер. Здесь, на кухне, стояла парочка, обнявшись в страстном поцелуе. Барышню он видел со спины, но узнать её было нетрудно: это была Софа. Николай сразу закрыл дверь, потом долго искал в прихожей своё пальто и, наконец, с облегчением покинул шумную квартиру.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ

Год 1927-й был для Советской России нелёгким. Несмотря на то, что руководство страны отказалось от идеи мировой революции, оно поддерживало любые антиправительственные выступления в других странах. Поддержало и забастовку английских шахтёров, перечислив им по линии профсоюзов немалые деньги. В ответ на это министр иностранных дел Великобритании Чемберлен направил Советскому правительству ноту, в которой в резкой форме требовал прекратить антибританскую пропаганду и прямое вмешательство во внутренние дела страны. В Лондоне был проведён обыск в помещении Советского торгового представительства. В мае было заявлено о разрыве дипломатических отношений с СССР. Такие же действия последовали со стороны Канады. Активизировались наши эмигранты, организовав в июне 1927-го года убийство посла СССР в Польше Войкова. В Европе запахло войной. В Москве была развернута шумная кампания под лозунгом «Наш ответ Чемберлену». Наученный жизнью российский люд стал скупать продовольствие, делая запасы на случай войны.

На демонстрацию, посвящённую десятилетней годовщине Октябрьского переворота, москвичи шли неохотно. Седьмого ноября по Красной площади двигались колонны красноармейцев, курсантов, физкультурников, угрюмо шагали служащие, которым надо было показать свою лояльность власти.

Одновременно с этим проходила демонстрация оппозиции. Здесь царило другое настроение. Толпы народа, в которых преобладала молодёжь, шли по Тверской улице. Несли плакаты с лозунгами: «Да здравствуют вожди мировой революции Троцкий и Зиновьев!», «Повернём огонь вправо против нэпмана, кулака, бюрократа». Шли с воодушевлением, с чувством важности происходящего. Александр Афанасьев нес плакат с надписью «За подлинную народную демократию». Рядом шагал Варлам Шаламов, у него в руках был пла-

кат «Выполним завещание Ленина». Перед ними шла Сара в коротком плащике и красном берете. Время от времени она поднимала сжатую в кулак руку и звонко восклицала «Контрреволюция не пройдёт!». «Ура! – кричали идущие рядом студенты. – Даёшь мировую революцию!».

Демонстрация 7-го ноября 1927 года

На углу Тверской и Охотного ряда, на балконе бывшей гостиницы «Париж» стояли старые революционеры: Смилга, Преображенский, Грюнштейн, Енукидзе. Они были в шинелях, в фуражках с красными звездами, с красными бантами в петлицах. Балкон был украшен огромным портретом Ленина, под которым было растянута полотнище с лозунгом: «Назад к Ленину!». Стоявшие на балконе приветствовали демонстрантов. В ответ раздавалось восторженное «ура».

Однако в колоннах была группа студентов, снабжённых свистками и пищалками. Они стали свистеть, пищать, кричать: «Долой оппозицию!». Нашлись и хулиганы, которые

стали бросать в сторону балкона камни, палки, картофель, помидоры. Свистунов и хулиганов быстро оттеснили от балкона. Но в это время к зданию гостиницы подъехали на автомобилях секретари райкомов и другие назначенные недавно партийные руководители. Они привели с собой большой отряд здоровых парней – рабочих или переодетых военных. Те набросились на демонстрантов, стали избивать их, выхватывать плакаты. Несколько человек взламывали дверь в подъезде гостиницы, чтобы проникнуть внутрь. Застрялась потасовка.

На Александра набросился верзила со зверским выражением лица, выхватил плакат и принялся топтать его ногами. Александр с разбегу толкнул нападавшего и сбил его с ног. Тот, правда, сразу вскочил, но Александр поднял древко и хорошенько огрел своего противника по спине. Теперь, вооруженный увесистой палкой, он чувствовал себя уверенно. Но тут он получил мощный толчок в спину, от которого упал плашмя. Двое схватили его за руки и куда-то поволокли. Вдруг раздался истошный женский вопль: это Сара, как тигрица, бросилась на злодеев. Ошеломленные яростным натиском, они отпустили Александра. Сара помогла ему подняться и быстро увлекла за собой, подальше от гостиницы.

Демонстрация была лишь частью плана, задуманного Троцким. Он рассчитывал действовать по той же схеме, что десять лет назад, во время Октябрьского переворота в Петрограде: захватить телеграф, почту, вокзалы, после чего двигаться на Кремль. Необходимые для этого силы имелись: комдив Дмитрий Шмидт предоставлял свою дивизию. Казалось, все было хорошо подготовлено, налажена работа тайных типографий, на предприятиях образованы параллельные троцкистские парткомы, подготовлены группы студентов для действия на улицах.

Однако Сталин также прекрасно помнил все подробности Октябрьского переворота. На всех ключевых местах он заранее расставил своих людей. Член ЦК Георгий Маленков организовал отряды комсомольцев, преданных Сталину.

Комдив Шмидт был посажен под домашний арест. Преданный Сталину командующий Московским военным округом беспартийный военспец Борис Шапошников вывел на улицу Москвы броневика.

Троцкий вместе с Каменевым разъезжал в автомобиле по столице, пытаясь как-то повлиять на события. Однако к полудню стало ясно, что попытка переворота не удалась: Сталин их перехитрил. Неудачей закончилось и выступление оппозиции, возглавляемое Зиновьевым в Ленинграде.

Через несколько дней состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором Троцкого, Зиновьева и Каменева исключили из партии, а в декабре на XV съезде ЦК ВКП(б) такие же меры были приняты к рядовым оппозиционерам⁴.

* * *

Общежитие этнологического факультета 1-го МГУ занимало небольшое двухэтажное здание в Большом Черкасском переулке. Это было настоящее гнездо оппозиции: из ста проживающих там студентов каждый второй считал себя последователем Ленина и Троцкого и не одобрял курс нынешней партийной верхушки. Теперь кружок оппозиционеров собирался тайно – то в одной, то в другой комнате, под видом студенческой вечеринки. Бурно обсуждали прошедшие события, перемывали косточки Сталину и его прихлебателям, сочиняли воззвания. Александр посещал эти тайные сборища только для того, чтобы увидеться с Сарой, сидеть рядом с ней, погладить её руку и получить в ответ ласковый взгляд. Однажды она пригласила его домой, в Столешников переулок. Квартира пустовала. Они поужинали, потом она показывала ему свои детские фотографии, а потом произошло то, что и должно рано или поздно произойти с молодой парой влюблённых...

⁴ Троцкого сначала выслали в Алма-Ату, а в феврале 1929 года – за границу. Зиновьев и Каменев написали покаянное письмо Сталину, и в июне 1928 года были восстановлены в партии.

- Если отец узнает, он меня убьёт, – говорила Сара, прижимаясь к Александру своим горячим телом. – Он мне уже жениха подыскал, приводил как-то. Мужчина с положением, тоже из Наркомата. А у меня глаза на него не смотрят...

Помчались какие-то сумасшедшие, счастливые дни. Чаще всего она приходила к нему в общежитие. Соседи по комнате тут же деликатно исчезали, а они, едва успев запереть дверь, бросались в объятия друг к другу. Потом он провожал её до дома. Она никого не боялась, кроме своего отца, её не смущала даже вахтёрша в общежитии, пронизывающая её уничтожающим взглядом.

Александр перестал посещать занятия, только иногда по вечерам ходил на собрания кружка. Как-то февральским пасмурным днём он один в своей комнате лежал на кровати, предаваясь сладостным мечтаниям. Вдруг дверь открылась, и на пороге появился Николай. Это было совершенно неожиданно, ведь он жил довольно далеко отсюда, в общежитии на Моховой, и встречались они обычно в учебном здании.

- Вот он где – лежит у себя на койке живой и здоровый! А я боялся, что ты уже где-нибудь «во глубине сибирских руд».

Николай сбросил пальто на стул и, сияя улыбкой, пошел к Александру, поднимавшемуся с кровати.

- Вид у тебя какой-то блаженный, – добродушно бурчал Николай, осматривая книги, лежащие на тумбочке. – Так... Шекспир, сонеты. Троцкий, «Уроки Октября». Всё понятно: ты у нас теперь и Ромео и Гарибальди в одном лице. Наверное, и сам стихи пишешь.

Он хотел взять с тумбочки тетрадку, но Александр быстрым движением перехватил её.

- Насчёт Гарибальди – ты зря. Я вообще не сторонник вооружённой борьбы на данном этапе. В этом я расхожусь с нашими горячими троцкистами. Надо просто массам разъяснить, что вокруг творится. И организовать их умело, а не так, как сделали в ноябре. Тогда и стряхнём с себя эту власть, как истлевший кафтан. А как строить социализм – это нам Ленин ясно указал.

- У нас с тобой, Саша, совсем разные взгляды. Ты считаешь, что главное – строить социализм, а, по-моему, главное – развивать науку, технику. Это освободит людей от тяжёлого труда, даст новые источники энергии, пищи. Освобожденный от природной зависимости человек посвятит себя творчеству, откроет для себя...

Александр перебил своего друга:

- Говоришь, науку развивать. А кто воспользуется плодами науки? Ка-пи-та-лис-ты. Тебе бы, Саша, надо Маркса читать.

- Если Маркса читать, в голове для физики места не останется... Кстати, я сегодня видел твою Джульетту. Она, в отличие от тебя, полна боевого задора. По-моему, она боевую дружину сколачивает, но, может быть, я ошибаюсь. Вообще, интересный феномен – еврейка с белыми волосами.

- Прекрати болтать, – прервал его Александр. Он не мог вынести, что о его возлюбленной говорят без должного почтения.

- Знаешь что, Саша, отложил бы ты всё это: и любовь, и политику. Ведь мы сюда всё-таки учиться приехали.

Александр молчал, насупившись. Расстались они холодно.

* * *

В мае 1928 года всех кружковцев арестовали: гпэушники ввалились в комнату, где заседали «большевики-ленинцы», строем вывели всех на улицу, погрузили в машину и доставили в Бутырскую тюрьму. Там отделили трех девушек, среди которых была Сара, а всех парней, в том числе Александра, загнали в одну камеру...

То, что произошло, можно было ожидать, но беспечность молодости и массовое воодушевление заставили пренебрегать опасностью. Ведь они – студенты главного вуза страны – считали себя творцами истории, героями, борцами за великое дело.

Первое время Александр был возмущён арестом. Он, вступивший в комсомол в двенадцать лет, активист, ни-

когда не сомневающийся в идеалах коммунизма, ставший в шестнадцатилетнем возрасте членом городского комитета РЛКСМ, сидит в советской тюрьме! С содроганием думал он о том, что эта весть может дойти до родного города. Каким ударом это будет для родителей! А младший брат и три сестрёнки? Что они подумают, когда узнают, что старший брат арестован, как какой-нибудь белогвардеец или вредитель...

Прошел месяц. Все побывали у следователя по одному разу и все, как один, на вопрос «Признаете ли, что занимались контрреволюционной деятельностью?» отвечали: «Нет!»

По тюремным каналам Александр узнал, что Сара тоже томится в камере, и у него болела душа за нее: тюремный быт был нелегким. У них в небольшой камере сидело шестнадцать парней. Было тесно, душно. Под потолком все время горела яркая лампа. Сквозь маленькое окошко тускло виднелся кусочек неба. В камере не смолкали разговоры, но о чем бы ни начинался рассказ – о детстве, о родном городе – все равно быстро переходили к нынешним делам, то есть к политике. Александр удивлялся, насколько ограничен был кругозор его сокамерников, а ведь здесь были студенты историки и филологи, при этом все не младше третьего курса. Их круг чтения не выходил за рамки трудов Маркса, Чернышевского, Ленина, Богданова и, конечно, их кумира Троцкого. Никто не читал Ключевского, Соловьева, вообще, история своей страны их не интересовала. О России они говорили в духе тех солдат, что выведены в поэме Блока «Двенадцать»: «Пальнем-ка пулей в Святую Русь – в кондовую, в избяную, в толстозадую!»

Как-то Даля Мильман – самый заядлый спорщик в камере – стал возмущаться, что рядом с мавзолеем великого вождя революции до сих пор стоит памятник Минину и Пожарскому⁵. Александр попытался возразить, начал говорить

⁵ Памятник был перенесён к храму Василия Блаженного в 1931 году.

о смутном времени, об освобождении России от иноземцев, но Даля перебил его и торжественно процитировал любимого студентами поэта Джека Альтаузена:

*Подумаешь, они спасли Рассею,
А может лучше было не спасать.*

Вообще, любителей поэзии в камере было немало, но уважали только поэтов пролеткульта. О Есенине и Клюеве отзывались с пренебрежением. Маяковского признавали с оговорками. Зато восхищались Багрицким, Альтаузенем, Безыменским, Марком Голодным. Хором, со слезами на глазах, распевали стихи своего сокурсника Миши Шейкмана⁶:

*Я хату покинул, пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать ...*

Пели революционные песни и в восторге расходились так, что, казалось, дрожат каменные стены камеры:

*Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сравняем с землей!
Ведь от тайги до Британских морей
Красная Армия всех сильней!
Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой.
С отрядом флотских
Товарищ Троцкий
Нас поведет на смертный бой!⁷*

Александр не пел со всеми вместе, он в мрачном настроении лежал на нарах. Еще недавно он и сам посещал литературные вечера, где молодые поэты читали свои стихи. Да, он тоже был захвачен романтикой мировой революции, но сейчас в этой камере, слушая убежденных троцкистов и

⁶ В последующем советский поэт Михаил Светлов.

⁷ Приведён отрывок из первоначального текста песни «Красная Армия всех сильней». Стихи П.Г. Горинштейна, музыка С.Я. Покраса.

много размышляя, он стал понимать, что идея социальной справедливости доведена до абсурда. Мировая революция будет гибельной для России, страна сгорит, как щепка, в огне начавшихся войн. Откуда же взялось это молодое племя романтиков-самоубийц? Не с этих ли литературных вечеров? Неужели так сильна магия зажигательных речей, стихов и песен?

Однажды Александра вызвали на свидание.

- Афанасьев, на выход! – гаркнул охранник. – К тебе жена пришла.

«Какая ещё жена?» – недоумевал он, шагая по коридору.

Когда он вошел в комнату для свиданий, то увидел Сару. Она бросилась к нему, обвила руками. Её ухоженный вид, шелковая кофточка и исходящий от нее дух свободы – всё говорило о том, что она явилась из другого, не тюремного, мира.

- Отпустили на поруки отца, – сказала она. Потом, прижавшись к нему, зашептала на ухо:

- Арестовали Когана, Нину Арефьеву, Машу Сегал, Марка Курица. Из общежития арестовали шестьдесят человек.

- Погоди, Сара, – Александр испуганно оглянулся на охранника. Тот стоял, отвернувшись к окну.

- Я сейчас другим озабочен. Не знаю, что делать. Нам сказали: «Если подпишете отказ от платформы Троцкого, сразу выпустим».

Он увидел её удивлённый взгляд и торопливо продолжил:

- Понимаешь, я хочу выйти отсюда, жениться на тебе, жить нормальной жизнью. Пусть доучиться мне не дадут, но я могу преподавать в школе, на рабфаке ...

Она перебила:

- Как ты можешь так говорить? Предать наше дело, всё, чем мы жили!... Саша, потерпи, скоро всех выпустят.

Потом прошептала в самое ухо:

- Усача скоро уберут.

* * *

Александр просидел в тюрьме ещё полгода, а в декабре постановлением Особого Совещания при комиссии ОГПУ он, как и все его сокамерники, был осуждён на три года ссылки по статье 58-10-УК РСФСР. Отбывать ссылку его отправили в Череповец – небольшой городок, относившийся тогда к Ленинградской области.

Шаламова арестовали в феврале 1929 года. Его взяли в подпольной типографии, куда он пришёл по поручению Сары, чтобы забрать отпечатанные брошюры «Завещание Ленина». В следственном деле сохранилось заявление Шаламова, где он недоумевает, почему его, борца с контрреволюцией, обвиняют в контрреволюционной деятельности. Может быть, непокладистый характер и был виной тому, что его отправили не в ссылку, а в Вишерский концлагерь на Северный Урал сроком на три года.

ВСТРЕЧА

Отец Николая, малоземельный крестьянин, ещё до революции перебрался со всей семьёй в городок Сенгилей и устроился матросом на торговое судно. Раннее детство, проведенное в деревне, Коля вспоминал, как счастливый сон. Потом наступили ужасные времена, особенно страшен был голодный 1923-й год, когда в их семье из пяти детей осталось только двое. Отец сначала служил в войске Колчака, потом оказался в Красной Армии, а при Советской власти грамотный и смекалистый матрос стал работать шкипером на барже.

Барак, где жил Коля, находился неподалёку от добротного дома Афанасьевых, и дети подружились. Саша Афанасьев был домашним ребёнком с книжным знанием жизни, и мальчишки, воспитанные по законам улицы, не давали ему проходу. Уличный террор для Саши кончился, когда Коля – паренёк с врождённым чувством справедливости, взял Сашу под свою опеку.

Их дружба продолжалась и в Москве, хотя юноши сильно различались по воспитанию и по характерам. В отличие от Александра – порывистого, эмоционального и порой слишком доверчивого, Николай был парень спокойный, вдумчивый, с неторопливыми движениями и критическим складом ума. Революционная риторика не убеждала его, а ссылки на марксистско-ленинское доказательство неизбежности коммунизма на Земле вызывали у него, познавшего строгость и красоту математических доказательств, лишь усмешку. Когда в компании троцкистов он упомянул о государстве рабочих и крестьян, его насмешку не поняли, а восприняли как реплику наивного юноши. Николай не был наивным, он понимал, что во главе государства должны стоять образованные и культурные люди. Нынешнее засилье чванливых, корыстных и малограмотных партийных чинуш возмущало его. Однако и от «большевиков-ленинцев» он ничего хорошего не ждал и потому ни на какие демонстрации не пошёл, а праздничные дни просидел за книгами. Но когда он узнал, что демонстрацию оппозиции бесцеремонно разогнали, а её главарей стали преследовать, он проникся сочувствием к этому движению. Он уже собирался вместе с Александром пойти на очередное заседание кружка, но неожиданные события изменили его планы.

Николай получил от матери письмо, где она упрекала его в том, что он совсем забыл своего крёстного Матвея Семёновича. В ближайшую субботу он решил навестить своих благодетелей, живущих в своём доме на окраине Москвы. Матвей с женой Зинаидой были односельчанами и старыми друзьями родителей Николая. Когда мать провожала сына в Москву, она вручила ему листок с их адресом, и он жил у них целых полгода, пока не получил место в общезжитии.

Была середина марта, пахло весной. Почерневший снег на мостовых понемногу таял, приходилось перепрыгивать или обходить лужи, чтобы не промочить ноги, обутые в прохудившиеся сапоги.

Николай доехал на трамвае до Данилова монастыря и пошел по знакомой улице к дому крёстного. В монастырь тянулся верующий люд, в основном, женщины. Вдруг его окликнули:

- Коля, ты?

Он увидел тётю Зину со своей младшей дочерью, идущих навстречу в белых платочках.

- К нам в гости? Наконец-то собрался. А мы в церковь идём, на вечернюю службу. Чуть не разминулись. Вот, Коля, возьми ключи, заходи к нам, не стесняйся. У нас в доме всё, как раньше. Там сейчас никого нет, Матвей ушёл в ночную смену.

Всё это, сказанное московской скороговоркой, заставило Николая улыбнуться. Да, обжилась тётя Зина в столице. Где её протяжная окающая речь коренной волжанки?

- А можно мне с вами пойти в церковь? – спросил он.

- Конечно, можно, – обрадовалась тётя Зина.

Служба проходила в Троицком соборе. Сначала Николай с интересом осматривался, в памяти пробуждались впечатления детства, когда его вместе с братьями и сёстрами родители приводили в храм. Последний раз он был на церковной службе десять лет назад, когда ему было 12 лет. После этого оба храма в их городке закрыли, а священников увезли неизвестно куда. Через два года службы возобновились, но родители туда не ходили: говорили, что священники там не настоящие, а какие-то «живоцерковники».

Он шёпотом спросил у тёти Зины:

- А служат здесь по-настоящему? Как раньше?

- Не сомневайся, – зашептала она ему в ухо, – здесь, в монастыре, обновленцев нет, здесь только православные. Сегодня служит епископ Мануил, гроза всех обновленцев. Он, как сюда приехал, так живо их укротил. Многие даже покаялись, вернулись назад в православие.

В школьные годы Николай вспоминал о Боге только на уроках атеизма, но, когда в вузе он стал серьёзно изучать физику, то был поражён гармонией законов природы и по-

неволе пришел к мысли, что у вселенной есть Создатель. Так он и жил с верой «во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли», а всё остальное в Символе веры, кроме этой первой строчки, считал излишним.

*Данилов монастырь.
Храм Святых отцов семи Вселенских Соборов*

Епископ Мануил служил неторопливо, благоговейно. Он стал читать Евангелие, и в голосе его слышалась такая искренность, такая убежденность, что казалось, будто он видел всё это своими глазами. У Николая даже озноб пошёл по коже, когда под сводами храма зазвучали слова, написанные двадцать веков назад:

«Во едину же от суббот Мария Магдалина прииде завтра, еще сущей тме, на гроб, и виде камень взят от гроба...»

Когда служба кончилась, тётя Зина сказала:

Давайте подождём немного, я хочу с владыкой поговорить.

Они присели на скамейку.

- Хочу пригласить владыку к нам в гости. Завтра после литургии. Мы ведь его духовные чада, приглашаем его то в один дом, то в другой. Он человек простой, не отказывает. А нам его вразумление ой как нужно. Ведь в такие трудные времена живём! Порой руки опускаются, не знаешь, что делать... Ты, Коля, тоже приходи, послушаешь Божьего человека... Да, да, не сомневайся, Божья благодать на нем. Он здесь совсем недавно служит, а уже прославился в народе. Молитвой своей людей исцеляет. В прошлое воскресенье бесноватую исцелил. На наших глазах. Варвару порченую. Она, как в храм привели, так сразу упала, бьётся, кричит, ругается по-страшному. Пять человек её держали. А владыка подошёл, сказал: «Перестань кричать!» И она тут же замолкла. Её подняли, поставили... Вся мокрая, слабая. Владыка говорит: «Иди за мной», и она, как овечка, пошла за ним на клирос. А ведь ещё молодой владыка-то наш. Говорят, 43 года всего, а по лицу видно – много горя хлебнул.

Зинаида была права: епископ Мануил (Лемешевский) перенёс немалые скорби. В 1922 году, будучи иеромонахом и настоятелем небольшой домово́й Спасской церкви в Петрограде, он с душевной болью наблюдал, как многие священники переходят в обновленческий раскол, в явную ересь, противоречащую каноническим устоям Христовой Церкви. Возглавил этот раскол Александр Введенский, в прошлом друг иеромонаха Мануила. Человек темпераментный, с незаурядным даром красноречия, он провозгласил себя митрополитом и при поддержке властей изгонял из храмов верных Православию священников и ставил туда своих сторонников. Отец Мануил изо всех сил убеждал своих прихожан не поддаваться новой ереси. «Эта церковь сатанинская, прикрывающаяся обликом Христа», – говорил он.

В сентябре 1923 года отец Мануил был вызван патриархом Тихоном в Москву и в Даниловом монастыре возведен

*Епископ Мануил (Лемешевский).
1929 год*

в сан архимандрита, а затем был хиротонисан во епископа. Патриарх назначил его епископом Луги, викарием Петроградской епархии и, вручая ему архипастырский жезл, напутствовал его такими словами: «Посылаю тебя на страдания, ибо кресты и скорби ждут тебя на новом поприще твоего служения, но мужайся и верни мне епархию».

К моменту приезда епископа Мануила в Петроград из 123 приходов только 8 оставались в Православии, остальные

отошли к обновленцам. Епископ Мануил мужественно приступил к борьбе с расколом. Он разослал по приходам свои воззвания, собрал съезд духовенства, оставшегося верным Патриарху Тихону. На съезде был выработан «чин воссоединения обновленцев с православными». Основной упор был сделан на проповеди и разъяснения среди притча и мирян. Сам владыка Мануил неутомимо ездил по приходам, произносил проповеди, призывал заблудших к покаянию. Говорил он просто, неустрашимо, называя не только вещи, но и людей, своими именами. Он не отличался красноречием, цветистым слогом или особой интонацией голоса, но его слово было полно внутренней духовной силы, оно поразительно действовало на людей. Становилось понятным, где истина и где ложь.

Начали приносить покаяние целые приходы. Переломным моментом стало возвращение Александро-Невской Лавры в лоно Православия. Трудность здесь заключалась в том, что большинство иноков не считало себя обновленцами и, в тоже время, не поминало за богослужением Патриарха Тихона. Наконец, после встреч и долгих бесед с иноками и начальниками Лавры удалось убедить их признать своё заблуждение.

В декабре возвратился в Православие видный деятель обновленчества митрополит Петроградский и Лужский Артемий (Ильинский). Он приносил публичное покаяние в нескольких храмах епархии. В январе 1924 года вернулся в лоно Церкви Новодевичий женский монастырь.

Борьба епископа Мануила с обновленчеством продолжалась 125 дней. В итоге большинство петроградских храмов (83 прихода) возвратились в Православие.

Обновленцы негодовали: такой победы они не смогли простить епископу Мануилу. Посыпались клеветнические доносы властям. В результате владыка был арестован и в октябре 1924 года приговорен к ссылке на Соловки сроком на три года.

Монастырь на Соловецких островах к тому времени был закрыт. Его превратили в место ссылки интеллигенции и свя-

щеннослужителей, чем-то не угодивших новой власти. Тогда здесь ещё не было каторжного концлагеря, условия жизни были нелёгкими, но терпимыми. Епископ Мануил жил в скромной монастырской келье и даже мог писать работы по истории церкви. После освобождения в феврале 1928 года он прибыл в Москву и поселился в Свято-Даниловом монастыре.

Это было время, когда среди иерархов Русской Церкви вновь возникли нестроения, переросшие в новый раскол. После кончины Патриарха Тихона заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола стал митрополит Сергей (Страгородский), однако не все архиереи согласились с этим. А когда в июле 1927 года митрополит Сергей опубликовал декларацию, в которой он призывал верующих признать советскую власть и молиться за неё, некоторые архиереи во главе с митрополитом Ленинградским Иосифом (Петровых) прервали с ним отношения. Возник раскол, названный иосифлянским. Если обновленцы полностью поддерживали власть большевиков, то «иосифляне» считали эту власть безбожной. Они называли себя «истинно православными христианами». В миру это были обычные граждане страны, но у них были свои тайные приходы, и на своих службах они не поминали ни власть, ни митрополита Сергея. Нередко службы проводили в домашней церкви. Среди «иосифлян» было и другое, крайнее направление – это были те, кто полностью игнорировал государство, жил независимо от него, скрываясь в удалённых местах.

За кем же идти – за митрополитом Сергием или за митрополитом Иосифом? Вопрос для православного человека отнюдь не праздный, ведь ложный пастырь может привести своё стадо в преисподнюю.

* * *

Николай ночевал в доме своего крёстного, а утром вместе со всей его семьёй отстоял литургию в монастыре. Потом вернулся в гостеприимный дом и вместе со всеми стал ждать прихода владыки. Здесь было ещё человек десять гостей, среди

которых были две барышни – ровесницы Николая. Пожилые женщины во главе с Зинаидой накрывали на стол. Угощение собирали из нескольких домов, несли лучшее, что было, благо начиналась последняя неделя перед Великим постом.

Наконец в сопровождении Семёна пришёл епископ Мануил. Он был небольшого роста, сухощавый, с удлинённым худым и бледным лицом. На нём был поношенный подрясник, большой медный крест и панагия на груди, выцветшая синяя скуфья на голове. Увидев обильно уставленный блюдами стол, он пошутил:

- Ну, после такого угощения можно целый год поститься.

Прочитав молитву, все уселись за стол. За трапезой разговаривали мало, вопросы владыке стали задавать, когда подали чай. На вопрос о недавнем расколе он отвечал так:

- Митрополит Сергей законно возглавил нашу Церковь. Его и надо слушать. И никакого нет греха в молитве за властей. Давно надо было молиться за них. Только благодать молитвы может разрушить ту стену вражды и ненависти, которая встала между Церковью и советской властью. Вот я вам сейчас прочитаю, что писал апостол Павел. Дайте-ка мне «Новый завет».

Хозяйка быстро нашла книгу и подала владыке. Он полистал её, нашёл нужное место и стал читать:

- Из первого послания к Тимофею, глава вторая. «Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно спасителю нашему Богу, который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины».

Владыка обвёл глазами присутствующих.

- Вот и молились первые христиане за своего гонителя – императора Нерона.

По поводу отделения Зарубежной Православной Церкви от Московского Патриархата, происшедшего в сентябре 1927 года, он сказал такие слова:

- Им там, за границей, легко рассуждать, мол, Московский Патриархат во главе с митрополитом Сергием признал безбожную власть и желает ей здравия. Они не понимают, что мы здесь ходим по краю пропасти. Мы у большевиков как кость в горле, мы единственные, кто не разделяет идеи построения коммунизма. Что же нам всем уйти в катакомбы, оставить наш народ большевикам? Без таинств, без Евхаристии?

Женщина лет сорока просила совета:

- Что мне делать с моим мужем? Он у меня воевал на Гражданской, эскадрон командовал, на Варшаву ходил, потом был членом Ревтрибунала. А теперь сидит дома, нигде работать не может. Поработает немного и бросит. Говорит: «Революцию предали, мы, революционеры, смотреть не можем на то, что вокруг творится». Так вот и живём: я одна работаю, и дети на мне, и дом.

- Ох уж эти революционеры, – вздохнул владыка, – сколько их было в России. Сначала народовольцы – наивные люди, романтики. Мол, свергнем власть, заменим другой, какой – не известно, а потом наступит всеобщее благоденствие. Второй тип революционеров – это бунтари по складу характера. Разрушители, не способные к созидательному труду. Революция – их стихия. Ваш муж, видно, из таких. А таких сейчас оттесняют. К власти приходят корыстные люди. Революционные идеи для них лишь прикрытие, их интересует только личное благополучие. Ну, а насчёт мужа вашего, что можно посоветовать? Только молиться за него, чтобы Господь смягчил его характер, чтобы нашлась работа ему по душе.

Вопросов было немало, и на все владыка давал простые и ясные ответы. Николай, сидящий рядом с крёстным, шёпотом спросил его:

- Можно мне тоже задать вопрос?

- Конечно, спрашивай, мы здесь для того и собрались.

Дождавшись паузы, Николай сказал:

- А у меня такой вопрос: у нас в университете немало сторонников Троцкого. Они считают, что нынешняя власть

предала дело Ленина, что надо прекратить нынешнюю экономическую политику, вернуться к военному коммунизму. Так вот, как нам относиться к этим идеям?

Владыка взглянул на Николая, задумался и как-то грустно заговорил:

- Идеи у них страшные. Эти хитрые политиканы хотят завоевать весь мир. А разве это человеку нужно. Спаситель что сказал? «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?» Так что сами смекайте, поддерживать это движение или нет.

Вскоре встреча закончилась, епископ Мануил простился и ушёл, гости стали расходиться. Николай тоже стал прощаться с хозяевами. Тётя Зина вышла с ним на крыльцо:

- Ты бы, Коля, познакомился с Машей. Вон она пошла со своей подругой. Та, что слева. Сестрой милосердия работает в больнице... Иди, догоняй.

Николай и сам заметил эту барышню, синеглазую, с простым русским лицом, украшенным веснушками, с большой светло-русой косой. Парень он был стеснительный, во всяком случае, когда речь шла об особах противоположного пола. Не было у него опыта общения с ними. К двум барышням он бы ни за что не подошёл, но подруга Марии свернула в сторону, а сама Мария шла прямо на трамвайную остановку. Туда же поспешил и Николай, и там, поджидая трамвай, они разговорились. Ехать им предстояло в разные стороны, но он взялся проводить новую знакомую. До дома они не доехали, сошли на полпути и, забыв обо всём на свете, до вечера бродили вдоль Москвы-реки.

Он вернулся в общежитие около восьми часов вечера. В комнате было только двое друзей, сидевших за столом с учебниками. Николай поставил сушиться свои сапоги к теплой печке. Потом открыл тумбочку, взял кастрюльку с кашей, отрезал от буханки большой ломоть хлеба, пошел на кухню, общую для всего коридора, и разогрел кашу на керосинке. Кипяток в котле, стоявшем на плите, ещё не остыл. Он поужинал, вернулся в комнату и тоже сел за стол, чтобы

готовится к завтрашним занятиям. Но наука не шла в голову. Он снова и снова переживал все подробности прогулки. Каким волнующим было первое прикосновение, когда он помог Маше перебраться через лужу. А ещё потом, перед расставанием, он осмелился погладить её руку. Они договорились встретиться в следующее воскресенье после службы в храме. Только сейчас он осознал, что не увидится с ней целую неделю. Целую вечность он будет жить без неё! Как случилось, что эта девушка, о существовании которой он не знал до сегодняшнего дня, вдруг стала ему так нужна? Николай вышел в коридор, бесцельно походил туда-сюда, потом вернулся в комнату и лёг на кровать. Он чувствовал, что с ним происходит что-то странное. Какое-то сладостное томление заполняло его душу. Он достал из тумбочки томик Лермонтова «Избранная лирика» и стал читать, выбирая стихотворения наугад. Книга была подарена когда-то Александром. Дарственная надпись гласила: «В минуту жизни трудную откроешь книгу чудную... Другу Коле от Саши в памятный день совершеннолетия».

Николай вспомнил свой последний визит к другу. «Так что же и мне суждено валяться как расслабленному? Нет, надо как-то преодолеть эту болезнь. Тем более столько дел накопилось».

* * *

Дел, действительно, было много. Кроме текущей учёбы, Николай занимался научной работой у профессора Окунева. К сожалению, тему «радиоактивность» пришлось оставить, потому что со смертью Соколова его лабораторию закрыли. В последнее время в научных журналах много писали о свойствах инфразвука. Обсуждалась и гипотеза о том, что паническое бегство животных перед землетрясением вызвано волнами инфразвука, возникающими в земных недрах. Окунев решил проверить эту гипотезу. Он поручил своему дипломнику создать мощный источник таких волн и изучить их воздействие на подопытных животных.

Когда Николай в сентябре приступил к работе, генератор был почти готов, его сделали по последнему слову техники на электронных лампах. Предстояло добавить в генератор выходной каскад, чтобы увеличить мощность. В радиоцентре на Шаболовке выпросили два мощных триода, и Николай сделал монтаж, как полагалось по схеме. Однако, когда генератор включили, сломался самый мощный из имеющихся громкоговорителей: картонный диффузор не выдержал и порвался. Пришлось делать громкоговоритель большого размера с металлическим диффузором. Каждый день после занятий Николай шёл в слесарную мастерскую и, не разгибаясь, трудился допоздна. Работать с металлом его научил отец: у него на барже он прошёл хорошую слесарную школу.

Как раз перед своей поездкой к крёстному он принёс в лабораторию своё детище: рупор из алюминия в форме пирамиды с поперечником почти в полметра. Окунев был доволен: он не ошибся, выбрав в дипломники мастеровитого парня. Лаборант Витя тоже не терял времени зря: он сделал деревянную раму для рупора и две проволочные катушки. Оставалось всё это собрать вместе. Этим и занялся Николай вместе с Витей, когда в понедельник пришёл в лабораторию.

К концу дня всё было готово. На испытание мощного излучателя инфразвука пришёл Окунев с тремя своими коллегами. Рупор установили в углу, генератор стоял на столе посередине комнаты, туда же посадили Николая выполнять роль оператора. Когда генератор прогрелся, раздался ровный гул.

- Убавляй частоту, только очень медленно, – скомандовал Окунев.

Николай стал плавно поворачивать ручку. Гул исчез, излучение полностью ушло в область инфразвука. Вдруг задребезжали оконные стёкла, причём так сильно, что Окунев крикнул:

-Убавь мощность!

Николай на половину убавил мощность и продолжал вращать регулятор частоты. Стёкла успокоились, но затряслись

мелкой дрожью дверцы шкафа, забренчало что-то на полках и оттуда посыпались железки. Он крутил дальше. Всё затихло, но Николай вдруг почувствовал тупую боль в голове. Он посмотрел на присутствующих: было видно, что все переживали неприятные ощущения. Один из сотрудников схватился за голову и с криком «Да ну вас с вашим инфразвуком!» выбежал из комнаты.

- Выключай! – крикнул Окунев. Он вытирал платком потный лоб. Потом, отдышавшись, сказал своему дипломнику:

- Завтра начинай опыты на крысах. За крысами сходи на биофак, лучше всего обращайся к Чижевскому, он нам не откажет. Сейчас я напишу ему записку. Клетку с крысами ставь возле рупора и работай при малой мощности так, чтобы сам ничего не чувствовал. План опытов я принесу утром.

На другой день Николай пошёл на биологический факультет. Сашу Чижевского он хорошо знал, они не раз встречались в лаборатории Соколова. Этот молодой человек удивлял своей эрудицией и неистощимой энергией. Он был на несколько лет старше Николая, учился сначала на физмате, но, не закончив курс, перешёл на биофак и теперь работал там преподавателем.

Николай подстерёг его, когда тот выходил из аудитории после занятий со студентами. Прочитав записку Окунева, Чижевский спросил:

- Не понимаю, зачем вам крысы?

Они шли к лабораторному корпусу, и по дороге Николай рассказывал об опытах с инфразвуком. Чижевский развеселился.

- Я животных оздоравливаю, а вы будете их морить.

Он привёл Николая в свою лабораторию – небольшую комнату без окон, заставленную аппаратурой. Посередине на столе стояла клетка с белыми крысами, над которой висело сплетённое из проволоки изделие, похожее на люстру. Чижевский объяснял:

- На этот электрод подаётся отрицательный потенциал 20 киловольт, в результате в воздухе образуются ионы. Живот-

ные поглощают их при дыхании. А эффект от этого можно увидеть, если сравнить этих крыс с контрольными.

Он показал на другую клетку, стоящую поодаль. Различие было налицо: животные в первой клетке выглядели упитаннее и подвижнее, чем во второй.

- Корм и условия содержания совершенно одинаковые, – говорил Чижевский, длинной ложкой насыпая в клетки корм из большой коробки. – Сейчас оформляю заявку на изобретение. Не придумал пока, как назвать моё устройство.

Николай принёс к себе в лабораторию клетку с четырьмя крысами и мешочек с кормом на первое время. Начались утомительные опыты: животные требовали много хлопот. Он выяснил, что при определённой частоте инфразвука крысы начинают метаться по клетке, как бешенные, а потом впадают в депрессию. Витя, посмотрев на жутковатое зрелище, сказал:

- Ну, вот и практическое применение нашего излучателя – можно крыс из подвалов выгонять.

Для человека частота воздействия была другая. На панели генератора, вокруг ручки регулятора частоты Николай нанёс две метки: «крысы» и «люди». Впрочем, животные после трёх сеансов сдохли, успев оправдать свой корм.

Несмотря на запрет своего руководителя, дипломник делал опыты и на себе. Двигаясь по комнате и используя свою голову как индикатор, он обнаружил, что есть места, где воздействие не ощущается, а есть и такие, где оно наиболее сильное. Он объяснил это интерференцией, возникающей из-за отражения звуковых волн от стен.

* * *

Работа оказалась хорошим лекарством от любовных переживаний. Николай приходил в общежитие измотанный и, добравшись до кровати, почти сразу засыпал, несмотря на то, что в комнате ещё долго не затихала бурная жизнь. В субботу после обеда он стал приводить себя в порядок: сходил в баню, в парикмахерскую. Накануне он купил на

рынке удобные и почти новые ботинки, а у соседа по комнате выпросил на воскресенье красивый серый костюм.

В воскресенье утром он поехал в Данилов монастырь, где они договорились встретиться. Зашёл в храм, когда служба уже шла к концу, купил в лавке две свечи, поставил их наугад, почти не глядя на иконы, торопливо перекрестился и стал высматривать свою Марию. Её нигде не было видно. Вот уже и народ стал расходиться, а он стоял, уныло оглядываясь по сторонам. Вдруг он услышал: «Коля, здравствуй!» Он повернулся и не смог сдержать счастливой улыбки: перед ним стояла Маша в тёмном бархатном платье и кружевной косынке. Казалось, она стала выше ростом, стройнее и ещё красивее.

- А я сегодня пела на клиросе, – сказала она, глядя на Николая сияющими глазами. – Подожди, я пойду оденусь.

Когда они вышли из храма, Николай предложил зайти в столовую пообедать, но Мария отказалась:

- Я теперь в столовую не хожу, теперь пост. Пойдём лучше ко мне домой, я тебя угощу своим обедом.

Мария была родом из Серпухова. Она приехала в Москву три года назад. Её отец погиб на Гражданской войне, мать умерла от испанки. Умерли и младшие сёстры, остался только старший брат, который женился и теперь жил с женой и ребёнком в родительском доме. В Москве Мария снимала комнату в доме, где хозяевами были пожилая женщина и её взрослая дочь.

Комната оказалась маленькой: стол у окна, кровать, шкаф и книжная полка занимали почти всё пространство. Пока Мария хлопотала на кухне, её гость перебирал книги. Здесь были медицинские справочники и книги, авторы которых ему были совершенно неизвестны: Поселянин, Нилус, Иоанн Кронштадтский и немало других. Николай с детства любил чтение и читал без разбору всё, что попадалось под руку. Но, оказывается, существовала литература, о которой он ничего не знал.

В комнату вернулась Мария и, поставив тарелки на стол, сказала:

- А я как раз хотела тебе сделать подарок.

Она достала с полки книжку небольшого формата и вручила Николаю. Это был «Новый завет».

- Читай, эта книга необходима каждому.

- Слушай, Маша, вот допустим, я совсем тёмный. Как ты можешь мне объяснить: Евангелие – это о чём? Только кратко.

- Ну, если коротко сказать, это радостная весть нам, всем людям. Весть о том, что в мир пришёл Спаситель. Пришёл, чтобы спасти наши души.

- А что значит спасти? – не отставал Николай. – Спасти от чего?

- Спасти душу от смерти. Как раз сегодня читали Евангелие от Иоанна: «Слушающий слово Мое и верующий в посланного Меня имеет жизнь вечную».

Она сняла с полки ещё одну книгу.

- Я не думаю, что ты совсем тёмный, но все-таки возьми ещё вот эту почитать на время.

На обложке Николай прочёл: «Феофан Затворник. Письма».

За обедом Мария рассказывала о своём родном Серпухове: о раскинувшемся на холмах городе-крепости с белокаменным кремлём в центре, о битвах с татарами, о князе Владимире Андреевиче Храбром, о восстании Болотникова. А когда она начала говорить о том, чему сама была свидетелем – о страшных событиях революционного времени – она сбилась и всплакнула. Потом взглянула на ходики:

- Я ведь сейчас собираюсь идти на собрание нашего кружка. Если хочешь, пойдём со мной.

Конечно, он согласился. Они вышли на улицу. Мария на ходу объясняла:

- Сегодня собираемся у Таисии Ивановны. Это моя хорошая знакомая, вместе работаем в больнице. Самая лучшая наша сестра милосердия. В Марфо-Мариинской обители работала до самого закрытия. Она и будет делать доклад. Её просили рассказать о великой княгине Елизавете Федо-

ровне. После неё ещё кто-то должен выступить. В общем, это заседание посвящено новым мученикам Российским. А на следующий раз уже договорились: будет тема «Церковь и государство». Только вот что, Коля...

Мария остановилась и, внимательно глядя на своего спутника, сказала:

- О нашем кружке ты никому не должен говорить. Ни друзьям, ни родителям. Никому! У нас ведь власть теперь какая? Для неё Церковь – это контрреволюция...

Таисии Ивановне на вид было лет сорок. На ней было монашеское одеяние, белые манжеты на рукавах, а на груди – кипарисовый крест на белой ленте. Рассадив своих гостей в большой комнате на табуреты и заранее заготовленные скамьи, она подошла к столику в красном углу, где стояла большая фотография Елизаветы Фёдоровны, и сказала:

- Братья и сестры, я ведь говорить особенно не мастерица, расскажу, как умею, уж простите меня грешную... В 1905 году террористы убили мужа Елизаветы Федоровны, Московского губернатора Сергея Александровича. После этого Великая Княгиня всю свою жизнь посвятила делам благотворительности. На свои средства она приобрела участок земли с четырьмя зданиями на Большой Ордынке и основала там обитель милосердия в честь Марфы и Марии – сестёр святого Лазаря. Там была устроена больница с амбулаторией, приют для девочек-сирот, сестринский корпус. В здании больницы помещалась больничная церковь. Позднее был воздвигнут большой храм в честь Покрова Богородицы. Его стены расписал художник Нестеров.

Хирургическая больница нашей обители считалась лучшей в Москве. Туда направляли наиболее тяжёлых больных. Причём, за наиболее трудными ухаживала сама великая княгиня. Она встречала всех со светлым лицом и ласковой улыбкой. Никогда мы не видели на её лице усталости или озабоченности. Мы, сёстры, души не чаяли в нашей матушке – настоятельнице. Жила она в обычной келье, спала на деревянной кровати без матраса. День в обители начинал-

ся в шесть утра. После общей утренней молитвы матушка раздаст сёстрам послушания и сама принимается за работу. Главное, что было в Елизавете Фёдоровне – это её доброта. Сколько добрых дел она сделала, сколько несчастных семей посетила, сколько бедных детей пристроила в хорошие руки. Обо всех её делах не расскажешь. Я вам поведаю о том, что видела сама.

Как-то привезли к нам женщину из городского госпиталя, всю обожжённую. Там врачи признали её безнадежной. Это была кухарка. Бедняжка нечаянно опрокинула на себя горящую керосиновую печь, и на ней не осталось ни одного живого места, только ладони и ступни. Начиналась гангрена. Елизавета Федоровна сама взялась её лечить. Она делала перевязки по два раза в день. Перевязки были длительными – по два с половиной часа – и до того мучительными для больной, что матушке приходилось всё время останавливаться, чтобы дать отдых женщине и успокоить её. Язвы на теле были гноящиеся, от них исходил такой запах, что в палату тяжело было зайти. Несмотря на это, матушка продолжала ухаживать за больной, пока та не поправилась. Это очень удивило докторов, они считали этот случай безнадежным.

Когда к власти пришло Временное правительство, в Москве наступил хаос. Грабили и поджигали дома. По улице ходили толпы оборванцев – преступники, выпущенные из тюрем, и умалишённые. Однако двери обитатели не закрывались, мы по-прежнему принимали всех и оказывали первую помощь. Нас продолжали снабжать продуктами и медикаментами, хотя и более скудно, чем раньше. Как-то приехали на грузовике революционеры с винтовками и красными бантами, грозили нашей матушке, что арестуют её как немецкую шпионку. Сделали обыск во всех зданиях, искали оружие. Ничего не нашли и уехали.

Большевики, когда пришли к власти, первое время тоже нас не трогали. Утвердили рацион для больницы и для сестёр и дважды в неделю привозили на грузовике продукты, в основном чёрный хлеб и вяленую рыбу. К нам, сёстрам,

относились уважительно. Но мы чувствовали, что тучи над обителью сгущаются. Вокруг шли аресты, расстрелы. У нас из больницы забрали несколько человек. Обещали всех сирот из нашего приюта перевести в детдом.

Потом мы узнали, что после заключения Брестского мира правительство Германии добилось согласия советской власти, чтобы великую княгиню Елизавету Фёдоровну вывезти за границу. Но она наотрез отказалась уезжать из России, даже с немецким послом Мирбахом не захотела встречаться. А ведь все знали, что Ленин и Троцкий ненавидят весь род Романовых и не оставят их в живых.

На пасхальной неделе 1918-го года к воротам нашей обители подъехали красноармейцы с комиссаром во главе. Елизавете Фёдоровне было приказано немедленно ехать с ними. Все красноармейцы были латыши. Я думаю, это потому, что простой русский народ очень уважал матушку Елизавету. Она попросила комиссара дать ей два часа времени, чтобы сделать необходимые распоряжения и попрощаться со всеми. Ей дали на сборы полчаса. Она успела только собрать сестёр в храме и дать нам своё последнее благословение. Мы все рыдали, знали, что видим нашу матушку в последний раз... Помню, стоит она у иконы праведной Елизаветы... До сих пор она у меня перед глазами как живая.

Таисия Ивановна остановилась, стала вытирать платочком слёзы. Потом продолжала:

- Её посадили в машину и повезли. По железной дороге доставили в Пермь, а потом, в конце мая, в Алапаевск. С ней ехали две наших сестры – Варвара Яковлева и Екатерина Янышева. Екатерину большевики уговорили вернуться, а Варвара осталась с матушкой до конца. Туда же, в Алапаевск, привезли ещё шестерых членов дома Романовых ... А 19 июля их всех убили... Это было жестокое убийство. Чекисты привезли их к заброшенной шахте и ударами прикладов столкнули вниз. Потом бросали в шахту гранаты. Елизавету Фёдоровну столкнули первой. Она громко молилась и сказала: «Господи, прости им, не знают, что делают!»

*Великая княгиня
Елизавета Федоровна – игуменья
Марфо-Мариинской обители*

*Памятник святой
преподобномученице
Елисавете Московской*

Подробности этого страшного злодеяния стали известны, когда армия Колчака освободила Алапаевск от красных. Достали из шахты тела мучеников, оказалось, что Елизавета Фёдоровна упала не на дно шахты, а на выступ, который находился на глубине 15 метров. Рядом с ней нашли тело князя Иоанна Константиновича. Голова у него была забинтована, видно, великая княгиня сделала ему перевязку, используя собственный апостольник, хотя у неё самой были тяжёлые раны. Тут же рядом, на выступе, лежали две неразорвавшиеся гранаты. На груди мученицы была иконка Спасителя, на обороте которой было написано: «Вербная

суббота 13 апреля 1891 года». В этот день Великая княгиня перешла в Православие.

Почти все сброшенные в шахту погибли не сразу, они умирали долго и мучительно от ран и от истощения. Когда шло следствие по этому страшному делу, один из свидетелей, крестьянин, рассказал, что из шахты доносилось пение Херувимской песни.

После расследования тела невинно убиенных торжественно при большом стечении народа погребли в Свято-Троицком соборе Алапаевска, в склепе возле алтаря. Однако при наступлении Красной армии останки мучеников пришлось везти дальше на восток. В конце концов, они оказались в Китае. А в 1921 году сестра и брат Елизаветы Фёдоровны организовали перевоз тел Великой княгини и инокини Варвары в Иерусалим. Там, на Святой Земле они упокоились возле храма Марии Магдалины...

Всё, что рассказывала бывшая сестра Марфо-Мариинской обители, Николай слышал впервые. Его поразила судьба женщины-аристократки, добровольно избравшей путь мученицы. Судя по тому, с каким вниманием слушали остальные, им тоже не было известно об этих событиях.

Таисия Ивановна села, а на её место вышел рослый юноша, по-видимому, студент и заметно волнуясь, сказал:

- Я прочитаю стихи Константина Романова, посвящённые Елизавете Фёдоровне, когда она была ещё принцессой Эллой.

Держа в руке тетрадный листок, он начал:

*Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих глазах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту.*

Читал он с чувством умиления и, закончив, пояснил:

- Автор этих стихов – Великий князь Константин Константинович. В молодости он воевал на Русско-Турецкой войне, потом дослужился до главного начальника военных училищ Российской империи. Свои стихи он публиковал под псевдонимом *К.Р.* и был хорошо известен любителям поэзии. У него было восемь детей. Один из них, Олег, героически погиб на войне, а трое сыновей – Иоанн, Игорь и Константин были убиты вместе с Елизаветой Фёдоровной. Там, на дне этой страшной шахты, она, израненная, перевязала голову Иоанну Константиновичу. Сам Константин Романов до революции не дожил. Я прочитаю вам «Колыбельную песенку», написанную им для своего новорождённого первенца Иоанна:

*...В тихом безмолвии ночи
С образа в грусти святой
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.
Сколько участья во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей...
Спи же! Ещё не настали
Годы смятений и бурь!
Спи же, не зная печали,
Глазки, малютка, зажмурь!..*

Последние строки студент прочитал с трудом, голос его дрожал от волнения. Николай был поражён: поэт будто предвидел, что его сына ждут страдания! Он обвёл взглядом сидящих в комнате. На глазах у многих были слёзы. Здесь сидели простые, скромно одетые парни и девушки – рабочие или учащиеся. Но какие у них были светлые, одухотворённые лица! Николай вспомнил своё посещение троцкистской сходки, вспомнил её участников – шумных, стремящихся об-

ратить на себя внимание, с лицами, искажёнными то восторгом, то гневом. Это была политическая оппозиция. А ведь сидящие здесь молодые люди – это тоже оппозиция, только в отличие от троцкистов цель у них не захватить власть, а сохранить христианскую душу и память народа...

Собрание кружка закончилось, Николай пошёл провожать Марию домой.

- Ты знаешь, – говорил он возбуждённо, – у нас в клубе недавно выступал Маяковский, читал свои новые стихи. Прочитал стихотворение «Император», сказал, что написал его к 10-й годовщине казни Николая II. Я потом и в газете эти стихи видел. Запомнил одну строфу. Послушай:

*Прельщают многих короны лучи.
Пожалте, дворяне и шляхта,
Корону можно у нас получить,
Но только вместе с шахтой.*

- Какое злорадство! – Мария даже остановилась возмущённая.

- Да, согласен. Так вот, один студент с юридического задал поэту вопрос: «Почему расстрел, совершённый в Екатеринбурге 10 лет назад, он называет казнью? Ведь не было ни суда, ни следствия. Значит, это убийство».

- Ну и что тот ответил?

- Маяковский спорщик умелый. Заклевал парня. Сказал, что революция – это стихийное выступление масс, и никакие суды ей не нужны. И, мол, такие адвокаты, вроде того, кто спросил, не нужны тем более.

- Тебе, Коля, надо было на кружке это рассказать. И ещё добавить, что при Временном правительстве работала следственная комиссия, пытались найти какие-либо преступления, совершённые Императором и, вообще, членами семьи Романовых. Ничего не нашли... Нет, об этом у нас говорить нельзя. Мы решили – о политике ни слова.

* * *

Вечером Николай сидел на своей кровати в общежитии и читал книгу Феофана Затворника. Одно место поразило его так, что он решил поделиться неожиданной находкой с товарищами:

- Смотрите, как интересно! Нам недавно на лекции что говорили? Материя существует в двух видах: вещество и поле. Вещество образовано из атомов различных типов, а поле осуществляет взаимодействие между атомами. В итоге образуются различные агрегатные состояния вещества, химические соединения, биологическая ткань и прочее. Сейчас науке известны два вида поля: гравитационное и электромагнитное. Говорят, Резерфорд открыл недавно третье поле – ядерное. Всё это нам излагается как современные взгляды на структуру материи. А теперь смотрите на эту книжку. Издана в 1875 году. Автор – монах. Вот что он пишет: «О мире я так думаю. Основа мира вещественного – атомы. Но атомы не все одинаковы, они разные, как разные стихии. Сами, однако ж, они ни движения, ни соединения взаимного иметь не могут. Всё производят в них действующие силы. Какие это силы? Я допускаю лестницу неведущих сил душевного свойства. Взаимное притяжение, химическое сродство, кристаллизация, растения, животные – всё это производится соответствующими неведущими силами, которые идут, возвышаясь постепенно».

Николай посмотрел на своих сокурсников:

- Каково? А? Пятьдесят лет назад монах ввёл понятие поля и знал о его роли в природе. Только назвал его по-другому: «неведущие силы».

- Дай-ка взглянуть, – попросил кто-то.

Книжка пошла по рукам, а её владелец пояснял:

- Вообще-то, здесь нравственные поучения, а рассуждения о мироздании – это между прочим.

- Чего это ты, Коля, в религию ударился? – сказал Юра, тихий и всегда мрачный паренёк. – В прошлый раз у Ньютона нашёл какие-то богословские труды. Мало ли кто чего

написал. Смотри, капну на тебя Коршуну, он тебе прочистит мозги на собрании.

Сказано это было шутя, но настроение у Николая всё равно испортилось.

Коршуном студенты прозвали своего главного комсомольского начальника, фамилия которого была Коршунов. Это был неутомимый и не знающий сомнений карьерист, за три года выросший от комсорга группы до комсорга всего вуза. Начинал собрание он всегда с обзора политической обстановки, сначала клеймил мировую буржуазию, потом переходил к её скрытым пособникам внутри страны, а после этого давал разнос провинившимся комсомольцам.

Недавно на собрании обсуждали двух студентов второго курса, скрывших в анкетах своё социальное происхождение: оба были детьми священников. Таким запрещалось учиться в советском вузе⁸. Коршунов метал громы и молнии. Как только он не обзывал провинившихся: и подлыми двурушниками, и агентами мирового капитала. Парни сидели подавленные, опустив головы. Николаю было жалко их. Он, в числе немногих, проголосовал против их исключения из комсомола.

Заканчивая собрание, Коршунов объявил: «Прошу остаться следующих комсомольцев», – и назвал нескольких студентов, в числе которых был Николай.

- Егоров, я тебя давно взял на заметку, – говорил он, с надменным видом развалившись на стуле и злыми глазами оглядывая стоящего перед ним студента. – Ты наши мероприятия не посещаешь, никакой общественной работы не ведёшь. Смотри у меня, допрыгаешься!

Вспоминая об этом, Николай испытывал страх за свою судьбу, ведь вслед за исключением из комсомола автоматически следовало отчисление из вуза. Теперь малейшая зацепка, и Коршун разделается с ним, как с цыплёнком.

⁸ Ограничения на приём в вузы по социальному происхождению были отменны в 1935 году.

* * *

Пошли обычные будни. К четвергу он почувствовал такую тоску, что приехал к больнице, где работала Маша, и стал ждать её у выхода. Ему повезло: в этот день она дежурила в дневную смену. Увидев Николая, она радостно заулыбалась. Он смотрел на её милое лицо, и ему мучительно хотелось прижать её к себе. Он неуклюже попытался это сделать, когда они шли по безлюдной аллее, но она отстранилась. «Вот недотрога!» – думал он, краснея от смущения. Она не обиделась и продолжала разговор, как ни в чём не бывало:

- А теперь самая главная новость: епископа Мануила назначили в Серпухов. Представляешь, в мой родной город! Теперь он епископ Серпуховской и викарий Московский. Наши уже собираются к нему ехать ...

Весна в Москве набирала силу. Теперь, как только выдавалась возможность, Николай встречал Марию после рабочего дня. Они шли по улицам и скверам шумного города, двое влюблённых, поглощённые друг другом, и переживали те счастливые минуты, о которых потом помнится всю жизнь.

Иногда текущая вокруг городская жизнь вторгалась в их счастливый мир. Как-то, уже на подходе к Машиному дому, они увидели пожилую женщину, еле бредущую по тротуару. Она была одета в поношенное пальто старинного покроя, а в руках держала столь же древний ридикюль. Таких старушек «из бывших» Николай встречал уже не раз, но эта производила особенно жалкое впечатление. Она пошатнулась, схватилась за фонарный столб и стояла, еле держась на ногах. Если бы Николай был один, он прошёл бы мимо, но Маша тут же подбежала к ней:

- Вам плохо? Где вы живёте?

Та показала на стоящий неподалёку трёхэтажный дом. Держа женщину под руки, они привели её к дому и поднялись с ней на второй этаж. Она жила в большой коммунальной квартире. Открывшая им дверь дородная мо-

лодка в засаленном переднике крикнула куда-то вглубь коридора:

- Генеральшу привели! Еле живую.

Николай остался стоять у порога, а Маша повела свою подопечную в её комнату. Вскоре она вернулась озабоченная:

- Слушай, Коля, она два дня ничего не ела. Надо ей что-то купить.

- Хорошо, я сейчас сбегаю в лавку, – отвечал он.

- Ладно, а я посижу пока с ней.

К счастью, у Николая были деньги: он недавно ходил на разгрузку вагонов, где всегда неплохо платили. Он быстро вернулся с булками, бутылкой молока, куском сыра и кульком сахара...

Этот случай послужил важным уроком советскому студенту: он впервые почувствовал, как радостно становится на душе, когда сделаешь кому-то хоть немного добра. Ещё он увидел, что Маша заметно отличается от бойких комсомолок, которых он встречал в стенах своего вуза. Те были беспощадны к «классово чуждым», по крайней мере, так они высказывались на собраниях.

Маша удивляла его и своими познаниями в истории. Как-то они гуляли по Александровскому саду, и здесь, у Кремлёвских стен, она прочитала своему внимательному слушателю целую лекцию о династии Романовых, начиная с первого царя Михаила и кончая последним русским самодержцем.

- Откуда ты всё это знаешь? – спросил он. – В школе этому не учат.

- С нами мама много занималась. Она была выпускницей епархиального училища...

Дни шли за днями. Наконец он решился и сделал Марии предложение. К его радости и удивлению она его приняла. Решили обвенчаться сразу же, как только Николай закончит учебный год.

Потом была поездка в Серпухов, знакомство с братом Маши Иваном и его женой Надей, которые жили в роди-

тельском доме. Дом был обычной мещанской постройки, с высоким фундаментом, с палисадником, с небольшим огороженным двориком. Иван – высокий плечистый мужчина – работал мастером в железнодорожном депо, Надя вела хозяйство. Оба отнеслись к жениху Марии очень дружелюбно. У них он переночевал, а на другой день его и Марию ожидало важное дело. Надо было отвезти продукты в тайный монастырь, который находился в глухой деревне, в пятнадцати километрах от Серпухова. От Маши Николай узнал, что живут там бывшие насельницы Введенского Владычного монастыря. Эту женскую обитель большевики закрыли ещё в 1919 году, тогда монахини расселились в окрестных городских домах. Жили небольшими общинками по 4-6 человек, занимались рукоделием, огородничали, но продолжали монашескую жизнь и совместные богослужения. Недавно их снова начали преследовать, арестовали их духовника. Тогда они перебрались в отдалённую, затерянную в лесах деревушку.

- Как же мы туда поедём? – спрашивал Николай за завтраком. – Снег уже тает.

- Это в городе тает, – отвечал Иван, – а в лесу ещё крепко лежит. Главное, что ни реки, ни ручья переезжать не надо ... Вон, гляди в окно, Савраска уже готова, стоит в сани запряженная у наших ворот. Выпросил на день у себя в депо. Поедешь, Николай, вдвоём с Машей, я после ночной смены ни на что не годен, только до кровати добраться. Ты с лошадьё-то сладишь? Ну вот, как доедете до места, пусть остынет, потом попои и дай ей сена, что в возке лежит. Маша, ты дорогу-то не забыла? От развилки направо до Старого Села, а как его проедете, там снова направо и через балку – в лес. А там по зимнику прямо, не сворачивая.

Загрузили на сани два мешка муки, мешок печёного хлеба, ещё какие-то кульки и пакеты. Всё это было заранее припасено хозяевами. Из сарая Маша вынесла бутыл с керосином, коробку со свечами, а потом принесла из дома бутылку церковного вина, которую привезла из Москвы. С лица её не сходила улыбка:

- Пусть порадуются наши монашки. Как раз к Пасхе подарочки будут. А вот ещё чётки для матушки игуменьи. Это владыка Мануил для неё передал. Она говорила, что её шерстяные чётки совсем стёрлись. А эти – деревянные, из вишни.

Править лошадьё Николаю приходилось только в детстве: отец, уступая просьбе сына, иногда давал ему вожжи. Вспоминая нехитрую науку, он по-отцовски чмокнул, потрянул вожжами, и лошадка послушно тронулась с места.

Сначала, по мокрому снегу, она тянула сани с натугой, а как выехали за город, пошла резво, лишь ледяная корка трещала под полозьями.

- Маша, садись сюда, – Николай похлопал по доске, приглашая невесту сесть рядом с собой.

- Нет, – засмеялась она, – баба должна знать своё место – в санях с мешками.

Проехали Старое Село и медленно тянулись узкой лесной дорогой. Вдруг Маша встревожилась:

- Кажется, за нами кто-то едет. Шумят сильно.

Николай обернулся. Изгибы дороги не давали видеть далеко, но хорошо слышались крики и такие звуки, будто кто-то беспорядочно дудел в трубу. Он хлестнул лошадьё, та пошла рысью, но шум сзади нарастал. Уже слышался скрип полозьев и всхрапывание коней. Казалось, что стучат копыта, хотя этого не могло быть на снегу.

- Коля, съедь куда-нибудь в сторону, я боюсь, – беспокоилась Маша.

- Поди-ка, свадьба весёлая катит, – успокаивал её Николай, но всё-таки высмотрел просеку и повернул туда сани. Лошадьё вскоре остановилась, упёршись в поваленную сосну. Они увидели, как мелькнули на дороге чёрные кони и громадные длинные сани. Шум стоял такой, что ломило уши. Седоков не было видно. Николай одной рукой сжимал топор, другой обнимал испуганную Машу. Та шептала молитву.

Постепенно всё стихло, но они ещё долго сидели в санях, обнявшись. Потом с трудом развернули лошадьё с санями,

осторожно выбрались на дорогу и снова тронулись в путь.

- Не похоже это на свадьбу, – говорила Маша. – Великий пост сейчас. Да и кто будет гонять по лесу. Если и свадьба, то не людская.

Наконец, лес кончился, дальше простиралась огромная вырубка. Вдалеке слышался стук топоров. Никакой деревни не было и в помине.

- Не туда заехали, – упавшим голосом проговорила Маша. – Где-то сбились с пути. Наваждение какое-то.

Они поехали назад, добрались до знакомой просеки, развернулись и снова двинулись в поисках деревни. Николай воскликнул:

- Вот здесь Савраска свернула, пошла по накатанной дороге. Не усмотрел я. И теперь туда же тянет. Куда! Тпру!

В этот раз они оказались на верном пути и вскоре увидели деревню.

- Вон к той избе правь, – показала Маша на крайний дом.

Изда была большая, но обветшалая, с просевшей крышей. Во дворе две женщины пилили дрова. Увидев гостей, они, улыбаясь, подошли, расцеловались с Машей, в пояс поклонились Николаю. На крыльце появилась ещё одна монахиня – высокая статная женщина средних лет. Это была игуменья – матушка Евдокия. Она разговорилась с Машей, а когда услышала про их дорожные приключения, сказала задумчиво:

- Может, и свадьба каталась. С нынешних безбожников станется, и на страстной неделе могут. Но как бы то ни было, а это вас нечистый искушал, не хотел к нам пускать.

Николай помог снести груз с саней до крыльца и занялся лошадей. Маша зашла в дом, минут через двадцать вышла и вместе с хозяевами стала таскать и укладывать в сани мягкие свёртки: вязаные кофты, платки, шарфы. Это были изделия монашеской общины. Их охотно раскупали в городе.

Собрались в обратный путь. Матушка Евдокия на прощанье благословила их:

- Да хранит вас Господь, дети мои! – Она с доброй улыбкой взглянула на Николая и добавила: – Совет вам да любовь.

Когда отъехали, Маша достала туесок:

- Смотри, Коля, чем нас угостили. Ржаные хлебцы, ещё тёплые. Бери.

Монастырские хлебцы оказались мягкими и, на удивление, вкусными. Николай, изрядно проголодавшийся, ел с удовольствием и слушал Машин рассказ:

- Приглашали нас с тобой на трапезу, да я отказалась. Вижу, мы не ко времени приехали, у них свой режим. Их здесь восемь монахинь живёт. В одной комнате они настоящую церковь устроили, с алтарём. Батюшка у них служит, только я его не видела, ни в этот раз, ни в прошлый. Представляешь, они вырыли под своим домом землянку. Видно, там у них батюшка и живёт. Они говорили, он только ночью выходит на улицу, подышать.

Николай размышлял вслух:

- Подпольный монастырь, значит. Глядишь, скоро пол-России в подполье загонят. Вот за какую власть мой отец воевал...

На другой день жених и невеста пошли на исповедь и причастие в Никольский собор, где служил епископ Мануил. Это были волнующие для Николая события, ведь последний раз он причащался двенадцатилетним мальчиком.

Пасху они встретили в Москве, отстояли ночную службу в Даниловом монастыре, потом Мария позвала его к себе разговляться.

Когда на следующий день он пришёл в лабораторию, его ждал сюрприз: лаборант Витя уволился, и эту должность Окунев предложил ему, Николаю, рассчитывая, что он сможет совмещать учёбу со знакомыми ему обязанностями. Николай обрадовался: скромное жалование лаборанта казалось бедному студенту целым состоянием. Став хозяином просторного помещения, уставленного приборами, он засиживался в нём допоздна, готовясь к занятиям. Однажды он

припозднился так, что устроил себе ложе на старом кожаном диване и заночевал в лаборатории. После этого он тайком от начальства полностью перебрался в лабораторию, перетащил туда книги и необходимые вещи. Кипятильник для чая, сделанный умельцами из бритвенных лезвий, элементарный набор посуды и кран с раковиной – всё это было здесь испокон веков. Единственной заботой было – не попадаться на глаза вахтёру в позднее время. Он отдыхал душой от шумного общежития, утомительной болтовни соседей по комнате, а главное – от необходимости прятать и читать тайком религиозную литературу.

ИСПЫТАНИЯ

Вскоре до Николая дошла неприятная весть: арестовали группу студентов, в том числе Александра Афанасьева. Друга было жалко. Ведь не раз говорил он ему: «Брось ты эту политику!». По факультетам прошли комсомольские собрания – чистили свои ряды от замешанных в оппозиционном движении.

Приближалась экзаменационная сессия. Николай редко виделся с Марией, общались по телефону. Он звонил ей в больницу в условленное время, когда она дежурила на посту. Как-то, позвонив, он услышал её встревоженный голос:

- Коля, сегодня приходи ко мне домой после восьми часов, есть важная новость.

Вечером он поехал к ней и застал её бледную, с опухшими глазами. Она провела его в свою комнату и сказала:

- Вчера арестовали нашу Таисию Ивановну, а сегодня ещё несколько человек из нашего кружка. Значит, теперь очередь за нами.

Она со слезами прильнула к нему, он обнял её и успокаивал:

- Не волнуйся, разберутся и отпустят. Мы же ничего плохого не делали и, вообще, для власти не опасны.

- Нет, Коля, ты их не знаешь. Для них наш кружок – это подпольная контрреволюционная организация. Зацепятся за одного – вылавливают всех. Я боюсь, Коля. Я не хочу в тюрьму. Давай уедем в Серпухов. Всё бросим и уедем. А? Бросимся к владыке Мануилу, он нас спрячет, устроит куда-нибудь работать под чужими фамилиями.

Он задумался. Конечно, про ГПУ – тайную полицию, возглавляемую Менжинским, он был наслышан. Не думалось только, что когда-либо это коснется его самого.

- Хорошо, Машенька, давай так: ты уезжай сегодня или завтра, я тебя провожу. А я приеду позже, улажу свои дела и приеду.

Она снова заплакала и присела на кровать.

- Я перед тобой виновата, я привела тебя в кружок. Из-за меня тебе могут жизнь загубить.

Он сел рядом с ней, целовал её заплаканное лицо и шептал: «Я нашёл тебя, моё сокровище, а остальное для меня не важно»...

Он остался с Марией до утра. Проснулись рано, и в седьмом часу пошли в монастырскую церковь. С ними шла и дочь хозяйки Лида, ровесница Марии, ставшая ей близкой подругой. Она работала служительницей в монастырском храме. Подошли к Троицкому собору, ещё закрытому в этот ранний час. Лида сходила в сторожку, вернулась с ключами и привычно открыла массивные двери. Мария подошла к большому образу Богородицы.

- Владимирская икона Божией Матери, – сказала она Николаю. – Ей молятся при нападении злых сил.

Она отлучилась на минуту, вернулась с толстой книгой, полистала её, нашла нужную страницу и опустилась перед иконой на колени. В пустом храме полились слова древней молитвы:

- К кому убо прибегнем, аще не к Тебе, Владычице? Кому принесем слезы и воздыхания, аще не к Тебе, Пресвятая Богородице? Не имамы бо иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Небесная Царице. Под Твой покров

притекаем, молитвами Твоими низпосли нам мир, здравие, земли плодоносие, воздуха благо растворение, избави ны от всяких бед и скорбей, от всяких недугов и болезней, от внезапные смерти и от всех озлоблений врагов видимых и невидимых...

Он взглянул на икону и замер: Богородица, склонив голову, прижимала к себе младенца и смотрела на него, Николая, будто живая. Он почувствовал какое-то внутреннее волнение, какой-то душевный трепет. Да, у неё, у Богородицы, надо искать защиты! Он опустился на колени рядом с Машей...

Вернувшись домой, они наскоро позавтракали, и с вещами, собранными ещё с вечера, пошли к трамвайной остановке. Николай нёс чемодан с книгами, Маша держала узлы с одеждой.

- В Серпухове возьму извозчика, – говорила она, – завезу к родственникам вещи и сразу – к Владыке. Буду проситься, чтобы определил меня работать в какой-нибудь храм.

Уже в вагоне, расставаясь, она сквозь слёзы вымолвила:

- Коля, милый, молись Богородице, чтобы мы с тобой встретились.

- Хорошо, Машенька, – отвечал Николай, обнимая её. На душе было тяжело и сумрачно, как перед грозой.

* * *

«Будь что будет!» – решил Николай. Он исправно сдавал зачёты, готовился к экзаменам, по вечерам обрабатывал результаты своих опытов с инфразвуком. Окунев уже начал писать текст совместной статьи, которую обещал послать в журнал «Известия Академии наук».

Прошла неделя. От Маши пришло письмо без обратного адреса, всего несколько строк. Сообщала, что с ней всё в порядке, что она его ждёт и молится о нём. Николай успокоился и уже стал забывать, что над ним висит угроза ареста. Как-то поздним вечером он, сидя в лаборатории, оформлял последнюю таблицу, в которую решил поместить данные,

полученные на себе самом. Эти опыты он делал без согласия Окунева, но завтра надеялся убедить его включить эти данные в статью. В своей таблице дотошный студент хотел наглядно показать, как зависит реакция человека от параметров инфразвука. На листе бумаги он по горизонтали отложил интенсивность излучения, по вертикали – частоту, а в образовавшихся клетках аккуратными печатными буквами вписывал ощущения, которые он испытывал во время опытов: вибрация в груди, сухость во рту, головная боль, головокружение, тошнота, кашель, удушье, звон в ушах, чувство тревоги.

Вдруг в дверь лаборатории забарабанили. Так могли стучать только люди, обладающие властью. Сердце упало камнем: «Всё-таки они меня нашли». На ватных ногах он пошёл открывать. Вошли двое: один в форме, с кобурой на боку, другой в длинном плаще и в кепке. Следом появились милиционер и комендант корпуса с испуганным лицом.

- Егоров Николай Васильевич? – спросил тот, что в плаще, который был, по-видимому, главным. – Вы арестованы. Вот санкция на арест и обыск.

Он показал какую-то бумажку и уселся за стол. Осмотрел разложенные на столе бумаги, отодвинул их в сторону и властным голосом спросил:

- Где вы храните контрреволюционную литературу?

Николай обомлел:

- Нигде. У меня её нет.

Главный скомандовал сотруднику:

- Приступай к обыску.

Потом снова обратился к арестованному студенту:

- Предъявите ваши документы.

Николай пошел в свой угол, отгороженный огромным стеллажом. Там стоял его спальный диван, а под ним находилась картонная коробка с книгами, среди которых были воззвания епископа Никона против надвигающейся революции, изданные в 1916 году. Лежал здесь и толстый том Нилуса и даже одна брошюра, вышедшая недавно за границей

– об убийстве царской семьи. Все эти книги он взял у членов кружка, но не успел вернуть. Ещё под подушкой лежал «Новый Завет» с дарственной надписью: «Николаю от Марии с пожеланием задуматься о жизни». Вместо закладки туда был вложен согнутый листок – письмо от Маши.

После первоначального испуга в нём поднималась злость на гэпэушников: «А ведь они нам жить не дают, черти проклятые!»

Здесь же, за стеллажом, стоял генератор. Быстрым привычным движением он включил его, поставил регулятор частоты на метку «люди», а ручки мощности крутанул до предела. «Теперь вы у меня попляшете!» – со злорадством думал он, возвращаясь к главному и протягивая ему студенческое удостоверение.

- Почему находитесь в служебном помещении в нерабочее время? – вопрошал тот, рассматривая документ.

- Понимаете, работы много. Иногда приходится задерживаться в лаборатории.

Главный подозвал коменданта:

- С вами согласовано пребывание лаборанта в корпусе после рабочего дня?

- Никак нет, товарищ начальник. Я ничего об этом не знал. Это он тайком умудряется.

Главный писал протокол. Николай огляделся. Стол находился в зоне интерференционного минимума, поэтому они втроём ничего не почувствуют. Милиционер стоял у двери, туда волна, вообще, не доходит. А вот тот, кто осматривает лабораторные столы, приближаясь к его, Николаю, спальному углу, как раз попадает в максимум излучения. Вот он в недоумении остановился, схватился за голову, потом за горло – видно, генератор уже прогрелся.

- В чём дело, Никитин, ты чего встал?

- Товарищ Петерсон, тут чего-то не то. Душит и на голову давит. Вроде как угар или газ какой действует.

- Какой ещё газ? Ни на кого не действует, а на него действует! Опять вчера перебрал, что ли? Давай не дури.

Гэпэушник с лицом страдальца, шатаясь, добрался до стеллажа, стал с натугой снимать оттуда книги и стопками складывать на пол. Потом обошёл стеллаж и увидел одежду Николая, развешенную на задней стенке. Кое-как провёл по ней руками, вяло потрогал диван и попробовал заглянуть под него, но зашатался и еле удержался на ногах. Он двинулся дальше и, оказавшись в зоне малой интенсивности, сел на табуретку и отдышался. Через некоторое время он доложил:

- Обыск закончен, товарищ Петерсон. Из подозрительных вещей найдена литература. – Он показал на стопки, стоящие у стеллажа.

Николай, следивший за каждым движением измученного инфразвуком служаки, перевёл дух: коробка с книгами осталась незамеченной.

Главный скомандовал:

- Арестованный Егоров, собирайтесь, поедете с нами. Возьмите самые необходимые вещи.

Сам он подошёл к стеллажу и стал перебирать сложенные на полу учебники, научные журналы и амбарные книги, приспособленные для записи экспериментальных данных.

Николай прошёл в свой угол, выключил генератор и стал собираться в тюрьму.

* * *

С утра арестованного студента повели на допрос. Следователь долго и нудно расспрашивал его о членах кружка, перечислял всех пофамильно, в том числе и Марию. Николай отвечал, что ни с кем не был знаком, что попал туда случайно. Отвечал также, что никаких контрреволюционных высказываний не слышал, что все разговоры шли только о христианской морали. Его спросили о епископе Мануиле: высказывался ли тот против Советской власти? На это он, не кривя душой, сказал, что владыка призывал молиться за Советскую власть.

Следователь, болезненного вида толстяк с маленькими злыми глазками, не скрывал раздражения:

- Я вижу, вы не хотите давать правдивые показания. У нас есть сведения, что вы храните подпольную литературу контрреволюционного содержания.

Он заглянул в лежащие на столе бумаги:

- При обыске этой литературы не нашли. Признайтесь, где вы её прячете?

- Никакой такой литературы у меня нет, – отвечал Николай, молясь про себя, чтобы коробка с книгами не попала им в руки.

Следователь сильно разозлился:

- Ладно, посидишь у нас – сговорчивее станешь.

Его отвели в камеру к уголовникам. Узнав, что он студент и что ему шьют 58-ю статью, блатные оживились. Один из них, кривляясь, подошёл к новенькому и завопил:

- А мы чичас контрика перевоспита-а-ем!

Он двумя пальцами стал целить Николаю в глаза, тот отшатнулся и кувырнулся назад вверх ногами, запнувшись за другого блатного, успевшего пластом плюхнуться сзади. Общий хохот камеры говорил о том, что шутка пришлась по душе.

День прошёл, как в кошмаре, злым шуткам не было конца. Вдобавок уголовник страшного вида, с провалившимся носом, пристал к Николаю, требуя, чтобы тот отдал ему свои ботинки, а в обмен давал свои старые опорки. Угрожал, что, если не отдаст, ему устроят тёмную. Под вечер Николай, совсем впавший в отчаяние, сидел на нарах и молился: «Господи, огради меня силою честного и животворящего креста и спаси от всякого зла». Потом он вспомнил, как они с Машей перед расставанием молились Богородице, и зашептал: «Царица Небесная, под Твой покров прибегаем, избави нас от всяких бед и скорбей, огради от всяких врагов видимых и невидимых».

Старый вор, бывший здесь главным, подозвал новенького к себе и спросил:

- Ты чего, верующий?

Николай кивнул головой. Тот задумался, потом сиплым голосом проговорил:

- А мне в детстве мамаша перед сном всё про божественное читала. Давай-ка и ты мне порассказывай что-нибудь такое. Как? Сможешь?

Николай недавно прочитал все четыре Евангелия и на память не жаловался. Он согласился и с тех пор стал каждый вечер пересказывать старому вору то, что запомнил. В камере звучали рассказы о сыне простого плотника, который бродил по древней Палестинской земле, говорил народу необычные слова, исцелял больных, воскрешал мёртвых. Всё это трогало зачерствевшее сердце матёрого уголовника, а когда рассказчик поведал притчу о блудном сыне, он увидел на глазах своего слушателя слёзы. Послушать необычные истории подходило ещё несколько человек. В это время шум в камере стихал. Даже картёжники, хоть и не прекращали игру, но вместо воплей и ругани использовали жесты. Больше Николая никто в камере не обижал.

На второй допрос его вызвали только через месяц. Следователь с торжеством в голосе объявил ему:

- Ваша подпольная церковно-монархическая организация полностью раскрыта. Все участники дали признательные показания.

Сделав участливый вид, он добавил:

- Дело за вами: распишитесь вот здесь, что вы вместе с другими членами организации занимались агитацией против Советской власти. Приговор вам будет мягким: ссылка на два-три года в какой-нибудь провинциальный город.

Николай твёрдо сказал:

- Нет, я такое подписывать не буду.

Широкое лицо следователя налилось злобой.

- А ты, оказывается, мальчик упорный. Не хочешь подписывать – не надо. На тебя и так показаний достаточно. Но пожалеешь: я тебя в лагерь упеку. Обещаю.

Опять потянулись долгие дни в многолюдной опостылевшей камере. За всё время после ареста Николай не видел никого из своих кружковцев, не знал о их судьбе и, что самое ужасное, ничего не знал о судьбе Марии.

Как-то раз, когда он со своими сокамерниками подметал тюремный двор, из здания тюрьмы выводили группу заключённых с вещами. Один из них показался ему знакомым.

- Саша, это ты? – окликнул его Николай.

Да, это был Александр Афанасьев – бледный, осунувшийся.

- Коля, и ты здесь? Ты-то за что сюда попал?

- Прохожу по делу церковников-монархистов, 58-я статья.

- Ну и дела! Значит, мы с тобой оба контрреволюционерами оказались? А нас отправляют в ссылку на три года.

Только это они и успели сказать друг другу. Закричал охранник, колонну повели за ворота.

* * *

Николая перевели от уголовников в камеру, где сидели «церковники». Видно, следователь понял, что перевоспитать его не удастся. Условия содержания здесь были ещё хуже, но Николай радовался: он будто из звериного царства попал в общество людей. Здесь томились такие же, как он, кружковцы и трое священнослужителей. Один из них, дьякон, вернувшись с допроса, рассказывал со слезами на глазах:

- Я ему говорю: «У меня семеро детей, старшему двенадцать лет, а младшему ещё только два месяца. Жена больная, не может на руках держать ребёнка – так ей скорчил руки ревматизм, и сердце болит. В доме нет трудоспособных. А вы мне сулите восемь лет концлагеря. За что? Я ни слова против советской власти никогда не говорил, все распоряжения исполнял, налоги всегда платил исправно. Да, я убеждённый христианин, но ведь этого советская власть не запрещает!» А следователь кричит на меня: «Врёшь! На тебя есть точные показания, ты выступал против политики коллективизации». Я говорю: «Не было такого! Покажите

мне того, кто вам это сказал» ... Вот вы, отец Сергей, вы – человек учёный, ну скажите, за что они нас преследуют?

На соседних нарах сидел священник, лет сорока, с небольшой бородой, с густыми, спадающими на плечи чёрными волосами и большими выразительными глазами. Он отвечал:

- А в Древнем Риме за что власти преследовали и мучили первых христиан? Только за то, что они не хотели поклоняться их языческим богам. И сейчас то же самое. Мы их коммунистические идеалы не признаём, вот они и ярятся ... Как ни заигрывал с властью митрополит Сергей, ничего не помогло. Да и как помириться овцам с волками. Волка не переделаешь в вегетарианца. Вон сколько овец здесь сидит, ждут расправы.

Он показал рукой на сидящего неподалёку Николая и на других обитателей камеры – молодых парней, в основном студентов.

Отец Сергей Мечёв был сыном известного в Москве старца – протоиерея Алексия Мечёва, настоятеля храма Николая на Маросейке. После смерти отца, скончавшегося в 1923 году, отец Сергей сменил его на месте настоятеля и следовал сложившимся на приходе традициям: после богослужения проводил с прихожанами беседы на духовные темы и вёл кружок по изучению творений святых отцов. Этот кружок и послужил причиной ареста отца Сергия.

В разговор вмешался ещё один священник, худощавый, светловолосый в круглых очках.

- Через страдания мы очистимся и войдём в Царствие Небесное, – заговорил он. – Грех лежит на нас тяжкий ... Сто сорок миллионов было верноподданных Государю Императору, а когда взвод солдат конвоировал его в Сибирь, никто пальцем не шевельнул, чтобы его освободить. Вот и не стало у нас заступника перед Богом ... А в Церкви Российской что творилось! Когда Царя обманом вынудили отречься от престола, члены Синода тут же присягнули Временному правительству. А ведь оптинские старцы предупреждали:

Протоиерей Сергей Мечёв. 1920-е годы

«Судьба Царя – судьба России. Не будет у нас Царя – не будет и России. За измену Помазаннику Божию народ наш будет наказан на три поколения».

Отец Василий Надеждин был рукоположен в иереи в 1921 году Патриархом Тихоном и стал настоятелем Никольского храма, расположенного на окраине Москвы у Соломенной Сторожки, неподалёку от Сельскохозяйственной академии. Многие преподаватели академии были прихожанами этого храма, а когда большевики запретили преподавание Закона Божия в школах и закрыли храм, группа профессоров по-

*Протоиерей Василий Надеждин.
1920-е годы*

просила отца Василия заняться религиозно-нравственным воспитанием их детей. Тот охотно взялся за это дело, проводил занятия с молодёжью, организовал хор, а для малышей устраивал праздники. И, конечно, Рождество праздновали с ёлками, запрещёнными властью. Он был прекрасным проповедником, говорил живо и убеждённо. Арестовали его по доносу одного из преподавателей. В вину ему ставили организацию кружка христианской молодёжи.

Отец Василий и отец Сергей были давними знакомыми, и теперь, оказавшись в одной тюремной камере, они вели долгие беседы о судьбах Церкви и России. Вот и сейчас, похоже, начинался серьёзный разговор. Отец Василий с табуретом в руке перебрался к нарам своего друга и вечного оппонента и продолжал свою речь:

- А что касается митрополита Сергия, я вам, уважаемый отец Сергей, хочу возразить. Его заслуга в том, что он единственный из наших иерархов понял, что советская власть пришла к нам на долгие годы. Такие долгие, что в катакомбах их не пережить. Потому-то и надо с властью как-то ладить. А раз мы власть признали, мы за неё и молимся.

- А за антихриста можно молиться? – спросил отец Сергей.

- Нет, нельзя.

- А ведь, по всему видать, что власть у нас антихристова.

- У власти стоят люди, и мы молимся, чтобы они от духа антихристова очистились. И уже заметно какое-то потепление. Троцкий и его сторонники изгнаны, а это были самые лютые безбожники. Приди они к власти, они бы в первую очередь все храмы позакрывали. Будем дальше молиться, глядишь, и образумятся наши правители.

В разговор вновь вступил дьякон:

- А вот вы мне скажите, честные отцы, как это народ наш православный, который по всей Руси, в каждом уголке храмы Божии построил, вдруг в одночасье, как только scomандовали, стал эти храмы разорять?

Оба священника тяжело вздохнули.

- Вы, отец Аристарх, в самую больную точку попали, – наконец заговорил отец Сергей. – Отвечу Вам, как я понимаю. Даже среди двенадцати апостолов оказался один Иуда. И у нас в любом большом селе найдётся несколько хриstopродавцев. Их руками и делается разорение. Возьмите Французскую революцию. Казалось, была христианская страна, а пришли к власти мараты, робеспьеры – казнили короля, и началось уничтожение храмов и священников. Вообще, лю-

бую революцию делает меньшинство – агрессивное, хорошо организованное. Обманывают людей, сулят им мир, землю, быстро создают карательные отряды из бандитов и инородцев. Вот вы говорите, народ храмы разоряет. А про события в Шуе в 1922 году слышали? Тогда был голод в Поволжье и под этим предлогом – изъятие церковных ценностей. Приходили уполномоченные с солдатами, забирали из храмов всё золотое, серебряное. Церковь не противилась. Но власти захотели богослужебные предметы изъять, а с этим смириться нельзя. В этом маленьком городке тысячи православных вышли с протестом. И что же? Прибыли чоновцы, открыли по толпе огонь из пулемётов. Убитые, раненые. А потом пошли аресты, судебные процессы. Приговорили к расстрелу троих, как организаторов сопротивления. Говорят, Калинин обращался в политбюро с ходатайством о помиловании. Не помогло, расстреляли двух священников и мирянина.

Отец Василий добавил:

- Для нас, отец Аристарх, утешением могут служить слова Иоанна Златоуста: «Пусть против нас и родственники, и мучители, и все народы, и целая Вселенная, однако все их козни Божия премудрость обращает к нашему спасению и славе. Не демон, ни человек – никто не может повредить верующему, строго исполняющему Закон Божий. Если лишат его имущества, то этим доставят ему награду; если худо отзовутся о нём, то своим злоречием сделают его блистательным перед Богом; если доведут до голода, тем большая для него слава и большее воздаяние; а если предадут смерти, то тем самым сплетут ему мученический венец» ... Итак, всё, что замышляют против нас безбожные власти, обращается в нашу пользу. Нас победить нельзя! Слава тебе Господи, – отец Василий перекрестился.

Обычно Николай, лёжа на своих нарах, слышал почти всё, о чём говорили два друга-священника. Он не всё понимал, многому удивлялся, но перед ним открывался взгляд на мир, отличный от того, к которому он привык в своей жизни.

С иереем Сергием Мечёвым он сошёлся довольно близко. Как-то Николай рассказал ему про своего следователя:

- Кричит на меня, матерится, требует каких-то признаний, чтобы я оговорил своих товарищей. Я этого придурка ненавижу. Ночью лежу и мечтаю, чтобы когда-нибудь встретить его в тёмном переулке и врезать по его наглой сытой морде.

- Николай, дорогой мой, ненависти у нас не должно быть, – отвечал священник. Ненависть – она удаляет нас от Бога, а без Бога на что же годен человек? Мой отец говорил: «Чувствуешь, что закипает злоба, ненависть к кому-нибудь, воззови к Божией Матери: «Владычице, помоги мне, я немощен, мне хочется быть добрым, а я не могу!» Сердечно, слёзно помолись». У христианина в душе не должно быть злобы, а должна быть любовь и молитва ... Ты молодой, не семейный, тебе здесь легче. А каково отцу Аристарху, отцу Василию с их семьями. А у меня вот и жену арестовали.

Голос у отца Сергия сорвался. Он подавил подступивший к горлу комок и продолжил:

- И четверых наших деток в детдом определили. Только вчера узнал, что брат жены спас наших детей, успел оформить опеку и взял их к себе. Вчера письмо от него получил. Пишет, что они ни в чём не нуждаются, что мои прихожане несут продукты, одежду для детей. Много добрых людей на Руси. И мне передачи шлют одну за другой. А я-то знаю, что не от избытка отдают, а своё последнее.

И отец Сергей, и отец Василий довольно часто получали посылки с продуктами и щедро делились с соседями по камере.

В тюрьме была библиотека, и, судя по вывешенному в камере списку книг, очень богатая. Видимо, образовалась она благодаря конфискации имущества арестованных. Книжки можно было заказать, и надзиратель приносил их в камеру. Николай стал с увлечением читать Достоевского. К счастью, приказ наркома просвещения об изъятии из библиотек всех книг этого писателя не коснулся Бутырской тюрьмы.

мы. Зачитанный до дыр том «Преступление и наказание» он проглотил за два дня. Было с кем и обсудить прочитанное: молодёжь в камере была весьма просвещённая. Николай близко познакомился с Юрием, тем самым молодым студентом, который на заседании кружка читал стихи Константина Романова. Это был коренной москвич, сын полковника, расстрелянного чекистами в 1918 году. Своё дворянское происхождение ему до сих пор удавалось скрывать, а теперь он опасался, что следователь докопается до истины.

Вспоминая своё детство, он рассказывал:

- Помню: сижу на коленях у дедушки в его кабинете. Вокруг полки с книгами – высоченные, до самого потолка. И от дедушки тоже приятно пахнет старыми книгами. Помню, как отец в шинели с портупеей, кобурой стоит на пороге, а мать обнимает его, плачет – не хочет отпускать. А он говорит: «Меня ждут мои юнкера, мальчишки, которых я учил, что честь офицера превыше всего» ... Потом нас с матерью и младшей сестрёнкой выселили из квартиры, и мы скитались по знакомым, пока не пристроились в каком-то подвале. Там в углу лежала груда старых кирпичей, а в другом углу – груда книг, которые нам удалось забрать из нашей квартиры. Мама нашла работу машинистки, и мы перебивались кое-как.

Юра увлекался поэзией. Даже здесь, в камере, он проводил время, обложившись томиками стихов.

- Послушай, Коля, – говорил он, – вот что Тютчев писал о России:

*Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попусченьем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем.*

*Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!*

Потом Юрий добрался до Маяковского: читал, хмурился, но вдруг рассмеялся и на всю камеру возгласил:

- Проговорился поэт революции! Друзья, послушайте, как откровенно Маяковский высказался о своей работе:

*Товарищ Ленин, работа адская
Будет сделана и делается уже.*

К ним подсел отец Сергей:

- Раз уж у вас вечер поэзии начался, то разрешите и мне выступить.

Он стал читать стихи, и все в камере сразу же притихли, заворожённые. Голос его звучал негромко, без всякой театральности:

*...Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца – Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекнусь.*

*Доконает голод или злоба,
Но судьбы не избери иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!*

Это кто? Гумилёв? – не спросил, а всхлипнул Юра.

- Нет, это стихотворение Максимилиана Волошина, – отвечал отец Сергей. – Называется оно «На дне преисподней». Поэт посвятил его памяти своего друга Николая Гумилёва. Конечно, оно пока не опубликовано.

- А какова судьба этого поэта? Такая же, как у его друга?

- Нет, насколько я знаю, Волошин жив и сейчас.

Николай, вспомнив свои литературные беседы с Сашей Афанасьевым, сделал обобщение:

- Интересная переключка поэтов получается: Тютчев предвидел нападение адских сил на Россию, Маяковский доложил о сделанной работе, а Волошин подвёл горестный итог.

- С надеждой на воскресение России, – добавил отец Сергей...

*Отец Сергей в ссылке с женой и детьми.
Город Кадников Вологодской области. 1930 год*

Как-то Николай поведал отцу Сергию о своём друге Александре, о бойкой красавице Саре, которая вовлекла влюблённого в неё юношу в троцкистскую организацию, и об их аресте.

- Всё это печально, – сказал священник. – В жизни любого молодого человека наступает момент, когда он должен сделать выбор, определяющий его дальнейшую жизнь. А без ума влюблённый юноша, да ещё не имеющий духовного стержня, не склонен к рассуждениям, он находится под влиянием своей возлюбленной. Мне припомнилась похожая история. Вам знакомо такое имя – Лев Александрович Тихомиров? Нет? Так вот послушайте.

Отец Сергей поправил сбившийся на нарах матрац, сел, прислонившись к стене, и неторопливо начал рассказ.

- В семидесятые годы в России действовала подпольная организация «Народная воля». Составляли её революционеры-террористы, одержимые бесовской идеей – убивать представителей власти, чтобы дать народу свободу. Не понимали, что главное для человека не свобода от власти, а свобода от пороков и собственных страстей... Так вот был среди них студент Лев Тихомиров. Арестовали его за хранение революционной литературы, и провёл он четыре года в Петропавловской крепости, в одиночной камере. Товарищи, что остались на воле, поддерживали заключённых: для каждого подбирали барышню, которая под видом невесты посещала его в темнице. Тихомирову назначили в качестве «невесты» Софью Перовскую. Порядки в тюрьмах тогда были другие. Начальство разрешало многочасовые свидания в камере, наедине. Между молодыми людьми возникла взаимная симпатия. Соня была умна и энергична, она вновь пробудила у Тихомирова творческие силы, он даже стал писать стихи в своей камере. Он вышел на свободу и продолжал подпольную деятельность. Правда, идею террора он не разделял, больше уповал на агитацию среди народных масс, поэтому не имел никакого отношения к группе Желябова и к покушению на Царя. Он был потрясён, узнав, что среди цареубийц, приговорённых впоследствии к смертной казни, была и его Соня.

Однако работу в организации он продолжал. Однажды на конспиративной квартире он встретил начинающую революционерку Екатерину Сергееву. Организация снимала такие квартиры, где устраивала подпольные типографии и мастерские по изготовлению взрывных устройств. Под видом прислуги туда поселяли девушек, и Екатерина была одной из «горничных». Они полюбили друг друга и вскоре обвенчались, причём, будучи на нелегальном положении, они венчались под вымышленными фамилиями.

После рождения ребёнка Екатерина отошла от революционной деятельности. Народовольцы невзлюбили её, пред-

чувствуя, что она и своего мужа уведёт из организации, а ведь его талант писателя и пропагандиста был им крайне необходим. После разгрома организации, кажется, в 1882 году Тихомиров с семьёй бежал за границу, осел в Париже и стал вести жизнь добропорядочного семьянина. Зарабатывал на хлеб редакторской работой в газете «Вестник Народной воли».

Его ждало серьёзное испытание: любимый сын, пятилетний Саша заболел менингитом, и врачи признали его безнадежным. Родители переживали тяжелейшие дни, смерть мальчика могла наступить в любую минуту. Лев Александрович бросился в церковь, вымаливать своего малыша. И произошло чудо: мальчик полностью выздоровел. После этого потрясённый отец стал глубоко верующим, православным человеком. Его политические взгляды радикально изменились: из яркого революционера он превратился в убеждённого монархиста и вскоре выпустил брошюру «Почему я перестал быть революционером». Он подал Императору Александру III просьбу о помиловании и был прощён. После этого Тихомиров вернулся в Россию и стал выступать с резкой критикой революционных идей. Он получил широкую известность как православный писатель и редактор монархической газеты «Московские ведомости». При Столыпине стал членом кабинета министров, статским советником. Революционеры ненавидели его как изменника их общему делу, однако признавали его порядочность: он боролся с идеями, но никогда не предавал людей. Жил Тихомиров в Сергиевом Посаде, нередко бывал в Москве, в нашем храме на Маросейке. Заходил и к нам домой, они с моим отцом были в дружеских отношениях. Тогда я и услышал историю его жизни. Помню его хорошо: бодренький такой старичок, в очках, с седой бородкой. Эрудицию имел колоссальную. Тогда он заканчивал книгу «Религиозно-философские основы истории». При новой власти он бедствовал, но, как ни странно, его не трогали, видно, из уважения к его прошлому: народовольцев большевики очень почитали.

Скончался он мирно в 1923 году в возрасте семидесяти двух лет.

- Да, поучительная история, – сказал Николай. – Хорошо бы и Афанасьеву встретить такую женщину, чтобы вовлекла его не в организацию, а в обычную семейную жизнь... Только вот к вере Саша так и не пришёл.

Вспомнилось, как они с Сашей побывали на диспуте с интригующим названием «Бог ли Христос?». Такие словесные баталии на острые темы в двадцатые годы устраивались нередко и вызывали большой интерес у широкой публики, особенно у студентов. В этот раз диспут проводился в филиале Большого театра на Дмитровке, и Саше с трудом, через каких-то знакомых, удалось достать билеты. Оппонентами в споре были два лучших оратора столицы: нарком Луначарский и глава обновленческой Церкви Александр Введенский. Оба были чем-то похожи друг на друга – черноволосые, коротко подстриженные, с бородками клинышком, хотя один был одет в элегантный костюм, а другой был в чёрной рясе с золотым крестом. Почти три часа они соревновались в красноречии и эрудиции, и оба в равной мере удостоились криков восторга и аплодисментов.

- Ты знаешь, Введенский меня почти убедил, – говорил Саша, когда они шли по вечерней Москве. – Я готов поверить, что Христос это Бог.

- А я в этом и не сомневался, – отвечал Николай. – Только вот как научиться жить по его заповедям? Об этом-то как раз ни слова не было сказано.

Спустя месяц Николай, уже воцерковлённый благодаря встрече с Марией, пригласил Сашу пойти в церковь на вечернюю службу перед Благовещеньем, и тот обещал придти. На трамвайной остановке, где они договорились встретиться, Николай напрасно прождал друга почти полчаса. Потом тот извинялся и объяснял это тем, что Сара срочно позвала его на какое-то мероприятие.

Больше разговоров о религии Николай со своим другом не заводил.

ЧЕРЕПОВЕЦКАЯ ССЫЛКА

Наверное, мы никогда бы не узнали о дальнейшей судьбе Александра Афанасьева и, наверное, память о нём сохранилась бы лишь в семейных преданиях, но к счастью, в городке, куда он был сослан, оказался внимательный и весьма пристрастный летописец...

В январе 1929 года Александр и ещё двенадцать его товарищей были доставлены под конвоем в Череповец. Ссылных зарегистрировали в местном отделении ГПУ, зачитали длинную инструкцию, где каждый пункт начинался со слова «запрещается», выдали месячное пособие – 20 рублей, дали список адресов, где можно снять жильё и распростарились на месяц.

Они с облегчением вышли на свободу и двинулись по тротуару вдоль заснеженной улицы. Снег скрипел под ногами, пощипывал морозец. В домах топились печи, пахло дымом, печёным хлебом и ещё чем-то домашним, позабытым. Кто-то воскликнул: «А ведь мы строим идём, колонной по два, как в Бутырке на прогулке!». Все захохотали и смеялись долго, снимая нервное напряжение последних дней. Откликались лаем собаки во дворах, оглядывались прохожие, шевелились занавески на окнах.

- Ну что же, товарищи, – сказал самый старший из них, – пусть глушь, пусть медвежий угол, пусть под надзором, но всё-таки свобода.

В первый день кое-как устроились с жильём, потом пытались найти работу, но это было трудно: ссылных брали только простыми рабочими. Александр на это не соглашался и тем самым обрекал себя на нищенское существование.

Конечно, всех удручала большая политическая неудача, которая их постигла, но они не отчаялись: и здесь, в ссылке, продолжали собираться вместе, обсуждали новости, спорили. Александр, менее всех склонный к политическим дискуссиям, записался в библиотеку, брал книги, в основном поэзию, а однажды зашёл в редакцию городской газе-

ты «Коммунист» и предложил им свои стихи. На удивление, стихи взяли и кое-что напечатали:

*Ах, и здесь, в Черёповце,
На Шексне,
Солнце бьёт свирепо в цель –
Быть весне.*

*Может, всё весеннее –
Просто чушь,
Только я в пленении
Этих луж...*

Череповец и до революции отличался тем, что процент интеллигенции в нём был довольно высок. Эта особенность города осталась и после революционных потрясений, а способствовало этому то, что, спасаясь от голода и арестов, дворянские семьи перебирались из Петрограда в этот относительно сытый и спокойный городок.

Череповец. Воскресенский проспект. Начало XX века

В 1929 году в Череповце при 24 тысячах населения насчитывалось 13 школ и 3 техникума, где обучались 4 тысячи человек, то есть каждый шестой был учащимся. В городе имелся театр, 5 клубов, 2 библиотеки, музей. При газете «Коммунист» работал литературный кружок, называемый ЧАПП – череповецкая ассоциация пролетарских писателей.

Вот в этот-то кружок, собиравшийся по субботам в здании редакции на Советском проспекте, и стал ходить Александр. Никто не возражал, хотя о его прошлом все откуда-то узнали. Как-то он услышал у себя за спиной шушуканье девушек: «Студент-филолог из Москвы, ссыльный». Относились к нему настороженно, но с уважением: начинающие поэты ждали, когда он выскажет своё мнение о прозвучавших стихах. Обычно Александр отмалчивался: уровень стихов был невысок, а обижать никого не хотелось. Вообще, эта литературная молодёжь казалась ему скучноватой и ограниченной. Исключением была одна юная барышня, студентка педагогического техникума Нина Иванова. Среднего роста, с ладной фигуркой, с коротко остриженными темно-каштановыми волосами и серыми, будто всегда удивлёнными глазами, она выделялась на общем фоне: начитанна, с живой правильной речью и даже с чувством иронии, редким у женщин. В разговоре могла к случаю вставить стихотворные строчки, и это не было напускным: она просто жила стихами. Как-то на заседании кружка она исполнила на гитаре романс на стихи Тютчева. Оказывается, у неё был незаурядный музыкальный талант.

Их потянуло друг к другу. Казалось бы, такого не должно быть. Она – советская студентка, идейно подкованная благодаря газетам и политинформациям. Он – ссыльный троцкист, один из тех, кого в газетах называют врагами народа. Какое тут может быть общение? Однако она видела перед собой талантливого поэта, гонимого властями за политику. В душе её складывался образ честного, бесстрашного юноши, умного и стойкого в своих убеждениях. И выветрилась та

мишура, которой ей забивали голову. Чувства оказались сильнее идеологии. Она влюбилась.

Они стали встречаться, вечерами бродили по городу, гуляли вдоль покрытой льдом реки. Шура – так она теперь называла его – бывал у ней в гостях в небольшой квартирке в деревянном четырёхквартирном доме, где она жила вдвоём с мачехой. Мать у Нины умерла десять лет назад, а отец скончался в прошлом году от туберкулёза.

*Нина Михайловна Иванова-Романова.
1934 г.*

За чаем Шура, насмешливый и остроумный, рассказывал о бурной студенческой жизни, о молодых поэтах, с которыми он был знаком, о новых течениях в литературе, о журнале «Красное студенчество», о живой газете «Синяя блуза». Вспоминал литературные диспуты в Политехническом музее, блистательные лекции Луначарского о мировой культуре. Она слушала, не спуская с него восторженных глаз...

В техникуме проводили вечер, посвящённый композитору Бородину, и Нина пригласила своего нового друга. Здание техникума, кирпичное, двухэтажное, бывшее здание реального училища, располагалось на Александровском проспекте, переименованном в проспект Луначарского после недавнего посещения города наркомом просвещения.

Александр пришёл не один, а со своим товарищем. В вестибюле купили билеты, посмотрели афишу, где в чис-

ле номеров значилось исполнение отрывка из оперы «Князь Игорь».

- Эка хватили! – усмехнулся товарищ, считавший себя знатоком классической музыки. – Эта вещь не для самодеятельности.

Однако студенческий хор удивил искушённого меломана. Молодые голоса звучали чисто, стройно и с самого начала заморозили зал. А когда раздалось:

*Мы к тебе, княгиня,
Мы к тебе, родная...*

у Александра горло перехватило от волнения.

Дирижировала хором барышня в длинном атласном платье, и, когда она повернулась, чтобы раскланяться, Александр с изумлением узнал в ней Нину. Из-за рояля вышла женщина аристократической внешности, будто сошедшая с портрета Рокотова. Александр понял, что это преподаватель музыки, о которой восторженно рассказывала Нина. Её звали Наталья Петровна Астахова, она происходила из старинного дворянского рода Ганнибалов. Вместе с мужем и детьми она перебралась в Череповец как раз накануне «красного террора», прошедшего по Петрограду кровавой волной. С её приездом музыкальная жизнь в городе поднялась на новый уровень. Её муж Николай Аполлонович Астахов, в прошлом полковник царской армии, стал лесничим и много сделал для озеленения улиц и скверов Череповца...

Ещё не успели смолкнуть аплодисменты, а Александр уже выходил на улицу. Он не стал подходить к Нине, зная, что это может повредить её репутации.

Как-то в апреле они пошли посмотреть ледоход на Шексне, дошли до пристани, поднялись на Соборную горку. Вечерело. Воскресенский собор уже был погружён в темноту, лишь окна слабо светились. Вдруг они увидели, что около собора появилось множество огоньков, и казалось, что они поплыли по воздуху в разные стороны. Любуясь красивым зрелищем, Нина сказала:

- Это четверговые свечи несут домой. Видно, сегодня Великий четверг.

У неё шевельнулось желание зайти в храм, но было стыдно перед своим спутником. Он молчал, отвернувшись. Эта тема его не интересовала...

Однажды он сказал ей, что в Москве у него осталась жена. Эта новость ошеломила её. Немного успокоило лишь то, что слово «жена» он произносил как будто в кавычках.

- Моя жена похожа на вас, – говорил он. – И внешне, и характером: такая же живая, разговорчивая. Только взгляды у неё более современные. Она считает, что мужчины и женщины напридумывали себе перегородок и мучаются.

Нина сделала вывод, что жена у него не настоящая.

Как-то он пришёл на свидание мрачный, задумчивый. Сказал, что получил от жены письмо. Она пишет, что её тоже арестовали, и она провела в тюрьме шесть месяцев, а теперь выслана в Сибирь, в Бийск.

- Это надо знать, что такое шесть месяцев сидеть в тюрьме, – сказал он печально. А Нина подумала, что согласилась бы и на год тюрьмы и на какие угодно испытания, только бы знать, что любима.

А спустя несколько дней он сказал ей:

- Вот кончится моя ссылка, и поедем с вами в Москву: я – кончать университет, а вы – начинать его.

Она ликовала: с ним она готова ехать куда угодно – не то что в столицу.

О том, что Нина Иванова водит знакомство со ссыльным троцкистом, знали все. Подруга рассказала, что на районной комсомольской конференции комсорг заявил, что таким, как Иванова, не место среди советских студентов. Правда, никакого постановления пока не приняли. Другая подруга при встрече, сильно смущаясь, сказала, что, как комсомолка, дружить с ней не может. Больше всего расстроило письмо от брата из армии. Он писал, что узнав о ее поведении, прерывает с ней всякое общение. Слова были казенные, видно, что писано под диктовку.

Потом все как-то затихло. Позже она узнала, что директору техникума звонили из ГПУ, и он спас ее: заступился, расхвалил.

В июле она закончила учёбу в техникуме, с блеском защитила диплом и сама попросилась на работу в деревню. Её направили в село Дементьево, расположенное в десяти километрах от Череповца. Поселили в уютной комнате в помещении школы, а сторожиха тетя Настя заботилась о ней, как о родной дочери. Начался учебный год, и она погрузилась в заботы о школе, о своих учениках.

Шура обещал навестить ее в воскресенье, и когда этот день наступил, она с утра приготовила обед и поминутно смотрела в окно на дорогу, ведущую в город. Из ее комнаты дорога была видна далеко. Она петляла в болотине, поднималась на холм, по ней почти все время шли люди, но тот единственный, кто был ей нужен, так и не пришел. Появился он в следующее воскресенье к полудню. Объяснил, что на выход из города требовалось разрешение, а получить его не просто. Она кормила своего гостя обедом и с жалостью смотрела на него, уставшего, голодного, в поношенной одежде. Его брюки требовали штопки, но она стеснялась предложить ему свои услуги, боялась обидеть. Ах, как бы она хотела заботиться о нём, как бы хотела, чтобы он ходил накормленный и аккуратно одетый!

Время до вечера пронеслось незаметно. Шура принес с собой книжку Маяковского с новой поэмой «Хорошо» и читал оттуда отрывки, восхищаясь техникой стихосложения. Но вот он наткнулся на строки: «Лапа класса лежит на хищнике – лубянская лапа Чека», остановился, помрачнел.

- Ещё недавно эти строки я бы принял с восторгом. Как круто всё повернулось. Теперь эта страшная лапа лежит на нас.

Он отбросил книгу и стал на память читать свои стихи. Нина набралась духу и прочитала кое-что из своего. Потянулась за гитарой, хотела спеть что-нибудь, но до этого не дошло: начались страстные поцелуи. У нее сладостно кру-

жилая голова, но какой-то настырный голос внутри вещал: «Как же так? Ведь он не сделал предложения, даже не объяснился в любви!» Нет, она не была похожа на его «жену», для которой не было перегородок. Ее природное целомудрие оказалось крепче мужского напора.

Она постелила ему на полу, сама устроилась на раскладушке и загородилась стулом. Долго не могла уснуть, лежала, готовая к сопротивлению, но все обошлось.

Через неделю она пришла в город, а он, будто почувствовав это, зашел к ней домой. Пошли гулять в Соляной сад – так называли старый тенистый парк на окраине города. Стоял теплый сентябрьский вечер, они сидели на скамейке и молчали. В парке было безлюдно: в это время горожане трудились на огородах. Где-то недалеко замычали коровы, слышалось щелканье кнута – это гнали стадо с пастбища в город.

Вдруг Шура сказал:

- Пришло письмо от Сары. Умоляет, чтобы я приехал к ней, чтобы просил перевода в Бийск.

- И что вы решили? – тихо, сдавленным голосом спросила Нина.

- Хотелось бы поехать. Там сильная группа.

Он помолчал, потом, глядя в сторону, добавил обидное:

- Череповец мне осточертел!

Да, ему надоел этот скучный городишко. Им, ссыльным, находящимся во власти революционной химеры, отвыкшим от коренной русской жизни или, вообще, не знающим её, здешнее существование казалось невыносимым. Они были изолированы от культурной жизни города, от местной интеллигенции. Местных жителей они презрительно именовали «обывателями». А новости поступали одна другой мрачнее. Газеты и радио трубили о полном разгроме троцкистской оппозиции. К концу 1929 года «большевики-ленинцы» оказались в ссылках и лагерях. Сам Троцкий был выслан из страны. Прошла кампания по переименованию городов, улиц, площадей. Город Гатчина, в 1923 году переименован-

ный в Троцк, теперь назван Красноармейском. Подобная участь постигла Чапаевск в Самарской области, три года побывший Троцком. Город Зиновьевск на Украине, бывший Елизаветград, пока оставили в покое.

И внутри группы обстановка была безрадостная: они все перессорились. Два старших товарища – Николай Мартынович Сермукс, в прошлом секретарь Троцкого, и Зельман Израилевич Ушан, бывший работник Центросоюза, враждовали друг с другом, оспаривая главенство в группе. В конце концов, Ушан, а с ним Козеницкий и Коваленков, подписали отказ от платформы Троцкого и были отпущены домой, к своим семьям. Александр тоже мечтал о какой-то перемене в жизни.

Последний раз Нина с Александром встретились морозным декабрьским вечером на Советском проспекте. Он проводил её до дома и рассказал, что Сара засыпала всех письмами, хлопотала о его переводе и добилась своего. Вскоре его отправляют, уже нашли конвоира.

Они стояли у крыльца, и её всю трясло мелкой нервной дрожью.

- Не надо, Нина, успокойтесь. – Он обнял её и стал целовать.

- Я вас не забуду, – говорил он. – Будете мне писать?

- Не знаю. Не буду... если смогу, – вырвалось у неё неожиданно. Она высвободилась из его рук и медленно поднялась на крыльцо.

Шура уехал 2 января 1930 года, пробыв в Череповце около года. О его отъезде она узнала от Сермукса, которого случайно встретила в городе. Последние дни она и так ходила в состоянии смертельной тоски, двигаясь, как автомат, и механически делая положенную работу. Услыхав эту новость, она добралась до дома, бросилась на постель и, рыдая, закусила зубами подушку.

Она ненавидела далёкую разлучницу Сару. Как та могла поломать жизнь такому чистому, честному человеку? И зачем? Лишь для того, чтобы втянуть его в борьбу с властью

из-за каких-то ничтожных политических расхождений? Разве она любила его – эта хитрая рыжая ведьма с библейским именем? Нет, она лишь хотела иметь ещё одного поклонника в своём окружении! А ведь, если бы он остался с ней, с Ниной, его бы ожидала совсем другая судьба. Она окружила бы его заботой, и мирно потекли бы годы благополучной семейной жизни.

Медленно оттаивало окаменевшее сердце. А потом пошли стихи. Потекли на бумагу чередой, неостановимо. Каждый день по нескольку стихотворений. В них было то, что накопилось в душе за последний год.

Звучал ласковый упрёк:

*Ведь за призрак любви твоей
И за все вечера с тобой
Я немногих моих друзей
Потеряла, далёкий мой...*

Слышалось предчувствие скорой разлуки:

*Знаю – будет вечер. Синим ядом
Захлебнётся розовая бронза.
Ты придёшь с таким неловким взглядом,
На меня не глядя, как на солнце.
Тронешь календарную табличку,
Деланно уставишься на «среду».
И, ломая в пепельнице спичку,
Бросишь:
- А вы знаете? Я еду ...*

И плач по своей несчастной судьбе:

*Ночь и снег. Подъезды, тропки, плиты
Затянула белая рубаха.
Во дворе, хозяином забыта,
Всё скулит озябшая собака...*

*Я-то вижу: утром будет трупик,
Если ночью вдруг мороз рассердится,
И жена хозяина наступит
На собачье маленькое сердце.*

Бушевала природная женская ревность:

*У неё на кружев пене
Холодно застыли губы.
Нет, она тебя не ценит,
Нет, она тебя не любит...*

*Я бы над тобой витала
Воздухом едва весомым.
Я бы на колени встала,
Чтобы любоваться сонным.*

И вдруг просыпалось запоздалое сожаление:

*Иль силён застенчивый инстинкт?
Не мечтала ль я когда-нибудь
Твоему ребёнку поднести
Молоком сочащуюся грудь.*

* * *

От Шуры пришло письмо из Бийска. Завязалась переписка – редкая, сдержанная. Он писал как старый приятель – шутил, спрашивал о друзьях, оставшихся в Череповце. Нина отвечала ему в тон, стараясь найти что-то забавное в своей нелегкой жизни сельского учителя.

Нину вызвали в РОНО. Там её ждал невысокий блондин в синем костюме. Он вежливо попросил Нину пройти с ним и привёл её, конечно, в ГПУ.

- Оперуполномоченный Ягодкин, – представился он, заведя Нину в свой кабинет. Она слышала от Шуры, что именно Ягодкин курировал ссыльных. Он сразу огорошил её вопросом:

- Ну что, скучаете о вашем муже?

И потом снова:

- Пишет вам ваш муж?

С ней случилась истерика. Она кричала:

- Он никакой не муж! У нас ничего не было!

Он успокоил, потом стал задавать вопросы о Шуре и его товарищах. Она знала очень мало и то, что рассказала, никак не могло повредить кому-либо. Ягодкина интересовало, была ли она на собраниях группы, что пишет Афанасьев, есть ли в письмах что-нибудь о их намерениях, какие называются имена. Она понимала, что её проверяют: содержание писем наверняка было им известно, ведь, судя по штемпелю на конверте, письмо вручалось через три дня после доставки в Череповец. Скрывать ей было нечего: никакой крамолы в письмах не было. Эта словесная пытка продолжалась почти час, после чего ей подписали пропуск на выход.

Как назло, через день пришло большое письмо от Шуры, в котором он упоминал нескольких своих друзей. А ещё через два дня её снова вызвали. На этот раз Ягодкин был в военной форме. Спросил, получила ли она письмо и потребовал, чтобы она пересказала его содержание. Она не стала хитрить и сообщила то, что они и так знали. Её отпустили и с тех пор оставили в покое.

Она попыталась намекнуть Шуре быть более осторожным в письмах. Отправила в Бийск открытку, опустив её прямо в почтовый поезд, идущий на восток. Там, в тексте были такие строки: «Это ещё цветочки, а ягодкин впереди: скучаете о вашем муже?». Получил ли он это послание, она так и не узнала.

Из Ленинграда пришли новости, что там открывают новый педагогический институт и что набирают туда пока без экзаменов. Она спешно собрала нужные документы и отправилась, хотя понимала, что в РОНО её вряд ли отпустят: учителей на селе не хватало. В августе пришло извещение, что она принята на первый курс литературного отделения. Она пошла в РОНО с робкой надеждой получить «воль-

ную». Удивительно, но ей подписали заявление без особых хлопот.

Началась кипучая студенческая жизнь в Ленинграде, много новых впечатлений и знакомств. Теперь письма от Шуры приходили к ней в общежитие. Первая же весточка была очень тревожной: «Её, моего друга, моего товарища, внезапно взяли ночью и увезли неизвестно куда». И в конце письма: «Не пишите пока. Сообщу новый адрес».

Следующее письмо он прислал из Енисейска. Он там один. Пишет без обычной иронии, с теплотой и преданностью. Но она не поверила этой интонации, подумала, что просто скучает человек без женского общества. Ответила холодно. От него было короткое послание, с упрёком. И в конце печальные слова: «Кончился трёхлетний срок моей ссылки, но на Енисее кончилась навигация. Всё теперь неясно, откладывается». Не дожидаясь ответа, он прислал ещё одно письмо, где рассуждал о коллективизации: «Видели резолюцию? Это опора на середняка, а не на бедноту». Ей было горько, что он по-прежнему против генеральной линии. В своём ответе она поспорила с ним, как умела, и в ответ получила неожиданную отповедь. Он, не называя вещи своими именами, очень умело показал её мещанство, узость взглядов, недостойную ревность. Ей было обидно, стыдно, горько. Она не ответила: было страшно переписываться с оппозиционером. Стояла осень 1931 года. Политическая атмосфера вокруг сгущалась. В газетах и на всех собраниях наперебой клеймили всяческие уклоны и шатания. На этом и закончилась переписка с любимым человеком. Ах, как она потом винила себя за малодушие!

НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

Николай дождался суда только в конце декабря. В маленьком коридорчике, куда его привели, толпились члены кружка. Увидев Таисию Ивановну, он бросился к ней и в первую очередь спросил про Марию.

- Маша куда-то исчезла, – шёпотом отвечала она. – От меня всё добивались, где она. А я понятия не имею, куда она делась. У нас никто не знает, откуда она родом. И ещё несколько человек ускользнуло от этих супостатов. Видно, кто-то успел предупредить. Мне кажется, в ГПУ кто-то нам сочувствует.

Эти слова обнадеживали: по всей видимости, Маша была на свободе.

- А где тётя Зина, Матвей Семёнович?

- Вот он-то, Матвей, нас и сдал! – шептала Таисия Ивановна. – Это мне точно известно. Ну, конечно, его самого не тронули, и семью тоже.

Никакого настоящего суда не было. Их просто вызывали по очереди в комнату, где сидели три мрачных человека, которые и оглашали приговор. Как и обещал следователь, Николай получил три года концлагеря, но место назначения ему не назвали. Сказали странные слова: «Поступаете в распоряжение Наркомата обороны». Следователь, давая ему расписаться в постановлении, пробубнил:

- Повезло тебе, студент. Можно сказать, в санаторий отбываешь. Под Москвой будешь работать в секретной организации. Скажи спасибо профессору Окуневу, он тебя характеризовал как талантливого инженера.

Николай взглянул на следователя, которого он успел возненавидеть. Теперь это был толстый, добродушный дядька. «Видно, он человек не злой, просто работа у него такая», – подумал Николай.

На другой день его куда-то повезли, но не в тюремной машине, а в армейском грузовике с крытым верхом. Рядом с ним сидели его конвоир с винтовкой и два красноармейца, всё остальное пространство в кузове было заставлено ящиками с каким-то оборудованием. Он дрожал от холода в лёгком пальто, в котором был арестован весной.

- На-ка, накинь на себя, – сказал сидящий рядом коренастый мужик с рыжими усами и с лычками старшины в петлицах. Он протянул старую телогрейку, которую использовали

как мягкую прокладку между ящиками. – А то мы вместо специалиста снеговика привезём.

Выехали из города и долго ехали зимними дорогами Подмосковья. Забуксовали, и Николай вместе со всеми вылез из грузовика, осмотрелся. Слева чернел лес, справа тянулись заснеженные поля. Падал снег. Такая знакомая, щемящая сердце картина... Дружно в раскачку вытолкали машину и двинулись дальше.

Приехали в воинскую часть, окружённую высоким забором. Николая разместили в казарме вместе с красноармейцами, повели в баню, потом выдали хоть и не новый, но добротный комплект обмундирования. Первые два дня он бездельничал, отъедался в столовой, с трудом удерживаясь, чтобы в третий раз не попросить добавки. На третий день оперуполномоченный – занудливый лысый старикан – взял у Николая подписку о неразглашении государственной тайны и провёл с ним беседу, суть которой сводилась к тому, что любое нарушение режима приведёт к немедленному переводу Николая в расположенный неподалёку лагерь на земляные работы. После этого его привели в мастерскую – большую захламлённую комнату, где несколько человек сидели за длинным столом и занимались ремонтом телефонных аппаратов. Начальник, хмурый немолодой человек в форме, с тремя квадратами в петлицах, пригласил его к своему столу и устроил небольшой экзамен:

- Технику беспроводной связи изучал?

- Так точно, изучал, товарищ комбат. – Николай успел освоить воинские правила общения.

- Нарисуй-ка схему входной цепи лампового радиоприёмника.

Он нарисовал. Ещё несколько подобных вопросов, и взгляд начальника потеплел.

- Что же тебе доучиться-то не дали?

Николай пожал плечами.

- Ладно, – продолжал начальник, – Слушай вводную. Вот схема новой немецкой рации, работает в коротковолновом

диапазоне. Изучай. Будем делать такую же, только на наших лампах и с нашими батареями. В армии связь – первое дело, переносные радиостанции нужны позарез.

Николай и так был ошеломлён переменами, которые обрушились на него после жизни в тюремной камере, а тут оказалось, что его ждёт интересная работа. Экзамен по технике беспроводной связи он сдавал прошлой зимой и, кажется, неплохо освоил этот предмет. Новая область техники поразила его воображение. Всего сорок лет назад Генрих Герц открыл электромагнитные волны – поле, летящее в пространстве со скоростью света. Сам он считал своё открытие бесполезным для практики, но петербургский профессор Попов в 1895 году придумал, как использовать эти волны для передачи сообщений. И теперь корабли на море сообщаются между собой не флажками, а с помощью беспроводного телеграфа. И мощный радиоцентр вещает с Шаболовской башни на сотни километров вокруг. Новое чудо техники входило в жизнь человека вслед за электрическим освещением и телефоном.

Ещё три дня назад Николай думал, что жизнь его кончена, что не видать ему больше любимой девушки, не заниматься любимым делом, что ждёт его принудительный труд за колючей проволокой и скотское существование. Теперь душа его воспрянула. «Мы ещё поживём! – утешал он себя. – Отработаю, освобожусь, найду Машу. Господи, не остави нас, грешных!»

* * *

В те годы Красная армия остро нуждалась в специалистах для создания и обслуживания новой техники. Инженерные кадры были на вес золота. Военному ведомству приходилось идти на поклон к чекистам, чтобы заполучить специалиста, осужденного по 58-й статье. Уже тогда закладывались основы будущих «шарашек» – оборонных предприятий, где в качестве научных сотрудников и инженеров трудились заключённые и где пришлось в своё время поработать Королёву,

Глушко, Туполеву, Поликарпову, Стечкину и многим другим нашим выдающимся конструкторам.

Николай с увлечением принялся за работу. В их группе, которую по-армейски называли взводом, было пока всего шесть человек. Кроме Николая, был ещё один заключённый – пятидесятилетний Дмитрий Родионович Иволгин, осуждённый за то, что служил в войске Деникина. Он, да ещё начальник, были инженерами с опытом – во время Германской войны они обеспечивали на фронте беспроводную связь. Остальные в группе были новичками. Благодаря Иволгину, схема рации, которая сначала казалась Николаю китайской грамотой, стала ясна как день. Он же научил всех новичков рассчитывать элементы цепей, исходя из характеристик радиоламп. Этот расчёт и был первым этапом работы, поскольку радиолампы, доставленные из Нижегородской радиолaborатории, по своим параметрам отличались от немецких. Трудности начались, когда приступили к изготовлению опытного образца. Не было необходимых деталей, даже конденсаторы пришлось делать самим. Николай нарезал две длинные полоски медной фольги, прокладывал между ними тонкую полоску папиросной бумаги, всё это скатывал в тонкий цилиндр и помещал в папиросную гильзу. Потом припаял контакты и заливал своё изделие парафином.

Иволгин хвалил егоровские конденсаторы:

- Молодец, Коля! Хорошим инженером будешь. Мы с тобой, брат, ещё такое свершим! Что нам германцы! Первую рацию мы у них скопируем, а потом будем делать по-своему.

Дмитрий Родионович был инженер от Бога. Про радио он знал всё: и как распространяются радиоволны, и как рассчитать передатчик, приёмник, и как их изготовить, и как настроить. К нему постоянно обращались с вопросами, и он отвечал всегда дружелюбно, не кичась своими познаниями. Благодаря ему работа лаборатории быстро двигалась вперёд.

Оба заключённых – и учитель, и ученик – в казарме были соседями: их кровати стояли в углу, особняком от двухъярусных кроватей красноармейцев. По вечерам они обычно

сидели рядом и беседовали, причём, по молчаливому согласию, разговоры шли только о технике или о простых житейских делах. Обычно вид у Дмитрия Родионовича был грустным, но когда он начинал рассказ о технике, глаза его загорались, он говорил вдохновенно, как поэт:

- Когда-то я, будучи студентом, случайно оказался на той самой знаменитой лекции профессора Попова, где он впервые демонстрировал свой беспроводный телеграф. Перед нами на столе стоял приёмник, а передатчик находился в другом помещении, на расстоянии 200 метров. Какой был триумф, когда телеграф застучал, и Александр Степанович зачитал первую в истории радиограмму. Там было всего два слова: «Генрих Герц». С тех пор я влюбился в радиоволны! А как закончил учёбу, сам пошёл в армию обслуживать наши первые передвижные радиостанции. Передатчики тогда были искровые, работали от бензинового мотора, чад и грохот стояли вокруг. Приёмники – примитивные: детекторная трубка, катушка с конденсатором, да наушники – вот и всё. Потом появились радиолампы – великое изобретение. Любую частоту можно генерировать, любой слабый сигнал принимать. Но ты сам видишь, какой тяжеленный чемодан эта немецкая рация. И наша не будет легче ... У меня, Коля, есть одна идея. Я тут недавно знакомился с последними поступлениями в нашу библиотеку и наткнулся на интересный патент. Инженер Лосев изобрёл генератор электромагнитных колебаний на основе кристалла цинкита. Представляешь, вместо лампового триода маленький, с горошину, кристаллик. И для питания ему нужно всего несколько вольт. Мы с тобой, Коля, попробуем опыт Лосева повторить. Если подтвердится, это означает переворот в технике. Мы с тобой сделаем рацию, которую можно в портфеле носить⁹.

⁹ Лосев Олег Владимирович (1903-1942) – выдающийся русский учёный, радиофизик, пионер в области полупроводниковой электроники. Его работы, сделанные в 1920-е годы в Нижегородской радиолaborатории, опередили своё время, поэтому не были восстановлены. Умер от голода в блокадном Ленинграде.

К концу апреля изготовили два опытных устройства, аналогичных немецким, и успешно провели испытания. Дальность связи оказалась приемлемой – 20 километров, а если делать стационарную антенну, то можно дотянуть до тридцати. Правда, вес рации оказался не малый – 8 килограммов без батарей, а немецкая весила только семь. Теперь предстояло сделать четыре рации уменьшенного веса, пригодных для эксплуатации в боевых условиях, то есть ударопрочные, огнеупорные, водостойкие и, как говорил начальник, «дуракоустойчивые». Всё это должно быть готово к сентябрю, когда намечались дивизионные учения. Эта задача была выполнима, ведь теперь у них в лаборатории было 12 инженеров и техников, рабочие, снабженцы. Появился набор необходимых деталей, материалов, а также ангар для проведения испытаний.

Как-то Николай сидел за своим столом и читал последний номер журнала «Телеграфия и телефония без проводов». Время приближалось к обеду. Дмитрия Родионовича куда-то вызвали, но вскоре он вернулся, бледный, взволнованный. Снял с вешалки пальто, кепку, потом подошёл к Николаю и тихо сказал:

- Прощай, Коля, за мной приехали. Увозят назад в Бутырку.

Николай, удивлённый, поднялся со стула:

- Как? Почему?

- Видно, нашли что-то в моей биографии. Или что-нибудь с родственниками. Их у меня немало за границей.

- Как же мы без вас, Дмитрий Родионович? Вы же у нас самый главный специалист. Нет, я пойду, скажу им ...

- Ты что, Коля, спятил? Сиди. Обойдётесь без меня. Ты вместо меня остаёшься. Я тебя всему научил. Жалко, не успели мы с тобой сделать нашу русскую радиостанцию. Ну, да ты сделаешь теперь без меня.

Глаза у него увлажнились.

- Трудись так же добросовестно, как раньше. Ты работаешь для страны, а не для них, – он кивнул в сторону откры-

той двери, за которой маячил человек в форме с кобурой на боку.

Этой ночью Николай долго не мог заснуть. До слёз было жалко Дмитрия Родионовича, к которому он привязался как к родному отцу. «Горькая детоубийца Русь!» – вспоминал он стихи, услышанные от отца Сергия. Наверное, ГПУ вышло из-под контроля и творит беззакония. А мы – как стадо баранов: выхватят одного, потащат на убой, а остальные сомкнутся и продолжают жевать траву. А ведь мы – здоровые, полные сил и знаний, мы – строим, пашем, производим то, что нужно стране. Как же противостоять этим злодеям? Однажды ему удалось с помощью инфразвука нейтрализовать гэпэушника, делающего обыск. Хорошо бы сделать мощный аппарат и направить на их главную контору, что на Лубянке. Только инфразвук здесь не подходит – он распространяется недалеко, да и сквозь стены не пройдёт. Может быть, направленный пучок радиоволн? Сейчас известны способы, как его создать, и стены для него не помеха. Но радиоволны, в отличие от инфразвука, механического действия на организм не оказывают, они только нагревают ткани, да и то при очень большой мощности. А что если промодулировать радиоволны сигналом с той самой опасной для человека частотой? Сделать это совсем не трудно. Надо только в передатчике заменить модулятор: изготовить его по той схеме, которую он прекрасно помнил. Всё это можно отработать на первом макете рации, который стоит без дела.

Николай лежал и в деталях обдумывал предстоящую процедуру монтажа. Когда в окнах начало сереть, он заснул. Приснился кошмар: будто он с чемоданом-рацией за спиной стоит на Лубянской площади, а в руках держит антенну и направляет её на огромное здание. Из дверей здания разбегаются во все стороны крысы, но вот большая стая отвратительных существ мчится прямо на него. Он понимает, что это сон, изо всех сил пытается проснуться, наконец, с облегчением вырывается из кошмара и оказывается в другом сне.

Он сидит в камере Бутырской тюрьмы, напротив него сидит отец Сергей и укоризненно качает головой.

Звук трубы, проигравшей «подъём», прогнал все сны. Красноармейцы с обнажёнными торсами выбегали на физзарядку. Николай одевался и вспоминал своё ночное бдение: «Нет, не одобрил бы отец Сергей мою идею, нет в ней любви, только ненависть».

* * *

Летом начали готовить радистов для работы с новым средством связи. Отобрали в батальоне наиболее толковых связистов и организовали месячные курсы. Николая к преподаванию не допустили – помешал его ранг заключённого. А вот консультировать преподавателей ему приходилось очень часто, здесь этот ранг никому не мешал.

Наступил долгожданный день: ровно в полдень должны были начаться учения, где для связи штаба дивизии с полками должны были использовать новые рации. Говорили, что сам нарком Ворошилов взял под контроль работу радиосвязи.

Стояло тёплое сентябрьское утро. В лаборатории царила атмосфера напряжённого ожидания. Все сидели на рабочих местах и все понимали, что их дальнейшая судьба зависит от того, как покажут себя новые изделия в полевых условиях.

Николая вызвали к начальнику – у того теперь был отдельный кабинет. Комбат предложил ему сесть и заговорил необычным для него взволнованным голосом:

- Вот что, Егоров, надо тебе срочно ехать в район учений. Неполладки у нас с той рацией, что во втором полку. Сейчас приехал оттуда вестовой, записку привёз от Потапова – он у нас там инструктором. Слушай, что он пишет: «Все индикаторы показывают, что рация исправна. Антенна, заземление – всё как надо, а связи нет. Ни голосовой, ни телеграфной. Ни с дивизией, ни с соседними полками. Прошу прислать Егорова».

Потапов работал в лаборатории техником в звании командира взвода. Парень он был толковый, рацию знал, как

свои пять пальцев. «Если уж он спасовал, значит там что-то серьёзное», – думал Николай.

Комбат рассматривал развёрнутую на столе карту.

- А ведь расстояние до штаба дивизии небольшое. Первый полк дальше, а у них связь есть. Конечно, первый полк на холме, да и леса там мало, а второй – в густом лесу и в низине.

Он посмотрел на часы:

- Три часа до начала учений. Вестовой сказал, что комполка уже готовит телефонистов с катушками. Если не наладим радиосвязь, разгонят нас к чёртовой матери. У немцев будут рации покупать. А что толку? То же самое и будет, в наших-то лесах. Профессор Шулейкин нас как учил? Для хорошей связи радиоволнам нужна посадочная площадка ... Вот такие дела. В общем, на тебя, Егоров, вся надежда. Давай, беги к старшине, он тебе выдаст полевую форму и сухой паёк на сутки. Жди меня возле КПП. А я пошёл к нашему оперу договариваться, чтобы тебя отпустил. Ещё не знаю, уговорю ли старого хрена.

К воротам начальник подошёл вместе с оперуполномоченным и красноармейцем из взвода охраны.

- Только под вашу ответственность отпускаю, товарищ комбат, – сказал чекист, а потом обратился к охраннику. – Вот он, твой подконвойный. Головой за него отвечаешь!

Ехали в открытой легковушке, рядом с шофёром сидел вестовой, а сзади Николай со своим конвоиром. Тот, ещё совсем молодой парень, сжимал в руках винтовку, а когда Николай попытался с ним заговорить, сердито отвечал: «Не велено разговаривать».

- Разго-оваривать, – передразнил его подконвойный. – Вологодский, небось. – У нас был студент из Вологды, окал так же, как ты.

За час добрались до места. Полк располагался в лесу, а рацию развернули на опушке, у луговины. Потапов обрадовано тряс Николаю руку, потом подвёл его к рации, стоящей на столике. Тот сел на табурет и стал проверять настройки.

Конвойный, который неотступно за ним следовал, встал за спиной со своей винтовкой.

- Слушай, Вологда, – сказал ему Николай, – сделай хоть три шага назад, не могу работать, когда над душой стоят.

Тот послушно отошёл на три шага.

Рация была исправна. Теперь надо было осмотреть антенну.

- Смотри, – говорил Потапов, показывая на высокую ель, стоящую на краю леса, – провод за самую вершину зацепили. Метров 12 будет. И заземление вогнали в землю аж на метр.

Николай напряжённо пытался вспомнить, что он читал про антенны. Месяц назад он со словарём в руках штудировал статью в немецком журнале «Телефункен». Там было сказано, что в густом лесу вертикальная составляющая поля сильно поглощается деревьями, поэтому надо развивать горизонтальную часть антенны. Он взглянул вверх и увидел, что от вершины ели провод тянется к вершине соседнего дерева. Вместе с Потаповым они длинным шестом сняли провод с той вершины, прикрутили к нему ещё метров тридцать провода, сделав надёжный контакт, и потащили его из леса на луговину. Там прикрутили провод к концу шеста, а сам шест поставили вертикально.

- Как там связь? – крикнул Потапов радисту, которого оставили сидеть за рацией и постоянно делать вызов.

- Нет связи, – услышали они.

Потапов посмотрел на часы:

- Двадцать минут у нас осталось. – Он обречённо махнул рукой и пошёл к лесу.

- Чего ты тут крутишься? – раздражённо крикнул Николай конвойному, который опять оказался рядом. – Ты сядь вон там, на опушке, и возьми меня на прицел. Если что не так – стреляй. – Потом тихо добавил: – Всё одно нам конец.

И вдруг у него в голове сверкнуло. Он вспомнил азбучную истину: провод вдоль своей оси не излучает и не принимает сигнал. «Так, – соображал он, – а где у нас штаб дивизи-

зии? Как раз вон в той стороне, куда мы протянули провод. Значит надо развернуть его на девяносто градусов».

- Ну-ка, помоги мне шест перенести, – скомандовал он охраннику.

- Не положено, – сказал тот, однако забросил винтовку за спину и взялся за толстое плохо обструганное древко. Видно, деревенский парнишка почувствовал важность происходящих событий.

Они перенесли тяжёлый шест с привязанным на конце проводом и опять поставили его вертикально.

- Есть связь! – раздался из леса такой громкий крик, что, наверное, его и без рации услышали в штабе дивизии.

От радости Николай хлопнул по плечу своего охранника, отчего они чуть не уронили антенну.

Вдруг из леса раздался сердитый окрик:

- Что тут творится? Демаскировка! – на опушке появился кто-то из старших командиров. – Немедленно зайти в лес! И мачту свою убирайте. Сейчас начнётся авиаразведка.

Мысли Николая снова заметались в поисках решения.

- Опускай шест, – сказал он охраннику. Затем он быстро сорвал конец провода с шеста и примотал его к кусту ивы. Теперь провод тянулся наклонно от вершины ели к кусту.

- Как связь? – крикнул он в сторону леса, сложив руки рупором, и замер в ожидании ответа.

- Есть связь! – услышал он в ответ.

Подойдя к лесу, Николай увидел, что командир полка стоит возле рации и говорит в трубку:

- Так точно, товарищ комдив, у нас всё готово.

Николай прислонился к стволу берёзы и в изнеможении сполз на землю.

ДОРОГА В СЕРПУХОВ

Николая освободили досрочно и сняли с него судимость. Ходатайство на него писал начальник лаборатории, взяв с него слово, что он останется у них работать. Его зачислили

в штат на должность техника и дали отпуск на неделю. Он получал письма от родителей и знал, что с ними всё в порядке, поэтому в первую очередь решил поехать в Серпухов искать Марию. Адрес дома, где жил её брат, он помнил, но писать боялся, опасаясь, что его письма просматриваются. С тех пор, как они с Машей расстались, он не имел о ней никаких сведений.

Ехать пришлось через Москву. Шёл конец августа 1930 года, стояла прекрасная погода – сухая, не жаркая и не холодная. Однако Москва встречала неприветливо: пригородный поезд «Дмитров – Москва», на котором он ехал, на подходе к вокзалу почему-то остановили и долго держали, не выпуская пассажиров. Николай высмотрел в окно, что стояли они вблизи товарной станции, куда он студентом не раз ходил разгружать вагоны с углем. Отсюда было десять минут ходу до Каланчёвки. Он надел на спину свой вещмешок и, не слушая окрика кондуктора, открыл вагонную дверь и спрыгнул на землю.

Сначала он шёл, пересекая пути, потом вдоль длинного состава из вагонов-теплушек с зарешёченными окошками. Из вагонов слышался людской гомон и детский плач. «Заключённых везут, но почему здесь дети?» – удивился он. В одном из окошек виднелась голова женщины, было похоже, что она подносит к решётке плачущего младенца. Увидев Николая, женщина заголосила:

- Сынок, не будет ли хлебушка? Ради Христа!

Николай опешил:

- Откуда вы?

- С под Брянска мы, раскулаченные, – говорила она сквозь слёзы. – Уж неделю везут незнамо куда. Одной селёдкой кормят. Дети хворые...

Жалость стиснула Николаю сердце. У него в вещмешке была буханка хлеба. Он достал её, но просунуть сквозь решётку не смог. Он вынул нож и, по-крестьянски прижав буханку к груди, стал резать её на ломти, а потом, встав на цыпочки, просовывал ломти через решётку, где их жадно

хватали женские руки. Закончить это дело он не успел. Раздался крик:

- Отходи от состава, стрелять буду! – Вдоль поезда шёл красноармеец с винтовкой наперевес.

Николай с вещмешком в одной руке и с остатком хлеба в другой отбежал от вагона и быстро пошёл в сторону города.

Уже шагая по московским улицам, он долго не мог успокоиться – перед глазами стояла страшная картина: крестьянские семьи, как скот погружённые в вагоны, везут куда-то далеко от родной земли. Что-то новое затеяли власти, видно, на селе опять какая-то заваруха, название которой он ещё не знал.

В Москве были заметны сильные изменения, и они огорчили Николая. У него были планы купить себе одежду, но свободная торговля исчезла, и он долго ходил по неприветливым государственным магазинам, пока не приобрёл костюм, рубашку и ботинки. Новые вещи он тут же надевал на себя, а старые нёс до ближайшего мусорного ящика. Впервые в жизни у него была куча денег: после сдачи своего изделия они получили хорошую премию, и Николая не обделили. Однако купить что-либо из еды он не смог: продукты продавали только по карточкам, которых у него не было. То же самое было и в столовых: он ткнулся в одну, потом в другую – везде обслуживали только по талонам.

Бутылку ситра ему продали без карточек, а в вещмешке лежала пачка армейских галет. Он нашёл удобную скамейку со спинкой и, не обращая внимания на прохожих, с аппетитом поел. Поезд на Серпухов, на который он купил билет, отправлялся только в семь часов вечера. Сейчас было двенадцать. Он двинулся к университету: у него было намерение восстановиться на заочном отделении. Зашёл в знакомое здание, побродил длинными коридорами и, оставив секретарю заявление, пошёл в свою бывшую лабораторию. Очень хотелось увидеть Окунева и поблагодарить его за характеристику, представленную в ГПУ. И ещё хотелось найти свою коробку с книгами.

Окунев сидел за своим рабочим столом, будто не два года прошло, а два дня. Было видно, что появление Николая его удивило и испугало, поэтому тот поспешил рассказать о своём досрочном освобождении и даже показал пропуск в воинскую часть на имя техника Егорова. Профессор успокоился.

- У нас теперь новая тематика, – стал рассказывать он, показывая рукой на приборы. Впрочем, громадный рупор, изготовленный когда-то Николаем, так и стоял на своём месте. Окунев, перехватив взгляд своего ученика, сказал:

- А что касается инфразвука, то статья наша вышла.

Он подошёл к шкафу и достал оттуда журнал. Вид у профессора был смущённый.

- Только пришлось вашу фамилию из списка авторов вычеркнуть. Ну, сами понимаете, почему.

Николай махнул рукой:

- Неважно. У меня теперь тоже другая тематика.

- Мне тут за вас сильно влетело. Отстранили на полгода от преподавания ... Кстати, книги ваши я спрятал. Вовремя успел, на другой день приперся комендант, всё здесь перерыл.

- А где они? Где мои книги? – заволновался Николай. Профессор порылся в столе и достал ключ:

- Пойдёмте со мной.

Они пошли по коридору и остановились у малозаметной двери без надписи.

- Здесь у нас архив, – сказал Окунев, отпирая дверь.

Комната вся была уставлена стеллажами. Профессор нагнулся и показал пальцем в пыльный угол.

- Вон туда я их упрятал. Что за книги, я не вникал. Я от всего этого далёк. Понял только, что лучше их спрятать, чтобы они не попались никому на глаза.

«Надо же, ведь не сдал в ГПУ и не выбросил на помойку, всё сохранил», – думал Николай, перекладывая книги в свой просторный вещмешок. И всё-таки от Окунева веяло каким-то холодком. Прощаясь с ним, Николай бормотал слова благодарности, но чувствовал, что он здесь гость нежеланный.

Теперь его путь лежал в дом, где раньше жила Мария. У него была надежда, что там что-нибудь знают о бывшей квартирантке. Ему открыла Лида и, когда после некоторой заминки она узнала Николая, обрадовалась ему, как хорошему знакомому. Но про Марию она ничего не знала. Никаких известий от неё не было.

- Приходил милиционер, спрашивал: «Куда ваша жилища исчезла?» А я ему соврала: «Кажется, – говорю, – в Тулу уехала». Пусть ищут в Туле.

Они сидели в комнате, хорошо знакомой Николаю. Теперь книжная полка была почти пуста, а в углу стоял большой писанный на доске образ Пантелеймона – целителя.

- Из нашего храма икона, хорошего афонского письма, – объяснила Лида, увидев, что гость разглядывает образ святого. – Монастырь закрыли, все храмы у нас отобрали, устраивают в них, что попало. В Троицком соборе открыли приёмник-распределитель для детей, у которых родители арестованы. Видела я этих бедных детишек...Сердце кровью обливается.

Лида всплакнула, вытерла платочком слёзы и продолжила:

- Постановление вышло о полном закрытии всех монастырей. Кладбища монастырские уничтожают зачем-то. Памятники сносят, трактором могилы заравнивают. На днях выкопали прах Гоголя, Перова, Хомякова, увезли куда-то. А иконы прихожане разносили по домам. Да и то не все успели унести. Вот святой Пантелеймон знаете, как у нас оказался? Зимой иду я вечером по улице, вижу, пьяный мужик на санках везёт большую доску. Меня будто что-то толкнуло. Я спрашиваю: «Вы что везёте?» А он мне говорит: «Икону везу на дрова». Я говорю: «Продайте её мне». И купила. Мама моя перед этой иконой молится, говорит, что святой Пантелеймон её лечит и хороших людей к нам в дом приводит¹⁰.

- А икона Богородицы, у которой мы тогда с Машей молились, где она?

- Владимирская? Старинная икона XV века, с клеймами. Её успели спасти, прихожане забрали домой.

Они посидели в грустном раздумье. Лида принесла горячий чайник, и по её лицу было видно, что она обрадовалась, когда гость выложил на стол полбуханки хлеба.

- А в какой храм вы теперь ходите? – спросил Николай.

- Теперь здесь нет поблизости храмов. Все позакрывали. Теперь тайком собираемся у кого-нибудь в доме. Батюшка

¹⁰ В 1989 году, когда Свято-Данилов монастырь был возвращён Церкви, восьмидесятилетняя Лидия Фёдоровна, тогда проживающая в Сергиевом Посаде, вызвала письмом архимандрита Евлогия и передала ему эту икону. Сейчас образ великомученика Пантелеймона находится в Троицком соборе Свято-Данилова монастыря.

приходит, служит. Ушли в подполье. Был у нас один приход, теперь – несколько тайных приходов. Большой риск для священников: им только в храме разрешено служить и только после регистрации.

- Я хочу до отъезда в церковь зайти, записки подать, а теперь не знаю, где найти открытую.

- Лучше всего езжайте на трамвае прямо до Елоховского собора. Там наверняка открыто. И до вокзала вам будет недалеко...

Через некоторое время Николай, выйдя из трамвая, направился в сторону храма. Он шёл по улице, держа пиджак в одной руке, а другой придерживая висящий на плече тяжёлый вещмешок с книгами. Вдруг он увидел идущую навстречу нарядно одетую даму, облик которой показался ему знакомым. «Неужели Софа?» – подумал он. Да, это была она, похудевшая и повзрослевшая.

- Коля? – воскликнула она. – Вот так встреча! А я слышала, тебя тоже взяли, как и Афанасьева.

- Было дело, а теперь освобожден подчистую. Работаю в Дмитрове. Сейчас в отпуске. А тебя, значит, миновала чаша сия?

- Миновала. – Софа на мгновение смутилась. – Учусь как прежде. Замуж вышла. – Она осматривала Николая с ног до головы. – А ты прекрасно выглядишь, но вижу – устал. Давно по Москве бродишь?

- С утра.

- Проголодался, наверное. Москва теперь город голодный ... Такие теперь времена.

Она раздумывала, но, видно, решила:

- Пойдём ко мне, отдохнёшь. Обедом угощу.

Николай смотрел на неё удивлённо.

- Да ты не бойся, – продолжала она, – муж уехал, он у меня всё по командировкам.

Она уставилась на него своими большими и тёмными, словно омуты, глазами.

Николай переживал мучительные мгновения. Сразу два соблазна навалились на него. Это было чересчур для его не-

искушённой души. Он уже готов был согласиться, но вдруг услышал, как чей-то голос рядом произнёс: «Мария!». Он вздрогнул. Мимо него прошла женщина в голубом платочке, она, видно, вслух читала молитву. До Николая донеслось: «Господь с Тобою; благословенна Ты в женах ...».

- Нет, я спешу, извини, – пробормотал он и рванулся вслед за голубым платочком. Женщина шла прямо к храму, и он последовал туда же, не оборачиваясь и стараясь унять волнение. Народу в храм шло, на удивление, много, и он, поднимаясь по ступенькам, спросил идущую рядом старушку:

- Скажите, какой сегодня праздник?

- Завтра Успенье Матушки нашей Пресвятой Богородицы, – услышал он ответ.

СРЕДИ РОДНЫХ

В поезде Николая, сильно уставшего за день, клонило в сон, но он боялся проспать Серпухов, поэтому тарачил глаза на сменяющие друг друга пейзажи за окном: поля и перелески, уже тронутые осенней желтизной. Пытался разговаривать соседей по купе, хмурых работяг, возвращавшихся из Москвы в родной Подольск. И всё-таки, прислонившись к углу возле окна и убаюканный мерным стуком колёс, он задремал.

Ему приснилось нечто страшное. Будто бы он подходит к дому Марии, а дома нет, сгорел, и лежат одни головешки. Он, ошеломлённый, озирается и видит недалеко от пепелища девушку, стоящую к нему спиной. Он кричит: «Маша!» Она стоит, не оборачивается. Он снова кричит, но она будто не слышит. Тогда он подходит к ней и трогает за плечо. Она поворачивает голову, и он видит, что это не Маша, а Софа, и глаза у неё злые, а на губах застыла ехидная улыбка.

В ужасе Николай вскрикнул и проснулся. На него удивлённо смотрели попутчики. Он взглянул в окно: поезд остановился у Серпуховского вокзала, слабо освещённого единственным фонарём. Вокзальные часы показывали начало десятого.

Он помнил, что от вокзала до дома Марии всего минут десять ходьбы. Знал он и адрес, однако табличек на домах не было видно. Улицы не освещались, лишь молодой лунный серп слабо рассеивал темноту, да кое-где в окнах светились огни керосиновых ламп. Николай осторожно шёл по деревянному тротуару, оглядываясь вокруг. Где-то здесь должен быть её дом. Вот и колодец, а вот и большая липа, стоящая возле самой калитки. Маша рассказывала, что эту липу посадил её отец в тот день, когда она родилась. Он приблизился к калитке и похолодел: она была забита досками. Он стал вглядываться поверх штакетника в глубь двора и разглядел явные признаки нежилого строения: сквозь крыльцо ключьями пробивалась трава.

Неужели забрали всех? А может быть, Маша где-нибудь скрылась. Спросить было не у кого, света в соседних домах не было видно, да и кто откроет в такое время. Николай был в полном отчаянии. Оставалось только вернуться на вокзал и заночевать там, а утром попробовать осторожно навести справки про судьбу жителей опустевшего дома.

Он повернулся, чтобы двинуться на вокзал, но запнулся и ухватился за ствол дерева. В лунном свете он отчётливо увидел белую берёзовую кору. Он опешил: как это липа превратилась в берёзу! Потом дошло: он пришёл не к тому дому. Да и улица была не та. Теперь он вспомнил, что та улица шла на подъём, а эта была ровная. Он вернулся к вокзалу и отправился по другой улице. Теперь он не сомневался, что идёт правильной дорогой. Вот она, та самая липа – настоящая, а за ней видны освещённые окна. Дрожа от волнения, он поднялся на крыльцо и осторожно постучал в дверь, потом второй раз, третий. Наконец за дверью послышались шаги и встревоженный мужской голос:

- Кто там?
- Это Егоров, Николай.
- Кто, кто?

Он повторил своё имя. Дверь открылась, на пороге стоял брат Марии, удивлённый и обрадованный.

- Коля, ты? Заходи. Маша скоро придёт.

Увидев гостя, Надя заохала, усадила его на диван и заговорила взволнованно:

- Маша вот-вот должна прийти, она в церкви. Готовит храм к завтрашнему празднику. Всё ждёт вас, уж как ждёт! Верит, что вы вернётесь ... Она, бедная, тифом переболела, недавно только и встала. Мальчика больного сняли с поезда, попросили её сделать укол – больше некому было. Ну, она с ним ночь и просидела, выхаживала, от смерти спасла. А сама заразилась.

Иван продолжил рассказ:

- Она, как из Москвы вернулась, сначала на дальнем приходе жила, пряталась от властей. Я ей документ новый достал. У нас на станции, бывает, покойника снимут с поезда и похоронят, а документы остаются¹¹. Да её владыка не благословил. Сказал: «Живи, как прежде. Не бойся, не найдут тебя». И то правда, смотрю, у властей нынче полно других забот – с крестьянами не могут управиться.

Николай сидел, переживая удивительное облегчение. Маша жива, она здесь! Бог услышал его молитвы.

- Так я пойду её встречу, а то темно у вас, как в погребе.

- У нас вообще-то на улицах тихо, слава Богу. Да и вечер лунный. А то бывает и совсем темно, тогда я иду за ней с фонарём ... А вот она и сама идёт. Иди, Коля, встречай.

Он встретил Машу в сенях. Увидев его, она вскрикнула, бросилась к нему в объятия и зарыдала так громко и безудержно, будто выплакивала всю накопившуюся боль долгого ожидания в неизвестности и страхе. Наконец она подняла заплаканное лицо и посмотрела на него счастливыми глазами. Лицо у неё было бледное, похудевшее. Она поправила косынку на голове.

- Волосы острижены, но не бойся, отрастут, – сказала она и улыбнулась такой знакомой, родной улыбкой.

¹¹ Паспортная система в СССР была введена в декабре 1932 года. До этого удостоверением личности мог быть любой документ, выданный государственным учреждением.

* * *

На другой день после Успения Маша предложила навестить своих знакомых монахинь, скрывающихся в тайном монастыре.

- Последний раз мы с Надей были там в июне, – говорила она. – Две сестры сказали, что обязательно придут в город сразу после Петрова дня. Обещали зайти к нам, а никто до сих пор не пришёл. Думаю, всё ли у них ладно?

- Тебе, Маша, идти нельзя, ты ещё слаба, – ответил Иван. – Мы ходим с Колей. Пойдёшь со мной, Коля?

- Отчего не сходить? Пойдём.

- Лошади-то у нас теперь нет, – продолжал Иван. – По правде сказать, и везти теперь нечего. Никакой еды теперь не купишь. Пойдём налегке. Ну, разве что, сухарей возьмём – у нас припасено, да масла постного бутылку.

Не откладывая, стали собираться в путь.

- Документы, Коля, не забудь взять, – наставлял Иван. – Теперь везде проверки на дорогах: кто, да откуда, да что несёшь. Ищут беглых крестьян – раскулаченных или просто от голода бегущих.

До Старого Села они доехали на попутной подводе, а потом долго шли лесом. Иван рассказывал:

- Дом-то мы ихний поправили. Стропила поменяли, да крышу подлатали. Мужики здешние помогли. Народ тут не злой, к монашкам хорошо относятся. Правда, всё это прошлым летом было, до коллективизации. А теперь, говорят, в деревнях снова страсти кипят. Нынче власть крестьянам войну объявила.

Когда подошли к монастырскому дому, увидели на двери большой ржавый замок. Пришлось идти к соседям с распросами.

Хозяйка соседнего дома, женщина лет сорока, подробно рассказала всё, что здесь произошло.

- На Петров день у них в доме служба шла, а тут как раз нагрянули чекисты. Видно, знали, когда всех вместе можно застать. Я слышу – собака лает, заливается, а потом выстреле-

лы. Выскакиваю, вижу: военный из нагана в собаку палит. Потом с ружьями наперевес в дом пошли, а через полчаса, смотрю, всех монашек выводят и с ними батюшку ихнего. А он-то старый, немощный, еле идёт. Так комиссар-то, который с наганом, толкает его: быстрее, мол. И толкнул так, что он чуть не упал, игуменья успела подхватить. И она давай комиссара ругать: «Что делаешь, окаянный! Креста на тебе нет!» А он ей: «Нет, и не было никогда, зато у тебя на шее золотой висит». И хватает её крест. А матушка своим посохом его отталкивает. Он завопил, да как хватит её кулаком прямо по лицу. Она и упала. Я думала, убил бедную. Нет, смотрю, монашки поднимают её, лицо окровавленное вытирают, ведут, под руки держат. У меня сердце разрывалось, на это глядя ... Всех на подводы посадили и увезли. Дверь-то незапертой оставили, мы потом в избу зашли – там разгром. Прибрались немного, замок повесили. Иконы к себе по домам разнесли, чтоб не пропали. Собаку я сама закопала, хороший был пёс, сторожевой.

- А кто на них донёс, на монашек? – спросил Иван.

- Комбедовец наш главный. Он и не скрывает. «Нечего, – говорит, – мракобесие разводите». Он и коров ихних в колхоз свёл. Они двух коров держали. А какое мракобесие? Ничего плохого мы от них не видали. Младенцев крестили, Псалтырь читали по покойникам. Мы ведь теперь без церкви остались, закрыли её пять лет назад. Матушка настоятельница у нас вместо лекаря была. Теперь с болячками своими надо к фельдшеру за десять вёрст идти.

Вместе с соседкой они вернулись к монастырскому дому.

- Вот здесь она, бедная, упала, – показала рукой женщина. – Прямо на спину пластом. Хорошо хоть здесь трава, место ровное.

Николай увидел в траве что-то похожее на вишнёвые ягоды. Он наклонился и поднял знакомые чётки – те самые, что Маша привезла матушке в подарок. Запекшаяся кровь на бусинах окрашивала их в вишнёвый цвет. Сердце защемило от жалости к беззащитным женщинам, попавшим в руки злодеев...

Сразу по возвращении в Серпухов, он пошёл в местную тюрьму и узнал, что монахини действительно томятся там в ожидании приговора. На другой день он снова явился туда с корзиной – принёс передачу, которую они собрали вместе с Машей. Передачу приняли и через полчаса принесли записку от матушки Евдокии. На небольшом листке было написано несколько строк: «Судьба наша неизвестна. Видно, такова воля Божия – нам пострадать за Христа. Спаси вас Господь. Пока жива, буду помнить вашу доброту и молиться за всё ваше семейство».

Через два дня Николай с Марией обвенчались. Венчал их Владыка Мануил, венцы держали Иван и Надежда, больше в храме никого не было. Когда таинство закончилось, Владыка сказал своим духовным чадам напутственное слово:

- Вам выпало жить в трудное время. Безбожная власть взялась искоренить православную веру. Но не унывайте: силы адовы не одолеют нашу Церковь. Положитесь на волю Господа. Разными путями ведёт Он душу христианскую ко спасению. Есть у нас такие священники, кто уходит от мира и уводит за собой свою паству. Селятся в глухих местах и живут в тайном скиту. Эти люди избрали путь мученичества, подвиг страданий. Этот путь не для вас, дорогие мои. Живите в миру, трудитесь вместе со страной, соблюдайте заповеди Божии, наипаче ту, которая велит любить ближнего своего. А если кто сделает вам зло, не гневайтесь, скажите лишь: «Да воздаст ему Господь по делам его». Победите всё нехорошее в себе, будьте чуткими к окружающим, к горю и несчастью ближних своих. Поступайте всегда так, как велит вам совесть. Мужественно переживайте все страдания, выпавшие на вашу долю. Господь вас не оставит. Не открывайте никому свою христианскую веру, кроме самых близких вам людей. Тайно ходите в церковь, причащайтесь Святых Христовых Тайн. Как четверговую свечу несут бережно из храма, чтобы дома зажечь лампаду, так и вы несите огонёк своей веры, передавайте его другим поколениям, которым суждено жить в иные времена...

На следующий день Николай уехал к себе в часть, обещая вернуться и забрать свою жену, когда всё устроится. Вскоре ему присвоили воинское звание и дали комнату в общежитии. Он привёз Машу к себе, но счастье молодых омрачилось чувством тревоги: они опасались дальнейших преследований. Когда в часть пришел приказ направить специалистов в удалённые военные округа внедрять радиосвязь в войсках, Николай выбрал назначение на Дальний Восток. Молодожёны ехали туда счастливые. После всех тревог и волнений для них начиналась новая жизнь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К концу 1920-х годов партийное руководство во главе со Сталиным полностью разгромило левую политическую оппозицию. Наказание, которое получали рядовые троцкисты – три года ссылки, казалось тогда неоправданно жестоким. Никто не мог предвидеть, какая участь им уготована в будущем. А ведь машина репрессий ещё только набирала обороты.

В 1937 году всех, кто когда-либо принадлежал к левой оппозиции, осудили уже по-настоящему жестоко. Многие были отправлены на десятилетний срок в лагеря. Среди них – будущий знаменитый писатель, автор «Колымских рассказов» Варлам Шаламов. Немалое число бывших сторонников Троцкого были приговорены к расстрелу. В их числе Сара Гезенцвей, которая была расстреляна по приговору тройки НКВД в 1937 году в Актюбинске. В 1989 году она была реабилитирована прокуратурой Алма-Атинской области.

* * *

Нина Михайловна Иванова-Романова прожила долгую и нелёгкую жизнь. Скончалась она в 1995 году в возрасте 86 лет в Доме ветеранов в городе Пушкине под Петербургом. Многие годы она надеялась на встречу с любимым человеком, пока не получила ответ на свой запрос из Военной

коллегии Верховного суда, в котором сообщалось, что Александр Афанасьев умер в 1945 году в одном из сибирских лагерей.

Образ любимого человека остался с ней навсегда. Она писала в своей книге: «Шура, Шура, звезда моя! Да разве кто сможет сравниться с тобою умом, душою, мужеством?... Тебя, молодого и сильного, не могу представить себе больным, измученным и ослабевшим. Неужели исхудалый, застывший, брошенный в промёрзлую братскую могилу – это ты, прекрасная звезда моя?!».

Есть в её книге то, что редко встретишь в мемуарах – это с болью написанные строки о своём несчастном оболваненном поколении, воспитанном так, что считалось доблестью донести на своего знакомого. Звучит и вопрос, который тогда, в 1960-е годы, мог открыто задать только мужественный человек: «Кто ответит и ответит ли когда-нибудь за искалеченные души наши?».

Лишь в 1989 году рукопись была опубликована в трёх номерах журнала «Нева», причём с досадными сокращениями¹². В ту пору шла вторая волна реабилитации жертв большевистского террора и делалась попытка полного оправдания Троцкого, как пострадавшего от рук Сталина. Журнал «Нева» готовил почву для этого: из номера в номер публиковались любые материалы, порочащие Сталина и восхваляющие Троцкого. Вопреки здравому смыслу, самого жестокого из советских военачальников, которого сами большевики называли «демон революции», пытались представить выдающимся мыслителем и государственным деятелем.

Книга Нины Михайловны пришлась журналу весьма кстати из-за её высоких художественных достоинств и звучащего в ней голоса живого свидетеля той эпохи. Редакторы поработали с текстом: удалили то, что казалось им антисемитизмом, и сделали ещё немало купюр, чтобы читатель

¹² *Иванова – Романова Н.М.* Книга жизни // Журнал «Нева», 1989 г. № 2, 3, 4.

воспринимал последователей Троцкого как героев и мучеников. На самом деле Нина Михайловна боготворила лишь любимого человека, который так и не сумел вырваться из сетей закоренелых троцкистов.

* * *

Ссылки и лагеря не миновали и духовную оппозицию, хотя, казалось бы, эти мирные и законопослушные люди никакой опасности для власти не представляли.

Епископ Мануил (Лемешевский) прошёл крестный путь, типичный для русского архиерея в XX веке. Будучи епископом Серпуховским, он в 1930 году был вторично арестован и отправлен в Мариинский лагерь Новосибирской области. В 1936 году он освободился и находился в ссылке, а в 1939-м был вновь арестован и до 1944 года отбывал срок в Канских лагерях. После освобождения получил назначение на Оренбургскую кафедру и управлял епархией до 1948 года, когда был вновь арестован и тянул лямку заключённого в Мордовии, в Потемских лагерях. Вышел он оттуда в 1955 году в 70-летнем возрасте и был назначен архипастырем сначала в Чебоксары, затем в Куйбышев (ныне Самара). Там он и скончался в 1968 году в сане митрополита, окружённый своими духовными детьми.

Протоиерей Сергей Мечёв в октябре 1929 года был осуждён на три года ссылки и отбывал её в небольшом городке Кадникове Вологодской области. Несколько позже туда же была сослана и его жена. Когда срок ссылки истёк, его осудили ещё на пять лет по обвинению в антисоветской пропаганде и отправили в лагерь в Архангельскую область на лесопильные работы. Он выжил в тяжелейших условиях и вышел на свободу. Жил в Твери, в Рыбинске, работал фельдшером в больницах. Служить в храме ему не разрешали, поскольку он относился к «непоминальщикам», то есть не поминал на службе митрополита Сергея и не молился за властей. Он стал тайно совершать богослужения на дому, исповедовал и причащал приезжающих к нему духовных детей. Несмо-

тря на меры предосторожности, о его «катакомбной» церкви стало известно властям. Отец Сергей догадался, что его выслеживают, и скрылся в деревне на Волге близ Тутаева. Он молился о том, чтобы его духовные чада не пострадали, и, к счастью, никто из них не был арестован. С началом войны в народе росла подозрительность, и местные жители, заподозрив в приезжем немецкого шпиона, донесли на него. Отец Сергей был арестован и помещён в тюрьму Ярославского отдела НКВД. В следственном деле, хранящимся в архиве ФСБ, есть такие строки: «В настоящее время Мечёв ведет работу по созданию подпольных т. н. «катакомбных церквей», насаждает тайное монашество <...> и на этой основе организует антисоветские элементы для активной борьбы с Советской властью». Здесь же он характеризуется как «один из видных церковных авторитетов». Чекисты приговорили его к «высшей мере» и расстреляли 6 января 1942 года.

Иерей Василий Надеждин в 1929 году был приговорён к трём годам заключения в Соловецком концлагере. На пересыльном пункте в Кеми он заразился тифом и был помещен в лагерную больницу. В больнице ему сделали укол и внесли инфекцию, что привело к гангрене. Во время болезни к нему приехала супруга и, поселившись в Кеми неподалеку от лагеря, каждый день носила ему передачи, старалась облегчить его страдания. Незадолго перед кончиной отец Василий сподобился принятия Святых Христовых Таин. В своём последнем письме жене он писал: «Да будет воля Божия! Мы дождемся радостного свидания в светлом царстве любви, где уже никто не сможет разлучить нас ...» Священник Василий Надеждин скончался в лагерной больнице 19 февраля 1930 года. Начальник лагеря разрешил его жене помолиться ночью у тела почившего мужа и похоронить на кладбище в Кеми.

В 2000 году на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви священники Сергей Мечёв и Василий Надеждин были причислены к лику святых новомучеников и исповедников Российских.

В храме святителя Николая в Клённиках на Маросейке есть престол двух святых: праведного Алексия Мечёва и его сына священномученика Сергия Мечёва. На иконе святого Сергия можно разглядеть клеймо, где изображены два священника, сидящих на скамье под зарешённым окном. Надпись на клейме гласит: «Святой Сергий со святым Василием в узилище беседуют».

Репрессии были уготованы не только священнослужителям, но и их духовным детям и, вообще, простым верующим людям, если они проявляли какую-либо активность, например, собирались вместе для бесед или выступали против закрытия храма.

Николай Егоров был одним из немногих осуждённых органами ГПУ «молодых христиан», чья судьба в последующем сложилась относительно благополучно. К началу войны он стал ведущим специалистом по армейской радиосвязи. Закончил войну он в звании полковника войск связи и всю последующую жизнь работал в научно-исследовательском институте, занимаясь разработкой новых устройств.

У Николая с Марией было двое детей и шестеро внуков. Веру в Бога и трогательную привязанность друг к другу они пронесли через всю свою долгую жизнь...

В 2005 году, когда Николая и Марии уже не было на свете, мне снова довелось побывать в их квартире на Кропоткинской. Меня пригласил их младший сын, с которым я был заочно знаком. Он знал, что я интересуюсь судьбой пострадавших за веру Христову, поэтому позвонил мне в Вологду и сообщил, что у него есть для меня интересный материал. Когда дела привели меня в столицу, я созвонился с Василием Николаевичем и в тот же день вечером уже заходил в его квартиру.

- Благословите, отец Василий, – я подошёл под благословение к встречающему меня хозяину – немолодому священнику в рясе с крестом на груди.

Отец Василий был клириком одного из московских храмов. В тот вечер он не только передал мне обещанные ко-

*Святой Сергий со святым Василием в узилице беседуют
(клеимо иконы священномученика Сергия Мечёва)*

пии статей, но и много рассказывал о своих родителях. На старой фотографии я увидел счастливых молодожёнов, сидящих на высоком берегу полноводной реки: Николай был в военной форме, а Мария – в легком белом платье. Со снимка военных лет на меня сурово смотрел капитан Егоров в компании фронтовых товарищей. На цветной фотокарточке, датированной 1980-м годом, предо мной предстали убеленные сединами супруги Егоровы в окружении своих детей и внуков.

Ещё отец Василий показал вырезку из какой-то старой газеты, где на снимке я увидел Николая Васильевича таким, каким я запомнил его при нашем первом знакомстве. Он держал в руке продолговатую коробку с длинным штырём, а

подпись под снимком гласила: «Егоров Н.В. с разработанной им полупроводниковой радиостанцией "Иволга"».

Мой собеседник пояснил:

- Отец назвал так своё изделие в память о своём учителе Иволгине, который умер в лазарете Бутырской тюрьмы в 1931 году... А вот ещё одна дорогая для нас вещь, – хозяин подвёл меня к стоящему под иконами столику и показал прозрачную коробочку, в которой кольцом лежали круглые отполированные бусины светло-коричневого цвета.

- Эти чётки – семейная реликвия, с ней мои родители никогда не расставались. Для них это была память о владыке Мануиле, о монахине Евдокии и, вообще, о том времени, когда проходила их молодость.

На столике ровным огоньком горела лампадка, и казалось, это тот самый огонёк веры, который Николай и Мария донесли до наших дней.

Вологда. 2014 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Куняев С.Ю.* Поэзия. Судьба. Россия. В 2-х кн. – М.: Наш современник. 2001.
2. *Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн.* Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк – СПб. 1993.
3. *Миллер Л.П.* Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна. – М.: Столица, 1994. – 240с.
4. *Святитель Феофан Затворник.* Письма к разным лицам – М.: Благовест, 2012.
5. *Бакулин Алексей.* «Те песни мне внушает Бог...» // Газета «Православный Санкт-Петербург», 2013, №8 (260).
6. *Есипов В.В.* Шаламов — М.: Молодая гвардия, 2012. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1374).
7. *Иванова – Романова Н.М.* Книга жизни // Журнал «Нева», 1989. № 2, 3, 4.
8. *Шаламов В.Т.* Письмо по поводу книги Н.М. Ивановой – Романовой. Публикация И.П. Сиротинской // Шаламовский сборник. Вып. 3 / Сост. В.В. Есипов. – Вологда: Грифон. 2002. 232с.
9. *Иванова – Романова Н.М.* Юность в Череповце. Стихи // Череповец. Краеведческий альманах. Вып.2. – Вологда: Русь, 1999. С. 513-523.
10. *Минина Р.С.* «Словно услышали мою печаль» // Череповец. Краеведческий альманах. Вып.2. – Вологда: Русь, 1999. С. 524-526.
11. *Яцкевич Л.Г.* «Семь негасимых лампад...» (О жизни и творчестве Н.М. Ивановой – Романовой) // Литературно-художественный журнал «Лад вологодский», 2009 г., № 4. С. 209-215.
12. *Глеб Каледа, протоиерей.* Очерки жизни православного народа в годы гонений (воспоминания и размышления) – М., Альфа и Омега. 1995.

13. *Беглов Алексей*. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. – 352 с.

14. *Островский Константин, протоиерей*. Святые XX века. Краткие жития для детей – Красногорск: Успенский храм, 2012. – 318с.

15. Житие священномученика Сергия Мечёва – Храм святителя Николая чудотворца в Кленниках. <http://www.klenniki.ru>.

16. Священномученик Василий Надеждин – Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>.

РАССКАЗЫ

ГОРЛИЦА

После падения коммунистического режима разница в идеологиях между Россией и Западом исчезла. Казалось бы, холодная война должна сойти на нет. Тем не менее, противостояние продолжается: НАТО движется на восток, у границ России сооружаются военные объекты. О скрытой борьбе, которая нескончаемо идёт в мире, повествуется в этом рассказе.

* * *

Опять пришло письмо из этой конторы. Как хоть она называется? Вот как: «Международный центр финансирования полезных идей». В этот раз пишут как-то уж очень почтительно: «...знакомы с Вашими публикациями, высоко ценим Ваш талант и способность к выдающимся достижениям в области техники». Да, знают, как польстить нашему тщеславию.

Игорь оторвался от компьютера, прошёлся по опустевшей квартире. Непривычно и тоскливо было одному. Дочь-студентка уехала в экспедицию в Сибирь. Сын служит в армии. Жену он вчера отвёз в деревню, где они обычно проводят летний отпуск, и сам через неделю собирается присоединиться к ней. А до этого предстоят сумасшедшие дни – завершающий этап сдачи изделия.

Он снова сел за компьютер и задумался. Может быть, отправить в этот настырный Центр что-нибудь из своих старых задумок. А вдруг что-то заплатят. Деньги сейчас ой как нужны: дочка собралась замуж, да и кредит за автомобиль ещё не выплачен. Вот что можно послать: способ передачи энергии направленным пучком радиоволн. В Японии уже летают небольшие сторожевые вертолёты, в которых двигатель снабжается энергией за счёт наземного радиопередатчика. Но радиус действия такой энерголинии не велик: слишком много энергии рассеивается в пространстве. Как-то, лет пять назад, ему пришла в голову мысль, как можно

сфокусировать радиолуч на большое расстояние. Тогда он направил заявку на изобретение, но экспертиза потребовала экспериментальное обоснование. Заниматься этим у него не было ни времени, ни средств, и он отложил свою идею до лучших времён. Игорь нашёл в компьютере свою старую заявку, скопировал аннотацию и нажал на табличку «отправить». Всего лишь лёгкое нажатие на клавишу мыши... Но если бы он знал, какие события за этим последуют, то ни за что не стал бы этого делать.

Игорь жил в крупном областном городе и работал на предприятии, связанном с оборонной промышленностью. Он занимался разработкой радиолокаторов для противоракетной обороны, то есть участвовал в том вечном противоборстве, которое не прекращается на протяжении всей истории человечества. Это – соперничество между мечом и щитом, снарядом и бронёй, баллистической ракетой и радаром с противоракетой.

Он знал, что за его электронной почтой могут следить те, кто обязан предотвращать утечку информации. Но тот материал, который он собирался отправить, имел совершенно открытый характер.

Удивительно, но ответ пришёл в тот же вечер, несмотря на позднее время. «Тематика очень актуальна. Не откладывая, присылайте Ваш проект полностью. Решение будет принято нами в течение пяти дней после получения Вашего материала».

Игорь подправил кое-что в тексте старой заявки и послал его нетерпеливому адресату. Реакция последовала уже на следующий день, причём в совершенно неожиданной форме. Когда он после работы садился в машину, чтобы ехать домой, перед ним вдруг возникла элегантно одетая женщина в тёмных очках. Ослепительно улыбаясь, она сказала:

- Здравствуйте Игорь Васильевич. Я из Международного центра, куда Вы отправили свой проект. Сейчас он на экспертизе. Я уверена, что Вы получите положительное решение и соответствующее вознаграждение. Но у меня

есть ещё одно предложение. Позвольте мне сесть в ваш автомобиль.

Он позволил. Видно, эта дама специально караулила его, а ведь он задержался на работе на целый час. Салон его «десятки» был явно бедноват для такой роскошной красавицы. Судя по её смугловатому, словно глянцево-розовому, лицу, в ней смешались европейская, азиатская и негритянская кровь. Это было живое воплощение мечты шолоховского Макара Нагульного, который говорил, что после мировой революции «не будет ни белых, ни чёрных, а будут все приятно-смуглявенькие». Игорь покосился на красивые, с коричневатым оттенком колени и лишь наполовину прикрытые юбкой бёдра. Впрочем, всё это мало волновало измотанного за рабочий день Игоря. А вот последующий разговор заставил его покрыться испариной. Говорила эта особа по-русски без всякого акцента, только как-то монотонно и слишком уж правильно строила фразы.

- Игорь Васильевич, нас очень заинтересовала ваша недавняя статья о принципах многоцелевой радиолокации. Мы знаем, что вы один из разработчиков нового радара для слежения за разделяющимися боеголовками.

Она внимательно посмотрела на Игоря сквозь темные очки и продолжила:

- Нам нужна информация об этом радаре: схема, конструкция, тактико-технические данные. Всё это будет хорошо оплачено. Ваш гонорар составит десять ваших годовых окладов.

Игорь был ошеломлён. Видеть шпионов, да ещё в таком обворожительном виде, ему не приходилось. Про такие шпионские страсти он только читал, да подростком смотрел в кино. Вот как они теперь работают: зацепились за его статью в академическом журнале. Там же указан и адрес его электронной почты. Он долго добивался разрешения на публикацию этой статьи в открытой печати. Противился начальник режимного отдела, никак не мог взять в толк, что в статье только чистая теория. Согласился только тогда, когда

Игорь принёс американский журнал со статьёй по той же тематике.

Что же ответить этой самоуверенной бабёнке? Что он дал подписку не разглашать эти сведения, поскольку они являются государственной тайной? И что никакие гонорары не заставят его нарушить это обещание? Он ответил проще:

- Вы обратились не по адресу. Я ничего об этом не знаю.

- Игорь Васильевич, мы хорошо осведомлены о вашей работе. И ещё о многом в вашей жизни.

Помолчав, она добавила:

- Здесь неудобно разговаривать. Пригласите меня в гости на чашку чая. Я уверена, что мы поймём друг друга.

Её и без того высокая грудь вздымалась, показывая волнение.

- Дома меня ждёт жена, – сказал Игорь, делая акцент на слове жена, будто обороняясь им от соблазна.

- Да? – она смотрела на него с легкой улыбкой, как на завравшегося мальчишку.

- Прошу вас выйти из машины, – сказал он довольно грубо.

Она пожала плечами и на прощание сказала:

- О нашем разговоре прошу никому не говорить. Это в ваших интересах. А если всё-таки согласитесь с моим предложением, то отправьте на известный вам электронный адрес повторно аннотацию вашего проекта. И я вас найду.

Он видел, как она села в шикарный автомобиль и укатила. Посидел ещё минут пять, успокаиваясь, и поехал домой.

Дома, уже лёжа в кровати, он в который раз перебирал в уме минувший разговор. Согласно инструкции, он завтра с утра должен сидеть в отделе режима и писать объяснительную записку о происшедшей встрече. Но делать это ему не хотелось – то ли действовали чары обворожительной шпионки, то ли неприязнь к ЧК – НКВД – КГБ, сложившаяся в молодые годы благодаря чтению Домбровского, Шаламова, Солженицына.

«Интересно, почему они пристали именно ко мне, руководителю среднего звена, – думал он. – Ведь есть начальники повыше рангом, знающие больше меня. И, вообще, зачем они сунулись в наш провинциальный институт, ведь в Москве есть головное предприятие, которое курирует все работы по этой тематике. Может быть, они экономят деньги, ведь в провинции можно всё купить дешевле. Или в Москве они успели засветиться».

Наконец, выпив двойную дозу корвалола, он заснул.

Следующий день прошёл в привычной суете. Радовало то, что представитель заказчика подписал акт полигонных испытаний. Это означало, что серьёзных изменений в документации больше ни будет. Остаётся бумажная канитель, которую вполне можно завершить к концу недели и спокойно уйти в отпуск.

Вечером он сидел у себя дома и набрасывал текст документа, который завтра предстояло оформить. Раздался звонок в дверь. Открыв её, он увидел черноволосую женщину в длинном чёрном платье. Пристально глядя на Игоря, она сказала:

- Мне нужен Борис Чагодаев.

- Вы ошиблись, здесь такого нет, – отвечал Игорь.

- А здесь? – она показала на соседнюю дверь.

- И здесь тоже нет, вообще на нашей площадке такого нет. Насчёт других этажей не знаю.

Он закрыл дверь и облегчённо вздохнул. А то ведь сначала подумалось: не очередная ли шпионка. Вид у неё какой-то странный. Он даже подошёл к окну, чтобы взглянуть на неё, когда она будет выходить из подъезда. Но никого не увидел.

Позже он пошёл выносить мусор и с удивлением увидел, что на полу у дверей насыпаны мелкие бумажки. «Странно, – подумал он. – Кто это так мусорит?». Он взял веник, совок и подмёл, заметив при этом, что на бумажных клочках видны обрывки написанных слов. Раздумывать об этом было некогда, он снова сел за работу и в тот вечер улёгся спать пораньше.

Проснулся он среди ночи от сильной головной боли, какой у него никогда не бывало. К своим пятидесяти годам особым здоровьем он похвалиться не мог, но головными болями или гипертонией никогда не страдал. А тут голову словно сдавило стальным обручем. Он встал, шатаясь, побрёл на кухню и долго рылся в коробке с лекарствами, вспоминая, что принимала жена «от головы». Приняв таблетку баралгина, он снова лёг, ожидая улучшения. Перед глазами возникла женщина в чёрном, пронизывающий взгляд её чёрных, как угли, глаз. Не она ли его околдовала? И ещё вспомнилась фамилия, которую она называла – Чагодаев. Что-то знакомое.

И тут он вспомнил: Боря Чагодаев – это же его однокашник, который погиб, когда они работали в стройотряде после третьего курса. Они меняли провода на линии электропередачи, и в тот роковой день на опору должен был забираться Игорь, но он накануне поранил руку. Вместо него полез Боря, а кто-то на подстанции по ошибке включил ток, и Борю убило наповал. А теперь некая особа ходит, ищет Борю, но приходит почему-то к нему, Игорю. Мистика какая-то.

Голове не становилось лучше, а наоборот, боль распространялась на шею. Кроме того, стала немать левая нога. Игорь испугался не на шутку. Он вспомнил, как лет десять назад у него прихватило печень, и он посещал дневной стационар в своей поликлинике. Утром приходил, вручал медсестре ампулы с лекарством и лежал под капельницей рядом с такими же, как он, горемыками. Потом получал свою порцию уколов в мягкое место и возвращался домой долёживать. Медсестра, располневшая брюнетка лет сорока, была очень разговорчивой. В первый же день увидев на груди у Игоря крестик, она принялась ругать священников, причём делала это долго и настырно. Говорила она, что священники ездят на дорогих иномарках, что среди них много бывших осведомителей КГБ, что церковь торгует водкой. В общем, повторяла те байки, что придумали журналисты и телевизионные шоумены, которые видели в Церкви своего врага,

способного отвлечь людей от греховных зрелищ на телеэкранах. Произносила она свой монолог как-то уж слишком страстно, стоя посреди палаты и энергично жестикулируя.

Игорь незадолго до этого крестился в православную веру, и слушать всё это было для него тяжело, а спорщик из него, больного, был неважный. Хотя и был он новообращённым, но знал, что большинство священников со своими многодетными семьями живёт очень скромно; что из всех социальных слоёв священнослужители больше всего пострадали от большевистских репрессий; что КГБ внедряло своих людей под видом церковных старост, чтобы те доносили на священников и прихожан. А торговля водкой – это выдумка журналиста, увидевшего на водочной этикетке изображение храма.

Пролечившись так пять дней, он не почувствовал никакой перемены к лучшему. Пришлось лечь в обычную больницу. Там после первой же капельницы с тем же лекарством, взятым из той же коробки, ему сразу стало лучше. Во всем этом тоже была какая-то мистика.

Вспомнив эту историю, Игорь стал читать Иисусову молитву и, в конце концов, уснул. Проснулся он в 6 часов, на час раньше обычного. С ногой, слава Богу, было всё нормально. Боль в голове не прошла, но, по крайней мере, хуже не стало. Он встал, заварил крепкого чая, и медленно пил, чувствуя, как в голове понемногу проясняется.

В 7 часов зазвонил сотовый телефон. Звонила Татьяна, жена, будто что-то почувствовала. Сказала, что решила вместо утренней зарядки прогуляться на холм. Их деревня находилась в низине, и поэтому была вне зоны действия сотовой связи. Желаящим позвонить приходилось подниматься на холм. Игорь поведал о явлении чёрной женщины и о своих ночных мытарствах.

- Слушай, Игорь, – встревожено зачастила Татьяна в трубку, – от нечистой силы молятся мученикам Киприану и Иустинии. Там у меня на полочке найдёшь молитву, она распечатана на отдельном листе. И читай немедленно.

После обычного утреннего правила он стал читать молитву для защиты от нечистой силы. Особенно утешили его слова: «Кто думал и делал – возьми их зло обратно в преисподнюю».

На работе он сначала с трудом перемогался, но, втянувшись в неотложные дела, обнаружил, что боль почти исчезла. А на другой день утром его снова ждал сюрприз. Он ехал на работу, хорошо выспавшись, и чувствуя себя вполне здоровым. Когда он стоял перед светофором, бок о бок с его автомобилем остановился высокий джип. Игорь повернул голову и вдруг увидел на заднем сидении джипа ... свою жену. Стёкла были слегка затемнены, но он отчётливо видел знакомый профиль, знакомую причёску. Даже её кофта с треугольными узорами была хорошо видна. Джип сорвался с места и исчез, а Игорь сидел ошалевший, не слыша раздававшихся сзади гудков. Лишь когда он заметил, что машины его объезжают, а водители бросают на него сердитые взгляды, взял себя в руки и поехал.

Зайдя в свою лабораторию, он прежде всего позвонил Татьяне, но услышал: «Абонент не доступен». Стал звонить в деревню старушке-соседке на домашний телефон, но никто не брал трубку. Всё валилось у него из рук. «Совпадение какое-то, или просто померещилось», – успокаивал он себя. Вернувшись с работы домой, заглянул в шкаф Татьяны в надежде увидеть кофту с треугольниками, но кофты не было. Сел за стол и попытался отвлечься работой. В десятом часу, наконец-то, позвонила Татьяна.

- Ты где сейчас? – чуть не крикнул он в трубку.

- На холме, конечно. Наблюдаю закат солнца. Сегодня, кстати, самый длинный день в году.

- А ты сегодня не была в городе?

- В каком ещё городе, Игорь? Что ты такое говоришь?

- Шучу. А ты там не мёрзнешь?

- Нет, у нас жара.

Игорь верил жене, она, вообще, была не способна лгать. И все-таки он схитрил.

- Я слышал, скоро будет похолодание. Тебе взять теплые вещи?

- Не надо, у меня все есть.

- А кофту, ну ту, нарядную, с треугольниками ты тоже взяла?

- Нет, она дома.

- А я её в шкафу не видел.

- Какой-то ты Игорь странный. Переработал, что ли. Давай-ка приезжай поскорее ... А кофта в большом чемодане лежит.

Закончив разговор, он нашел чемодан, открыл его и увидел кофту. «Опять какая-то мистика», – подумал он, но вздохнул с облегчением.

Зазвонил домашний телефон. Игорь услышал уже знакомый ему монотонный женский голос.

- Игорь Васильевич, поздравляю вас. Ваш проект одобрен. Вы можете зайти к нам в офис, оформить договор и получить свой гонорар. И я надеюсь, вы всё-таки примете моё предложение.

При последних словах в голосе появились металлические нотки.

- Оставьте, наконец, меня в покое! – крикнул он и бросил трубку. – Нет, надо всё-таки сообщить куда следует, иначе не отстанут, – думал он, взволнованно расхаживая по комнате.

На другой день он зашел в кабинет к начальнику отдела режима и кратко, без подробностей, рассказал, как после работы его подкараулила неизвестная особа и просила передать ей сведения о новом изделии. Старый чекист крякнул от волнения и положил перед Игорем проштампованные листы бумаги.

- Вы должны написать служебную записку и подробно всё это изложить.

- Ничего я писать не буду! – запальчиво отвечал Игорь. – У меня на работе аврал, а я здесь буду изложение писать! Это ваша забота следить, чтобы вокруг института не шаста-

ли шпионы. Они же пасут нас, как гусей. Зовите сюда того, кто отвечает за это дело, я ему всё подробно расскажу.

Игорь увидел устремлённые на него злые глаза. Да, раньше этот деятель мог запросто стереть его в порошок. Ничего, времена теперь другие.

В конце рабочего дня Игоря вызвали в отдел режима. В кабинете начальника сидел высокий моложавый мужчина в аккуратном сером костюме с галстуком. Он представился Валерием Петровичем и крепко пожал Игорю руку, внимательно вглядываясь ему в лицо. Хозяин кабинета оставил их одних, и Игорь чистосердечно поведал о своих контактах с Центром новых идей, начиная с переписки по электронной почте. О мистических историях, которые с ним произошли, он умолчал, решив, что они будут восприняты, как игра больного воображения.

Валерий Петрович молча выслушал его, потом попросил подробнее описать внешность дамы, интересующейся радарми. Наконец, он выключил лежащий на столе диктофон, и сказал:

- Этот Центр давно у нас на примете. Источник финансирования пока не ясен, но, скорее всего, это ЦРУ. Прямых доказательств их разведывательной деятельности у нас до сих пор не было. Так что спасибо вам, вы поступили как честный человек.

- Я, по правде сказать, не думал, что у современных шпионов такие примитивные методы: приставать к работникам почти у самой проходной, – сказал Игорь.

- Ну конечно, основной сбор информации у них идёт по другим каналам. А на прямой контакт с работниками они идут, когда уверены в успехе, например, при возможности шантажа или, когда видят, что человек сильно нуждается в деньгах. Но с вами у них вышла осечка.

Валерий Петрович изучающе посмотрел на Игоря и продолжал:

- А эту смуглую красотку я, кажется, лично знаю. Встречался с ней в Чечне. Она там орудовала по линии междуна-

родной гуманитарной помощи, опекала комитет солдатских матерей. Ну, помните, эти мамы шли за своими сынками, сопли им утирали, не давали воевать. Так вот, эта дама – особа очень одарённая, владеет гипнозом и другими средствами психологической обработки.

- Да, этим они владеют, – задумчиво сказал Игорь, произвольно потирая виски. А про себя подумал: «Но молитва всё-таки сильнее».

Валерий Петрович тоже задумался. Лицо его изменилось на глазах. Игорь увидел перед собой немолодого, усталого, озабоченного человека. Неожиданно он заговорил медленно, с доверительной интонацией:

- А вообще, утечка идёт постоянно, и перекрыть её мы не в силах. НАТО приближается к нашим границам, и всё наше стратегическое вооружение у них под контролем. Наши шахты с пусковыми установками мы уничтожили с их помощью. Подводных лодок стратегических у нас – раз, два и обчёлся. Мобильные комплексы типа «Тополь» они отслеживают со спутников. Был у нас замечательный вид вооружения – пусковые установки, замаскированные под вагоны. Прицепляют такой вагон к любому железнодорожному составу, и ездит он себе вместе с боевым расчётом. С виду обычный товарный вагон, а по команде за 10 минут межконтинентальная ракета принимает вертикальное положение и готова к пуску. Колесили такие вагоны по всей стране, и координаты их не знали даже на центральном командном пункте. Американцам эти неуловимые ракеты не давали покоя, и они уговорили Ельцина их уничтожить. Что он и сделал. А что касается наших средств противоракетной обороны ... Ну, об этом вы знаете лучше меня. И как только что-то новое у нас появится, они тут как тут. Как мухи на варенье.

Мировоззрение «бойца невидимого фронта» заинтересовало Игоря.

- А как по-вашему, Валерий Петрович, почему холодная война продолжается, ведь с уходом коммунистов разница в идеологиях между Россией и Западом исчезла? А противостояние остаётся.

- Идеология тут не причём. Между государствами всегда имеется геополитическое соперничество: стремление к территориям, к ресурсам, к рынкам сбыта. Поэтому и опасность войн будет всегда. А чтобы жить мирно, надо иметь хорошую армию. У сербов и иракцев были старые зенитные орудия, поэтому американские летчики бомбили Белград и Багдад с высоты 20 км, находясь в полной безопасности, будто играли в компьютерные игры. Если бы у России не было современных средств обороны, то прилетели бы и к нам под благовидным предлогом, например, опасаясь за состояние наших ядерных арсеналов или просто учить нас демократии. Еще бы, ведь у нас томят в тюрьме Ходорковского, а это пахнет антисемитизмом. И запрещают гей-парады – ой как не демократично!

Валерий Петрович достал из кармана пачку сигарет, искал глазами пепельницу и, не найдя её, сунул пачку назад.

- А идеология – это лишь средство борьбы. С помощью антисоветской пропаганды сформировали у нас колонну диссидентов, наиболее влиятельных взяли на зарплату и разрушили великую державу. Устранили конкурента на мировой арене. Сейчас Россия по территории стала такой же, как Московское царство времен Ивана Грозного. Ее годовой бюджет меньше, чем военный бюджет США. Экономика держится за счет продажи нефти и газа, причем большая часть от проданных ресурсов идет в карман олигархов. Население вымирает. Что будет дальше с Россией, один Бог знает.

Игорь решил процитировать классика:

- Розанов на это счёт говорил, что легко любить Россию сильную, богатую, а ты попробуй любить ее, когда она лежит униженная, нищая, обглоданная жадными проходимцами.

Они помолчали. Игорь понимал, что быть до конца откровенным его собеседник не мог, и, всё-таки, он чувствовал в нём близкого по духу человека.

- В общем, с понедельника мы за этот Центр возьмёмся, – сказал Валерий Петрович. – Только вот что: когда мы это

гнездо начнём ворошить, возможны всякие эксцессы ... Короче, вам бы Игорь Васильевич, на всякий случай, лучше на время уехать из города. Хотите, я поговорю с вашим начальником, чтобы вас отправили в командировку на недельку.

Игорю показалось, что специалист по разгрому шпионских гнёзд смотрит на него сочувственно.

- Нет, не надо. Я и так завтра ухожу в отпуск и уезжаю. А что, они такие мстительные?

- Нет, просто вы для них опасны как свидетель.

На прощание Валерий Петрович крепко пожал ему руку.

- Ещё раз огромное вам спасибо. Таких людей, как вы, к сожалению, не много. Но на таких и держится наша страна...

Игорь пришел домой в дурном настроении.

- Вот ведь влип в историю, – думал он, собирая вещи в дорогу. – Выходит, меня теперь могут ликвидировать как опасного свидетеля. Нет, все-таки зря я связался с ФСБ. Защитить меня они не могут. Уезжай, говорят, подальше. Не беспокойтесь, уеду в такую глухомань, что ни ЦРУ, ни ФСБ меня не достанет.

* * *

В субботу утром он выбрался из шумного загазованного города и мчался на своей «десятке», наслаждаясь солнечной погодой и хорошей дорогой. Обо всём происшедшем в минувшую неделю он старался не вспоминать, но отделаться от мрачных мыслей не мог. «А вдруг они и сейчас следят за мной? Не хватает ещё привезти их в деревню». Он снизил скорость, но в зеркало заднего вида не увидел, чтоб какая-нибудь машина плелась за ним. Вдруг его кольнула мысль: «А жучки? Что им стоило прилепить к моей машине «жучок-навигатор» и отслеживать моё перемещение. Не зря шпионка на прощание мне сказала: я вас всегда найду».

Он остановился у придорожного кафе и занялся осмотром машины. Подстелил на землю старую куртку и, заглядывая под днище, перемещался по периметру. – «А эфэсбэшник-то каков! – бормотал он. – Мог бы и подсказать про «жучок»,

да и найти его для них – раз плюнуть, с их-то аппаратурой. А теперь вот ползай тут, как червяк». Ничего не обнаружив, он выпил из термоса крепкого чая и хотел было уже продолжать свой путь, но какому-то наитию подошёл к переднему бамперу и, заглянув в щель между номерным знаком и бампером, увидел чёрную пластинку с усиками. «Вот он, родимый!» – обрадовался Игорь и, орудуя отвёрткой, достал «жучок». Сильно замахнувшись, он бросил его в кусты. – «Теперь ищите меня там», – со злорадством подумал он.

Ещё час пути по хорошему шоссе, и вот она – автобусная остановка и знакомый поворот. Теперь два километра по грунтовке и Игорь въезжает в родную деревню. Вообще-то, родная она для Татьяны, но и для него, Игоря, выросшего в офицерской семье, не имеющей корней, как не имеет их перекасти-поле, эта деревня тоже стала малой родиной.

Они поженились ещё студентами, и тогда Татьяна впервые привезла его сюда познакомить с матерью. Он увидел новый, неизвестный ему мир, мир людей, живущих в естественном природном окружении. Потом были путешествия по необъятной стране, позже – поездки по святым местам. Всё это сильно повлияло на мировоззрение Игоря. Постепенно исчезала та диссидентская шелуха, которой была забита его голова благодаря различным радиоголосам и чтению самиздатовской и тамиздатовской литературы. Образ России – злой мачехи заменился образом Родины, которую создавали его предки, и в которой предстояло жить его детям и внукам. Он приветствовал уход коммунистов с их лживой идеологией, ожидая, что вместо колхозов на селе появятся, как встарь, вольные хлебопашцы с крепкими хозяйствами. В этом он видел залог преобразования России, ведь крестьяне, любящие свою землю, всегда составляли становой хребет огромной страны. Их руками создавалась страна, они защищали её от нашествий врагов, они давали ей творчески одарённых людей. Как-то Игорь, читая биографии выдающихся российских учёных, обнаружил, что почти все они вышли из крестьян.

Однако никакого возрождения села не произошло.

Игорь ехал по длинной деревенской улице. Эта деревня была когда-то центром крупного колхоза. Теперь об этом напоминают развалившиеся фермы, остатки мастерских и гаражей, покосившаяся водонапорная башня. Поля вокруг, где когда-то колыхалось изумрудное море льна, теперь зарастают бурьяном и кустарником. Земля оказалась никому не нужна.

Вообще-то, деревней в традиционном смысле это большое, в сто дворов, поселение теперь не назовёшь. Жители, как дачники, возделывают лишь небольшие огороды, почти никто не держит домашней скотины. Бывшие крестьяне ныне промышляют вырубкой леса, сбором ягод и грибов. Наиболее предприимчивые делают срубы и везут на продажу в Подмоскovie. Вырученных денег да пенсий кое-как хватает на продукты, которых, на счастье, в местном магазине хватает. Теперь деревенские едят то же, что горожане: колбасы, изготовленные из замороженных туш, привезенных из Германии, пьют молоко, сделанное из порошка, доставленного из Голландии. Своё сельское хозяйство у нас развалено, продукты закупают за счёт продажи природных ресурсов. Надолго ли их хватит?

А вот и его дом – высокий пятистенок, срубленный когда-то отцом Татьяны. Вот и сама Татьяна идёт навстречу, открывает ворота. Игорь вышел из машины и обнял жену. Как её не доставало там, в городе, в эту кошмарную неделю, когда на него обрушилось столько напастей, когда пришлось принимать решения и не с кем было посоветоваться.

- А я баню истопила, – сказала она, сияя счастливыми глазами. – Такой дух берёзовый стоит...

Весь день до вечера он пребывал в каком-то блаженном состоянии. Наверное, так чувствует себя солдат, вернувшийся с передовой в родной дом. Вечером они с Татьяной сидели на скамейке у дома, любовались багровыми красками заката, залившими полнеба, и слушали неумолкающую кукушку. Подошла кошка, рыжая с белой грудкой, и стала тереться о ноги Татьяны.

- Тамары Синициной кошка. Прибилась к нам, совсем на жительство перешла, – говорила Татьяна, поглаживая мурлыкающе создание. – Ну, я ее кормлю немного. Не знаю, может быть, Тамара недовольна.

- Муська, Муська, – раздалось вдали. К ним шла хозяйка кошки. Их дома граничили огородами, разделяющая изгородь сгнила и упала. Старушка шла кратчайшим путем по бурьяну, опираясь на палку. Присела рядом на скамейку, тяжело дыша. Кошка отошла и села на крыльце в позе сфинкса, неподвижно глядя в даль.

- Обиделась на меня и из дому ушла, – сказала Тамара. – Я ее котят порушила. Каждый год приносит по два раза.

Поговорили о том, как тяжело зимовать одной, о районной больнице, о дочерях, которые, вроде бы, зовут ее к себе в Питер, но жить там, в тесноте, с шумными внуками-подростками, она не хочет.

- Я, Таня, вот о чем тебя просить хочу. Я в палатке-то приезжей кофту хорошую себе присмотрела, уж на смерть себе собираю. Назад-то еле приплелась. Второй раз не пойду. Сходи, милая, завтра купи. Вот тебе деньги.

- Ладно, тетя Тамара, куплю. Завтра-то когда начнут торговать?

- Обещал в десять открыться. Теперь там новый продавец, молодой такой, уважительный... Ну, пойду я.

- Муську-то забирайте.

- Даром. Пускай живет, где хочет.

Татьяна сказала Игорю:

- Станный какой-то этот новый торговец. По виду простой русский парень, а смотрит как-то хитро. Приехал два дня назад со своей палаткой, здесь в деревне и остановился.

- Это известно, бизнес портит человека – отвечал Игорь.

Мимо по дороге шли три мужика и несли четвёртого, держа его за руки, за ноги и почему-то животом вниз. При каждом шаге свисающий живот чиркал о дорожный песок. Картина была привычная: Лёшку, соседа, собутыльники несли домой. Навстречу молчаливой процессии вышла

Лёшкина жена, и, привычно причитая, помогла занести его в дом.

Деревня погибала от винопития. Каждый год несколько мужиков вполне работоспособного возраста уходило в мир иной. Игорь взглянул на забор и вспомнил Павла, которого он когда-то нанимал вкопать столбы-опоры. Бедняга умер в прошлом году у крыльца магазина, упившись какой-то дрянью.

Игорь перевёл взгляд на баню и в памяти возник образ её строителя, весёлого Васи. При постройке бани Игорь выполнял роль его помощника и поражался, глядя как ловко орудует брёвнами этот парень и как со своим незаконченным средним образованием правильно использует законы механики. Вася повесился во время жестокого запоя после того, как жена, забрав детей, сбежала от него к родителям.

А Коля-электрик, который менял в его доме электропроводку! Душевный парень, ветеран Афганской войны. Умер от рака пищевода, после того, как целый год пил денатурат.

- Как там поживает Юра? – спросил Игорь Татьяну.

Юра был художник-самоучка, творческая натура. На зиму уезжал в город и нанимался работать в котельную, а лето проводил дома, отрываясь от мольберта только для того, чтобы набрать в лесу ягод и продать на шоссе. Ранние акварели, которые он показывал, были хороши, но что-то мешало развиваться таланту.

- Вчера приходил, показывал свою новую картину. Маслом писана. Река, церковь с куполами. Лубок. Свёл по клеточкам с открытки. Я говорю: «Ты бы хоть трезвый пришёл», а он мне: «Мы пьём, потому что русские, а вы не пьёте – значит не русские».

- Ну, а ты что сказала?

- Ничего. Промолчала.

- Надо было сказать: «Мы-то русские, православные и знаем, что пьяницы Царствия Божьего не наследуют. Потому и не пьём».

- Да, можно было и так ... Только в этом какое-то фарисейство.

- Верно, – подумал Игорь. В своем, уже не молодом, возрасте Игорь терпеть не мог пьяниц, но умом понимал, что избавиться от пагубной страсти очень не просто. Когда-то, в молодости, он сам катился в эту пропасть, а выбрался из нее только благодаря болезни. Тогда крепко прихватила его костлявая за горло так, что пришлось выбирать: алкоголь или жизнь. Вот уж, воистину, болезнь посылается во благо.

Церкви в деревне не было. Ближайший храм находился в райцентре, в двадцати километрах. Обычно они с Татьяной и детьми ездили туда по воскресеньям и праздникам и, выезжая утром из деревни, всегда видели одну и ту же картину: измученный похмельем народ собирался у крыльца магазина.

Этим летом появилась надежда на лучшее. В двух километрах от деревни когда-то находилось большое село. Теперь единственное, что от него осталось – полуразрушенный, некогда величественный, храм. Прошлым летом они расчищали его от завалов мусора. В этом деле согласились участвовать лишь несколько деревенских старушек, правда, они привели с собой внуков, благодаря которым и удалось сделать самую тяжёлую работу. А весной Татьяна, получив благословение в епархии, нашла спонсоров и организовала ремонт в одном из приделов. Работала бригада из четырёх человек, все прихожане храма, открытого недавно в райцентре. Починили крышу, воздвигли на ней крест, настлали пол, вставили окна, сделали временный алтарь. Завтра ожидался приезд владыки с клиром освящать придел во имя Покрова Пресвятой Богородицы и служить первую литургию.

* * *

Ранним утром Игорь с Татьяной пошли в храм. Туда можно было добраться на машине, для этого надо было выехать на шоссе, а оттуда по грунтовке, проезжей в это время года, доехать почти до самого храма. Но они решили пойти напрямик дорожкой, протоптанной ягодниками.

По пути Татьяна рассказывала:

- Сегодня мне опять бабушка Варвара снилась. Озабоченная такая. И тогда так же приснилась, когда к тебе колдунья явилась. Я потому и побежала с утра тебе звонить. Сегодня надо обязательно за неё записку подать в церкви... Тревожно мне как-то.

Татьяна отличалась особой чувствительностью, что позволяло ей предвидеть опасности. Вот и сейчас она ощущала тревогу, хотя Игорь ничего не говорил ей о том, что сказал эфэсбэшник в конце разговора. Татьяне, вообще, было открыто многое, что было недоступно Игорю. Общаюсь с человеком, она как-то распознавала, способен ли он к духовной жизни или его душа не восприимчива к чему-либо, кроме плотского. Последних она жалела. Милосердие было отличительной чертой её характера. Она жалела пьяниц в деревне и их несчастных жён; детей, брошенных горевшими родителями; старушек, оставленных своими детьми одиноко доживать свой век в домах-развалах. Она принимала близко к сердцу не только те беды, что видела вокруг, но и те, что случались где-то далеко. Игорь удивлялся, глядя, как катятся слёзы у неё из глаз, когда она слышала по радио о жертвах страшного тайфуна в Японии или о затонувшем на Волге теплоходе с детьми.

Они подошли к старому мосту, перекинутому через заболоченный ручей. Вправо тянулось большое болото, которое, можно сказать, кормило деревню: отсюда по осени деревенские носили ведрами клюкву, а эта ягода всегда пользовалась спросом.

Топь под мостом была гибельная. Лет пять назад женщина гнала по мосту телёнка, гнилые доски под ним проломались, и бедное животное быстро исчезло в трясине. Мост подлатали, но ходить по нему опасались, все предпочитали делать крюк, обходя опасное место слева. Сельсовет поручил Юре-художнику поставить у моста знак: «Проход запрещён». Тот проявил творческую фантазию: на врытом столбе можно было видеть две дощечки-указателя. На одном, показывающем на мост, был изображён весёлый бесёнок с вила-

ми, на другом, повернутом влево – ангел с цветком в руках.

Обойдя топь и пройдя через кустарник, они вышли на поле: отсюда дорога шла в гору, где стоял храм. Небольшой, деревянный, со сверкающими на солнце крестами, он, казалось, царил над местностью, одухотворяя лежащие вокруг поля и леса.

* * *

Шла вторая неделя отпуска. Прошли грозы, жара сменилась теплой пасмурной погодой. На Игоря навалились хозяйственные дела: большой дом и огород требовали постоянных хлопот. А в лесу созрела черника, начинались грибы, что тоже нельзя было пропустить. Все эти дела казались важнейшими. Городская жизнь отодвинулась в прошлое, а шпионские страсти, казалось, привиделись в дурном сне.

Перед обедом, когда Игорь чинил забор, он увидел быстро шагающего к нему Михаила. Это был один из тех немногих в деревне мужиков, кто, хотя и пил, но пока оставался работоспособным. Он приходился двоюродным племянником Татьяниной матери и всегда вспоминал о ней с большим почтением. Работал он водителем грузовика на пилораме, которую в прошлом году открыл единственный в деревне предприимчивый мужик.

- Слушай, Игорь, – Михаил запыхался от быстрой ходьбы. – Там к магазину двое подъехали на джипе, тебя спрашивают.

У Игоря похолодело внутри.

– Какие из себя?

– Ну, молодые на вид. Один здоровый бугай, другой поменьше. Оба в черных очках и в пиджаках. Я, значит, в кабине кимарю, слышу: музыка дурная бухает, подъехал кто-

то. Потом слышу, по блатному ботают. Я поднимаюсь, они меня спрашивают, где, мол, у вас живёт Игорь Весельцов с женой, дачники. У нас, говорят, дело к нему важное. А я думаю, какое может быть дело. Вы с Таней люди учёные, а они – блатари в натуре. Я ж таких хорошо знаю. Я и говорю: «Не знаю такого». Ну, они в магазин зашли, там им, конечно, всё расскажут.

– Так что, значит, они сейчас будут здесь? – Игорь не узнал своего голоса.

– Не, не сейчас. Я машину-то свою немного назад сдал, и джип ихний теперь запертый стоит. Во, слышишь, гудят!

Игорь услышал звуки автомобильного гудка. – Спасибо, Миша, – сказал он и рванулся к дому. Татьяна на веранде резала салат к обеду.

– Таня, бросай всё. Выходим из дома. Срочно.

Нож вывалился у неё из рук.

– Что случилось? – Она взглянула на Игоря и больше ни о чём спрашивать не стала.

Схватив документы, деньги и навесив на дверь замок, они быстро зашагали к лесу. Их дом стоял на краю деревни. До леса было всего 15 минут ходьбы. «Если на машине к шоссе рвануть, их никак не миновать, – рассудил Игорь. – В лесу укрыться вернее будет».

Ноги сами несли их знакомой тропинкой. Подошли к мосту и, обогнув его, оказались на опушке густого леса. Татьяна задыхалась.

– Я так быстро идти не могу. Давай постоим немного. Слушай, Игорь, как хочешь, надо идти в храм. Вот, у меня и ключи есть.

Она открыла сумочку.

– Ой, сотовый забыла. На зарядку поставила, так и остался.

Игорь похлопал по карманам.

– Ну и дела! Я ведь тоже сотовый забыл.

Он был в отчаянии. С возвышения можно было позвонить Валерию Петровичу, вызвать помощь. Тот на прощание

вручил свой номер, а Игорь занёс его в память телефона. А теперь и милицию не вызвать. «Надо успокоиться, взять себя в руки, – внушал он себе. – Погони пока не видно. Но, в конце концов, они возьмут верный след. Это народ упорный, деньги им платят не малые. Спросят наших соседей, куда мы пошли, а кто-нибудь видел или догадается. Соседи – люди простые, сердечные, подробно объяснят, где нас искать». И всё-таки он пошёл в храм вслед за Татьяной.

* * *

Они не знали, что два здоровых парня без труда догнали бы их еще на подходе к мосту, если бы не одно происшествие. Запертый джип задержал их не надолго. Узнав у продавщицы, где живут Весельцовы, и посигналив пять минут, облегчаясь в паузах между гудками цветистой руганью в адрес водителя грузовика, они решили дальше двинуться пешком. В это время на крыльце появился Костя с бутылкой пива в руках. После сильной вчерашней пьянки он хорошенько залил пива на старые дрожжи и теперь решил к вечеру окончательно завязывать. А тут Люба, продавщица, обозвала его алкашом и выставила из магазина. Раздраженный такой бесцеремонностью, он обрушился на приезжих:

- Чего разгуделись тут, как у себя на проспекте Засранцев. Здесь народ привык тишину слушать.

Костя когда-то учился в институте, но был отчислен, после чего какое-то время работал в городе охранником. Потом вернулся в родной дом и с тех пор жил случайными заработками, а, в основном, за счёт пенсий родителей. В деревне его прозвали «философ» за его постоянную готовность рассуждать на любую тему. Стоя на крыльце, взлохмаченный, порывистый, он и сейчас собирался сказать речь о достоинствах тихой деревенской жизни. Его бы не смутило и то, что слушателями были лишь два рассерженных блатных пацана, да две черные собаки, которые внимательно смотрели на него, высунув языки и склонив головы на бок. Однако его прервал здоровенный накачанный пацан:

- Ты, алкаш, заткни хлебало, а то мы щас тебе мурло начистим. И тебе и водиле этому долбанному.

Костя был разъярен тем, что его вторично назвали алкашом. По пьяному делу он не оценил соотношение сил и, подскочив к качку, закричал:

- Ах ты, сука залетная, давай кати отсюда, пока пузо вилами не пропороли.

Качок схватил его за ворот рубашки и слегка толкнул так, что Костя непроизвольно сделал сложное движение, называемое в гимнастике «переворот назад через голову». На удивление, цела осталась и его голова, и даже бутылка пива в руках. А вот ярость его удвоилась. Так грубо с ним обращались только менты, но им по должности положено, а тут какие-то желторотые тупицы глумятся над образованным человеком. Он вскочил, молча догнал качка и саданул его стеклянной бутылкой по бритому затылку. В ответ Костя тут же получил ощутимый удар ногой по скуле, от которого на некоторое время отключился и лежал в придорожной траве, раскинув руки и медленно трезвея в тяжелом сне. Пацанам пришлось вернуться к джипу, чтобы смазать йодом ссадину на затылке.

* * *

В храме было прохладно, пахло краской, свежеструганной древесиной. Послышалось хлопанье крыльев: под сводом летала птица.

- Голубь, – сказал Игорь.

- Это горлица, – поправила Татьяна. – Видишь, оперение черно-белое и шейка длинная. Редкая птица в наших краях.

Татьяна опустила на колени перед иконой Богородицы и молча молилась. Потом достала из сумочки молитвенник и стала читать шепотом.

Вера у Татьяны была крепкой, искренней, шла от сердца. У Игоря вера была, скорее, рассудочной. Но в такую минуту, когда их жизни висели на волоске, он не рассуждал, а, подойдя к иконе Спасителя, стал молиться: «Господи, помилуй»

нас грешных». Ещё откуда-то вспомнилось: «Господи, прости мне грехи юности моей и неведения моего». Так прошло около часа.

Вдруг раздался стук в дверь. Оба вздрогнули, переглянулись. Игорь тихо подошел к двери и затаил дыхание. Дверь была новая, изнутри запора пока не было. Они просто заложили в створки толстый брусок.

Стук повторился. Игорь стоял в молчании. Татьяна молилась у иконы. Из-за дверей раздалось:

- Не бойтесь, Игорь Васильевич. Вам привет от Валерия Петровича. Вам больше ничего не угрожает. Этих отморозков больше нет.

Игорь посмотрел сквозь щель и увидел незнакомого мужчину. На цыпочках подошла Татьяна, тоже взглянула в щель и прошептала Игорю на ухо: «Это хозяин палатки».

В голове у Игоря стало что-то проясняться. Он вынул брусок и открыл дверь. Невысокого роста крепыш в камуфляжной форме вошёл в притвор.

- Не бойтесь, – повторил он. – Можете спокойно возвращаться в дом. Я по приказу Валерия Петровича отвечаю за

вашу безопасность. Меня зовут Сергей. Он улыбнулся такой располагающей улыбкой, что не поверить ему было невозможно.

По дороге к дому Сергей рассказывал:

- По этому делу задержали пятерых. Из них троих просто выдворяют из России, а двоих, наверное, привлекут за шпионаж.

- А как вы нас нашли? – спросил Игорь.

- Ну а где вас ещё искать, как не в церкви. Азы психологии. Я, конечно, слышал, что учёные бывают верующими, но ...

- Нет, как вы узнали, куда мы уехали из города?

- А вот это было не просто, особенно после того, как вы выбросили наш «жучок». Пришлось выяснять, где и какая недвижимость на вас зарегистрирована, точнее, на вашу супругу. Думаю, та организация, что на вас надела, нашла вас таким же образом. Нашли и наняли двух отморожков. Планировали, или запугать вас, или ... серьезнее.

- А где они, эти отморожки?

- Сейчас покажу.

Они подходили к мосту. Доски посередине были совсем проломлены.

- Вот здесь они, – Сергей показал на трясину. – А это всё, что от них осталось. – Он показал на развешанные на кусте мокрый грязный пиджак и ременную портупею с пустой кобурой. – Это на поверхности плавало, я выловил. Видно, они пытались этими вещами за мост зацепиться.

Игорь с Татьяной ошеломлённо смотрели на трясину, только что ставшую братской могилой. Поверхность слегка колыхалась, на ней время от времени появлялись пузыри, но так здесь было всегда. Казалось, что перед ними бездна, способная поглощать всё новые и новые жертвы.

- Вот глупые, зачем они пошли на мост, ведь вот же указатели. – Татьяна, как будто, пожалела заблудшие души.

- Эта глупость нас и спасла, – отвечал Игорь. – Это поколение воспитано на компьютерных монстрах и фильмах

ужасов. Христианской культуры они не знают, для них ангелы и бесы означают совсем не то, что для нас.

- Вот что, господа учёные, – вмешался Сергей. – Завтра я вызову милицию, вы поможете составить протокол, что двое неизвестных пошли в лес и не вернулись, скорее всего, утонули в болоте. И понадобится ещё один свидетель из местных жителей, кто видел, как они пошли в лес. А мне надо сейчас с их автомобилем разбираться. Номера, наверняка, липовые. И всё. Завтра я своё дежурство кончаю. Вторую профессию освоил – торговать научился.

Он хохотнул, потом развернул большой пакет и стал укладывать туда грязный пиджак и портупею. Игорю показалось, что в пиджаке, сзади, пониже воротника сверкнули две круглые дырочки. Он взглянул на Сергея, но, увидев его добродушное улыбающееся лицо, отбросил свои подозрения.

* * *

На другой день, уладив к полудню неприятные дела с милицией и расписавшись в протоколе как свидетели, Игорь и Татьяна сидели в своём доме за столом вместе с Сергеем. Они пригласили его отобедать у них перед отъездом. Игорь поднял рюмку с коньяком:

- За тех, кто помог нам избавиться от наёмных убийц. За Михаила, который задержал их у магазина и предупредил нас. С ним ещё особая встреча предстоит. За Юрия, кто нарисовал указатели так, как надо. И за Костю-философа, который, оказывается, пострадал от этих наемников. И, конечно, за вас, Сергей.

- А я что? Я, когда к трясине подбежал, они уже утонули. Только на подходе к мосту крики слышал. Матерились жутко.

- Надо будет спросить у батюшки, как можно поминать этих ... ну, погибших, – сказала Татьяна. – Имён их мы не знаем, крещёные они или нет – тоже не знаем.

За обедом Сергей разговорился.

- Вас, наверное, ангелы оберегают. Слушайте, какая история. Я вчера к двум часам торговлю свою свернул, всё равно после двух ко мне никто не ходит. Пришёл к себе, пообедал и прилёг в своей комнатке. Я вон там остановился, на верхней улице, у Марии Петуховой. Оттуда сверху ваш дом хорошо видно. И навалился на меня сон, как давно не бывало. Слышу во сне, как где-то машина сигналист, а проснуться не могу. Проснулся от того, что в окно кто-то стукнул. Лежу, думаю, может, во сне показалось. Смотрю в окно, там берёза большая, на ней птица сидит и вдруг она пикирует и бьёт клювом в стекло так, что чуть не выбила. Я вскакиваю – и к окну. Птицы нет, исчезла. Смотрю на ваш дом – от него двое неизвестных отходят, спешат к соседнему дому. Ну, я через пять минут уже был у них «на хвосте». Так вот, что интересно, подняла меня эта птица тогда, когда надо. Не раньше, не позже.

После некоторого молчания Татьяна спросила:

- А птица какая была?

- Не знаю. Крупная такая, на голубя похожа. С черно-белыми полосками.

Игорь и Татьяна переглянулись. Они были потрясены, как бывает с людьми, когда они встречаются с чудом, когда их жизни соприкасаются с горним миром. На глазах у обоих появились слёзы...

Вечером Игорь сидел у дома и смотрел, как туман заливает огромное поле так, что темнеющий за полем лес словно стоит в парном молоке. Скоро туман покроет всю деревню, и даже к утру нельзя будет увидеть соседних домов...

Здесь, вдали от больших городов, хотелось забыть, что есть жестокий мир, где нет любви и спокойствия, в котором страны соперничают друг с другом, изобретая новые виды оружия и хитроумные средства защиты от них. Не затихая, идёт эта незримая война, и даже сюда, в глубинку, добрались её бойцы. И хотелось бы верить, что всякий, приходящий сюда с дурными помыслами, будет поглощён бездонными российскими топями, и останется от него лишь краткая

запись в милицейском архиве: «Пошёл в лес и не вернулся».

И ещё, не затихая, в душе каждого человека идёт невидимая брань со страстями, которые непрестанно подсовывает нам лукавый, и от которых не скрыться ни в какой глуши. И также хотелось верить в то, что русский мужик опомнится, страхнёт с себя хмельную одурь и, помолясь, возьмётся возрождать родную землю.

2011 г.

СТРАЖА

С началом перестройки огромное число учёных и инженеров в нашей стране оказалось не у дел, не зная, куда приложить свои знания и таланты. Для многих из них развал промышленности стал настоящей трагедией и, в то же время, толчком, пробудившим их к духовной жизни. Автор, сам много лет проработавший в оборонной промышленности, описал одну из таких историй, будучи уверенным, что упомянутые сведения за давностью лет потеряли гриф секретности.

* * *

Осенью 1995 года в одной московской квартире сидели за столом в маленькой кухоньке два немолодых человека. Хозяина квартиры звали Юрий Семенович, это был пятидесятилетний мужчина, худощавый, с аккуратной бородкой и пробивающейся сквозь светлые волосы лысиной. Его гость, Дмитрий Алексеевич был ровесник хозяина, но выглядел моложе. Он был крепкого сложения, с широким добродушным лицом и густыми темно-русыми волосами.

Собеседники давно и хорошо знали друг друга. Когда-то они молодыми инженерами пришли работать в крупный НИИ, который занимался разработкой новой техники для оборонной промышленности, и много лет проработали в одном отделе. С распадом страны их институт быстро захирел, народ разбежался кто куда. Дмитрий Алексеевич ушел в биз-

нес, занялся торговлей компьютерами, а Юрий Семенович пока оставался в родном отделе, который кое-как держался, перебиваясь случайными заказами. В последнее время бизнес у Дмитрия Алексеевича трещал по всем швам от мощного натиска молодых, более удачливых конкурентов. Было ясно, что дело придется сворачивать. А вчера ему позвонил старый приятель и пригласил в гости, обещая поделиться одной очень плодотворной идеей. И вот они сидят напротив друг друга, стоящая перед ними бутылка «столичной» уже наполовину пуста, а хозяин все еще ведет неспешный, ни к чему не обязывающий разговор.

- Мы с тобой, Дима, не просто работали, мы служили делу, которое считали важным. Потому и жизнь была интересной и полной смысла. Вспомни, какое чувствуешь ликование, когда приходит в голову красивое решение технической задачи. А если оно потом сходит с бумаги, воплощается в железо и подтверждает твою идею – это, наверное, и есть настоящее счастье. А где они теперь, наши изделия? Где радиолокаторы, что охраняли рубежи огромной страны? Остались грудой металлолома в Литве, Казахстане, Украине, Азербайджане. Плоды нашего труда – псу под хвост! Выходит, жизнь наша пропала зря. Мы потерянное поколение!

- Да, радиолокационные станции – это пограничная стража, без них страна превращается в слепого и глухого великана. А я еще вот о чем думаю. Раньше у нас полстраны работало на оборону, сколько заводов, НИИ, КБ. Из нашего вуза чуть ли не все шли на оборонные предприятия. А теперь – армия сокращена до предела, новой военной техники не выпускаем. Казалось бы, огромные средства должны освободиться для мирных нужд. А где они, эти средства? Наоборот, все вдруг оказались бедными.

- Ответ ясен: большинство – в бедности, а кто-то – при большом богатстве.

Они выпили, посидели молча.

- Да, потерянное поколение, – продолжал Юрий Семенович. – Утром приходишь в отдел: тоска зеленая. Шесть че-

ловек осталось: два доктора, три кандидата наук, да старая лаборантка. Я из всех самый молодой. Науку забросили, проектируем телевизионные антенны. Это после фазированных антенных решёток. И то спасибо нашему Михалычу, что хоть такой заказ достал. Вон у Коростылева в отделе вообще садовые парники проектируют. Работаешь через силу: я ведь телевидения нашего терпеть не могу и ящика этого поганого дома не держу. На работе посмотришь – с души воротит: террористы у них борцы за свободу. И это по центральному каналу! А в это время в Москве взрывы, люди из дома боятся выходить. В магазине забытый пакет увидят – милицию вызывают с водометом. Довели москвичей борцы за свободу.

- Деньги-то вам платят какие-то?

- Только чтобы ноги не протянуть.

- Да, видно мы с тобой, Юра не вписались в нынешние времена. Я на днях Джапаряна встретил. Помнишь, снабженцем у нас работал? Вид довольный. На иномарке ездит. Говорит, открыл какой-то фонд помощи пенсионерам. Видно, деньги из казны качает.

- Да, крутится, кто как может. А у меня вот ничего нет, кроме этой квартиры, что от родителей осталась... Так до сих пор и не женился, все откладывал. Недавно вот встретил хорошую женщину, ну, думаю, хватит бобылем ходить. А она поглядела на мою квартирку, да узнала, сколько я зарабатываю, да что машины у меня нет – и всё, с концами. Вот я и думаю – хватит. Надо кончать с нищетой.

Юрий Семенович даже пристукнул кулаком по столу. Потом допил из рюмки и торопливо закусил.

- Теперь вот слушай, Дима, какое у меня к тебе предложение есть. Только давай договоримся: все это между нами останется.

- По-моему, Юра, нас с тобой первый отдел научил тайны хранить.

- Так вот, помнишь ты проект «Дуга»?

- Ну, помню. Станция загоризонтного обнаружения... Правда, когда я к вам в отдел пришел, вы ее уже сдавали

заказчику. Так ведь она, вроде, в Чернобыльскую зону попала.

- Да, попала. Проработала всего три года. А ведь какое было сооружение. Сколько вложено средств, сколько людей ее создавало. Одних научных сотрудников сотнями надо считать. Сколько в ней новых идей, изобретений. Диссертаций сколько защищено. Самый большой в мире радиолокатор. Одна приемная антенна в высоту сто пятьдесят метров, в длину – пятьсот. А теперь стоит как бесполезный памятник в девяти километрах от взорвавшегося реактора.

- Вот тебе и готовый памятник потерянному поколению, – засмеялся Дмитрий. – Монумент, что надо. Рабочий и колхозница с ВДНХ по сравнению с ним – карлики.

- Так вот, слушай дальше. Передающая позиция оказалась за пределами Чернобыльской зоны, в шестидесяти километрах. Её законсервировали и до последнего времени охраняли. А недавно полностью закрыли, все ценное военные вывезли, остальное списали. Но кое-что ценное там осталось, и знаю об этом только я один.

Юрий Семенович откинулся на спинку стула и торжественно произнес:

- В аппаратном зале, в стене замуровано чистое золото.

Он сделал паузу, любуясь произведенным эффектом, и продолжил:

- Там двенадцать волноводов сквозь стену проложены с коммутаторами, и в каждом контактные пары из золота. Всего таких пар тридцать шесть штук, по десять грамм золота в каждой, значит 360 грамм чистого золота. По нынешним ценам получается 20 тысяч долларов. Это как минимум.

- Да, наверное, все это уже растащили.

- Нет, Дима, я все проверил. Во-первых, в списках вывезенной аппаратуры проходные волноводы не значатся. Во-вторых, я их сам проектировал, и о том, что внутри там золото, никто больше не знал. Всю документацию я вел в тетради с грифом «совсекретно»... Контакты такие здоровенные, на большую мощность...Ну, конечно, знал ещё мой начальник,

Петряев, он-то меня и надоумил, из чего делать эти контакты. Я сначала написал: «материал – бронза», а он, помню, говорит: «добавь – «покрыть золотом», так надежней будет, а заказчику все равно». Действительно, военные тогда денег не считали, да и по тем временам это была мелочь. А Петряев, ты знаешь, сразу после аварии умер. Собирал эти волноводы тоже я сам, а как собрал, отдал монтажникам и показал, где их надо прокладывать. С виду это просто трубы из нержавейки. Там в стене они и сидят по сей день, нас ждут. Так что решайся. Выручку пополам.

Дмитрий раздумывал. Он знал, что его друг не был склонен к авантюрам, скорее, наоборот, отличался излишней осторожностью. Наверное, и сейчас он все хорошо продумал.

- А охрана там есть?

- Говорят, есть какая-то. Все это теперь собственность Украины. Я выпишу командировочные удостоверения на себя и на тебя, оформлю пропуска. Всё будет законно: представители головного предприятия посещают свой объект... Только, знаешь что, Дима, надо бы взять какое-то оружие, а то там, говорят, уже сталкеры промышляют, а они народ неприветливый.

- У меня только газовый пистолет.

- Ну и хорошо. Да, еще,...это самое,...надо бы зелени взять долларов сто, может быть придется давать милиции или ещё кому-то...Теперь ты, Дима, понял, почему я тебя выбрал в компаньоны? Бензин ваш, идеи наши...Ну что, по рукам?

Друзья обменялись крепким рукопожатием. Потом ещё долго, до позднего вечера сидели, обсуждая детали будущей поездки.

* * *

Через неделю выехали вечерним поездом и ранним утром были в Чернигове. Поменяли рубли на гривны и пришли на автовокзал: предстояло одолеть ещё 55 километров. Решили, не дожидаясь автобуса, взять такси и с трудом уговари-

ли частника, соблазнив его большими деньгами. За два часа он, чертыхаясь, довез их по разбитой дороге до большого села. Вышли из машины у автобусной остановки, изучили расписание автобусов, планируя обратный путь. Потом двинулись по старой бетонке с покосившимися щербатыми плитами, обозревая непривычный их взору сельский пейзаж.

- Древние места, – говорил Юрий. – Недалеко город Любеч, что упоминается ещё в «Повести временных лет»... Киевско-Черниговская Русь, прародина наша. Где-то здесь князь Игорь со своим полком бился с половцами.

Пройдя километра три, оказались среди высоких сосен и увидели на столбе ветхий щит с надписью «Любеч-1». Здесь располагался городок, выстроенный для персонала радиолокационной станции и офицерских семей. По всему было видно, что городок был когда-то весьма благоустроенным, а теперь потрескавшиеся и поросшие травой тротуары, пустые окна пятиэтажек – все говорило о том, что люди здесь не живут.

На территорию воинской части пошли, как полагалось, через КПП, где их встретил молодой парень в камуфляжной форме с кобурой на боку. Он повертел в руках их документы, посмотрел на большие портфели в руках приезжих москвичей и весело сказал: «Пропустити нияк не можна. Потребен дозвил Министерства оборони України».

Десять долларов, извлеченные Дмитрием из кармана, заменили потребный дозвил.

Над всей местностью царило гигантское антенное сооружение: на высоченных стальных мачтах размещалась антенная решетка. Ее элементы – хромированные цилиндры, шестиметровой длины каждый, сверкали, как новенькие. Дмитрий, оказавшийся здесь впервые, смотрел с интересом:

- Красивая конструкция. Сразу вспомнил, как наш главный на банкете выдал: «Украсим Родину антеннами!».

- А что, и украшали, – сказал Юрий. Посмотрел бы ты еще на приемную антенну: ажурная конструкция высотой с пятидесятиэтажный дом. Эта раза в полтора ниже.

РЛС «Дуга» – станция загоризонтного обнаружения баллистических ракет, ныне заброшенная

Было видно, что станцию уже растаскивают: одна из мачт исчезла, осталась лишь вывороченная земля.

- Утащили на металлолом, а может, телевышку где-нибудь в районе поставят. Хохлы народ смекалистый, – прокомментировал пропажу Юрий.

Когда подходили к зданию оперативного управления станцией, услышали ритмичные звуки ударов, доносившиеся изнутри. Кажется, их заметили: в окне мелькнула чья-то голова, и удары на время прекратились.

Поднялись на второй этаж и пошли по длинному коридору мимо выпотрошенных приборных шкафов, перешагивая через обломки разбитой аппаратуры. Когда зашли в аппаратный зал, Юрий сразу понял, что дело неладно: в стене зияли отверстия, разобранные коммутаторы валялись на полу. Он подошел к искорёженным железкам, нагнулся, потрогал их руками.

- Вот здесь они были, эти пластинки, – произнес он сдавленным голосом. На Дмитрия он боялся взглянуть. Потом присел на какой-то ящик и обхватил голову руками. В висках противно стучало.

- Этого следовало ожидать, – раздраженно сказал Дмитрий. Он открыл портфель, достал оттуда ломик-фомку и швырнул его на пол. За ним последовал большой молоток. – Давай двигаться назад, автобус будет через час.

- погоди, Дима, давай здесь немного побудем. – Юрий прошелся по аппаратной. – У меня с этим проектом так много связано. Можно сказать, молодость с ним прошла...Такую станцию загубили. Пуски ракет засекала за семь тысяч километров, значит за полчаса до подлёта боеголовок к нашей границе – Он достал носовой платок и стал вытирать мокрые глаза. – Мне не золота этого жалко, жизни своей напрасной жалко.

- Мне твоей ностальгии не понять, – жестко отвечал Дмитрий. – А следующего автобуса ждать ещё четыре часа ...Ну, дело твоё, я пошёл.

Юрий остался один. Снова послышались глухие удары, видно, били кувалдой по стене. Он услышал перекликающиеся голоса. Подошел к окну и увидел Дмитрия, размашисто шагающего на КПП.

То, что Дмитрий оставил его одного, было на него непохоже. Они не были большими друзьями, вне работы почти не общались, но многолетний труд бок о бок сблизил их. То общее дело, которое они делали, требовало не только специальных знаний, но нередко и простой человеческой порядочности, и Юрий знал, что всегда может положиться на своего соратника.

- Да, видно бизнес меняет человека, – подумал Юрий. Он пошёл по коридору и заглянул в комнату, которую когда-то отвели для них, разработчиков. Столы были густо покрыты пылью, все ящики были вытащены, на полу валялись груды бумаг. Он подошёл к столу, за которым когда-то провёл немало времени. Присел на корточки и стал перебирать бума-

ги. Вот его собственные записи двадцатилетней давности, когда делали первые пробные включения станции. Он задумался, вспоминая эти волнующие дни.

Рядом лежала папка с надписью на обложке: «Цветков В.Н.». Откуда здесь бумаги Вити Цветкова, ведь его место было на приемной позиции? Он развязал тесемки, открыл папку и прочитал: «Стража. Последний вариант. 5.05.85». Ещё не веря своим глазам, он достал из папки сложенную бумажную полосу и осмотрел её. Да, это была распечатка программы, которую Цветков назвал «Стража». Та самая, которую они в Москве всем отделом тщательно искали после нелепой гибели Цветкова в 1985 году.

Цветков был чудаковатый парень, чуждался компаний, не употреблял спиртного, но математик был замечательный. То, что он сделал, было переворотом в практике обработки радиолокационных сигналов. Он предложил алгоритм, который позволял выделять сигнал на фоне помех, в десятки раз превышающих по мощности сам сигнал. Его программу тестировали для разных случаев, пытаясь всеми способами заглушить полезный сигнал, и она с блеском выдержала все испытания. Программу рекомендовали к немедленному внедрению, ещё бы, ведь тогда можно будет контролировать не только восточное побережье Америки, но и весь континент, включая Канаду и Аляску, где у американцев полно пусковых установок. Внедрению помешала смерть Цветкова в рухнувшем вертолёте, а с ним сгорела колода перфокарт с набитой на них программой и сам текст программы.

Наконец до Юрия дошло, что тот дубликат, который он держит в руках – это вещь, значительно более ценная, чем золотые пластинки, за которыми они приехали сюда. Он знал, что результат, полученный когда-то Витей Цветковым, до сих пор никем не превзойден. Умный Витя придумал какой-то необычный подход, о котором никому не успел рассказать. Юрий аккуратно сложил драгоценную бумагу и положил в нагрудный карман куртки.

Через полчаса он, размахивая портфелем, шагал по бетонной дороге к автобусной остановке. Был полдень, тучи на небе разошлись, выглянуло солнце. Он шёл, испытывая чувства ликования и гордости, ведь ему вместо сокровища материального было послано сокровище информационное, нетленное. Теперь надо придумать, как им умно распорядиться. Конечно, у нас в России эта программа никому не нужна. Надо продавать её за границу, например в Англию, там таким вещам цену знают. Сделать это в наше время не сложно. И ничего противозаконного в этом нет: программа эта не имеет грифа «секретно». Засекретить её не успели.

Навстречу ему шли двое парней с большими сумками. «Спрошу их про автобус», – подумал Юрий. Вместо этого спросили его: «Закурить не найдется?». «Нет, ребята, не курю», – ответил он. «Врёшь, гад», – рявкнул здоровенный парень. Последнее, что увидел Юрий, был огромный кулак, сверкнувший перед его глазами.

* * *

Он пришёл в себя и долго лежал, разглядывая деревянный потолок. Память медленно возвращалась к нему, в голове восстанавливались события вплоть до злосчастной встречи с бандитами. «Куда это меня занесло?», – думал он, оглядывая комнату с бедным убранством. Казалось бы, он должен сейчас находиться или в больнице или на том свете, а вместо этого он лежал в деревенской избе на широкой деревянной скамье с тюфяком. На нём были брюки и рубашка, рядом на полу стоял его портфель. Сильно болел нос. Он попытался сесть, но не смог из-за подступившей тошноты.

Открылась дверь, в комнату вошла старушка в белом платочке и переднике.

- Очнулся, наконец, – сказала она, – Слава Богу. Как звать – то тебя?

Юрий с трудом назвал своё имя.

- Ты, Юрий пока помолчи, а я буду рассказывать. – Хозяйка говорила по-русски с мягким украинским выговором.

– Нашёл тебя мой Василь. Он коз перегонял через дорогу, тебя и увидел. Потом у Миколы, соседа, коня попросил, и они вдвоем тебя на телеге привезли. Вызвали «скорую», так она до сих пор не приехала, а уж скоро стемнеет. Ну, раз ты очнулся, тебе в нашу районную больницу ехать ни к чему. Растрясут по дороге, а положат в коридоре вместе с бомжами. Я вижу, у тебя нос разбит, под глазами опухло, видно ударили сильно. Сотрясение головы у тебя, покой тебе нужен и больше ничего. Так что, полежи у нас. Поесть тебе принести? Бульончику горячего? Козьего молочка?

Юрий отрицательно покачал головой.

– Спасибо, что спасли меня. Скажите, а куртка моя где?

- Куртка твоя в сенях висит, грязная да кровью запачкана, я её почистить собралась. В канаве её Василь нашёл. Видать, злодеи эти, что тебя побили, куртку с тебя сняли, все оттуда вытащили, да и бросили.

- А никаких бумаг там не осталось?

- Нет, все карманы вывернуты были. И портфель тоже, видать, обыскали. Только одна бумажка осталась, что Москва тебя командирует в военную часть. Ты злодеев то этих запомнил?

Юрий, как мог, описал внешность бандитов, на что хозяйка уверенно сказала:

- Это не наши, это со стороны. Их последнее время много здесь шатается. Как станцию эту закрыли, так много охотников нашлось растаскивать её по кускам.

- Вот как дело повернулось, – уныло думал Юрий. – Лежу в чужом доме, еле живой, на попечении добрых людей, без денег, без паспорта. И драгоценная программа, каким-то чудом обрётённая, вновь исчезла, будто её и не было.

Старушка дала ему выпить горького отвара, отдающего полынью, положила на нос примочку. Она утешала Юрия простыми словами, которые он слышал в детстве от своей матери. Оставшись один, он долго лежал и глядел в окно, где в наступающих сумерках дрожали на ветру жёлтые листья берёзы, и постепенно забылся сном.

Ему приснилось, будто он стоит на сторожевой вышке и всматривается в расстилающиеся перед ним степные просторы. Он видит, что степь вдаль зашевелилась, будто живая. На горизонте появились густые колонны скачущих всадников. «Половцы!» – кричит он. – Зажигай!» И вот уже полыхает первый костёр, рождая высокий столб чёрного дыма, а вот и цепь дымных костров идёт к стольному граду, давая знать о приближении врага.

Потом он увидел события, которые происходили в его жизни десять лет назад. Он стоит в большом зале командного пункта станции «Дуга» и вместе с коллегами смотрит на встроенный в стену большой экран, по которому бегают тонкий лучик. Вдруг на экране загорается яркая точка. Это обнаружен учебный запуск межконтинентальной баллистической ракеты, произведённый в далёкой Америке. В зале слышны радостные возгласы. К нему подбегает Цветков, они в восторге хлопают друг друга по плечам. Цветков вручает ему папку и что-то горячо объясняет, но в окружающем шуме понять что-либо нельзя. Юрий слышит только одно слово: «Стража!»

Он проснулся ранним утром и увидел седобородого старика, который растапливал печь-столбьянку. Юрий сел на кровати, потом попытался встать, опираясь на стул. Ничего, терпимо. Старик повернулся к нему.

- Ну, здравствуй, Юрий. Уже встаёшь, вот и хорошо. Сейчас скажу своей Галине, чтобы поесть тебе принесла. А я вчера ходил в милицию, заявление о тебе делал. Потом с нашим участковым ездили на то место, где я тебя нашёл, ходили там. Наверяд ли он обидчиков твоих поймает, больше так, для виду. Там у дороги мы вот эту бумагу нашли, за дерево зацепилась и полоскалась на ветру. Посмотри, не твоя? А нет, так я её на растопку пушу.

Он поднял с пола бумажный свёрток и протянул Юрию. Тот быстро осмотрел находку. Листы были кое-где запачканы и немного надорваны, но текст сохранился полностью. Юрий, обрадованный, прижал к груди вновь обретенную

распечатку. Он вспомнил свой сон и пришёл к мысли, что Цветков завещал своё детище ему, Юрию.

- Да, это мои бумаги, спасибо вам. Очень важный документ, настоящее сокровище.

- А ты во сне всё бредил, золото какое-то поминал. Видать, вы там, в Москве да в Киеве, только о богатстве и думаете. А Спаситель наш что сказал? – Старик показал на икону, стоящую в углу на полочке. – Не собирайте сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и воры крадут, а собирайте сокровища на небе. Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

В этом гостеприимном доме Юрий жил ещё два дня, а когда головокружения прекратились, стал собираться в дорогу. У милиционера он взял справку о разбойном нападении и пропаже паспорта. Деньги на дорогу пришлось просить у стариков, другого выхода не было. Обещал им выслать сразу по приезду в Москву. За деньгами баба Галя куда-то уходила, и только потом, уже вернувшись в Москву, Юрий понял, что ходила она брать займы у соседей. Прощаясь, он говорил со слезами на глазах:

- Люди вы замечательные. Никак не думал, что в наше время такие люди бывают.

- Чего там, обыкновенные мы, – махнул рукой дед Василь.

* * *

Вернувшись домой и втянувшись в привычную жизнь, Юрий не забывал деда Василя и бабу Галю, переписывался с ними, собирался приехать к ним летом. Эти люди действительно поразили его. Они жили в бедности, по сравнению с которой его московская жизнь была вполне благополучной. Что могло заставить бедняков подобрать лежащего в беспмятстве незнакомого человека и ухаживать за ним, не считывая при этом на какую-либо награду? Здесь было что-то такое, чего Юрий понять не мог. Душа его, не зная света Евангельской истины, томилась, пытаясь ответить на этот

вопрос. Наверное, поэтому его так и тянуло вновь увидеть своих спасителей.

Это знакомство и другие события незабываемой поездки сильно изменили Юрия. Ещё по дороге в Москву он твёрдо решил не продавать «Стражу» за границу. Пусть останется в России, лишь бы пристроить её к какому-то полезному делу. Он знал, что в системе противоракетной обороны какие-либо нововведения сейчас не нужны. Поразмыслив, он пошёл на приём к заместителю главного конструктора крупного предприятия, занимающегося противоздушной обороной.

Зайдя в высотное здание сталинской постройки, он сидел в вестибюле, ожидая пропуска. Вдруг, к своему удивлению, он увидел Дмитрия, который прошел через проходную и направлялся к выходу. О том, что из поездки его друг вернулся благополучно, Юрий знал от его жены, которой он позвонил сразу же по приезду в Москву. Общаться с самим Дмитрием ему не хотелось: в душе осталась обида, ведь если бы друг не оставил его, и они возвращались бы вместе, вряд ли на них посмели бы напасть. С другой стороны, он чувствовал и свою вину, поскольку заманил друга в бесполезную поездку.

Похоже было, что Дмитрий тоже увидел Юрия и какое-то мгновение колебался: подойти или «не заметить». Все-таки подошел. Поздоровались настороженно, неулыбчиво.

- На работу приходил устраиваться, бизнес-то мой совсем зачах, – говорил Дмитрий, глядя куда-то в сторону. – Пришел, однако, не вовремя, здесь идет сплошное сокращение штатов. И зарплату люди третий месяц не видят...Так что, если ты, Юра, хочешь и в этих стенах золотую жилу искать, то ты ошибся адресом.

Оба засмеялись, чувствуя, как угасает тлеющая внутри обида.

Юрию принесли пропуск, и он пошел на долгожданную встречу. Хозяин большого кабинета оказался однокашником Юрия по институту. Вспомнили «альма-матер», общих зна-

комых, да и потом разговор шел очень доверительно. Юрий рассказал об истории создания уникальной программы, о её авторе. Сказал, что готов эту программу подарить, если они возьмутся её внедрять. Его собеседник тоже был откровенен:

- Понимаешь, мы сейчас ничего нового не внедряем, лишь старые дыры штопаем. Даже оборонный пояс вокруг столицы и тот пришёл в упадок...Такие вот дела...

- Ну что же, подождём пока, – думал Юрий, покидая здание этого некогда процветающего предприятия и шагая по направлению к метро. – Не сразу, постепенно наладится жизнь в России. Ещё понадобятся ей новые идеи и талантливые люди, любящие свою страну и способные её оберегать. А люди такие есть. Только позови, Россия.

2011 г.

ТАМ, ВНИЗУ, МЕСТА МНОГО

Странный сон приснился сегодня Петру Николаевичу. Будто бы стоит он возле городской больницы и видит, как на глухой торцевой стене пятиэтажки появляется надпись огненными буквами на английском языке: «THERE'S PLENTY OF ROOM AT THE BOTTOM». И слышится грозный голос: «Там, внизу места много». Петр Николаевич проснулся, а слова все еще звучали в его ушах. Эти слова были ему знакомы: так назвал свою знаменитую лекцию, прочитанную в 1959 году на заседании Американского физического общества, Ричард Фейнман. Выдающийся физик, нобелевский лауреат, в этой лекции говорил о том, что в глубине материи таится ещё много непознанного и что из атомов можно конструировать полезные микрообъекты. Тем самым он предвозвестил эру нанотехнологий. Но сейчас в этих словах слышался совсем иной смысл.

Петр Николаевич не был религиозен, но в последнее время его все чаще посещала мысль, что душа человеческая после смерти не должна исчезнуть. Ну а если христиа-

не правы, если существует ад и рай? Тогда, конечно, для таких, как он, проживших жизнь, не думая о Боге, там, внизу хватит места.

Хотя, вообще-то, он не считал себя таким уж большим грешником. Ему было уже за шестьдесят, всю жизнь он проработал здесь, в Арзамасе-16 или, по-нынешнему, в городе Сарове, в НИИ экспериментальной физики. Была у него хорошая семья, неплохая квартира, ученая степень, дача, автомобиль – в общем, полный набор благополучного человека. За богатством он не гнался, свою специальность – ядерную физику – любил бескорыстно. Занимался он разработкой ядерного оружия и ничего греховного в этом не видел. Даже Патриарх, посетив Саров, высказался с одобрением об их работе, сказал, что создание ядерного оружия позволило на долгие годы сохранить мир на планете.

Да, работа была напряженной, порой изматывающей до предела, но интересной. Общая цель сближала людей, работающих бок о бок. Правда, когда испытания успешно завершались и изделие принималось комиссией, тогда начинались трения и обиды: кто-то оказывался награжденным, а кто-то просто отмеченным, кто-то выходил на защиту, а кто-то пока оставался «мэнээсом». Когда-то его, Петра Николаевича, разработчика универсального детектора нейтронов, включили в список на Госпремию, но вдруг в последний момент из этого списка изъяли и заменили другим сотрудником, имеющим к проекту лишь косвенное отношение, но зато состоящим в родстве с одним из столичных боссов. Неприязнь к этому человеку, которого и в живых уже давно не было, до сих пор не покидала Петра Николаевича.

Ну, обиды обидами, а отдохнуть коллективно физики умели на славу. Гуляли с размахом, опустошая магазинные прилавки, благо в их закрытом городе снабжение было прекрасное. Правда, он уже не застал те времена, когда в день зарплаты работники подходили к окошку кассы с чемоданчиками: в карманах толстые пачки тогдашних ассигнаций было не унести. В брежневские времена платить стали

скромно. Но чтобы отметить какое-нибудь событие – на это средств хватало.

Вспомнился юбилей института, который начали праздновать на стадионе. Веселые ребята, украшенные рожками и хвостиками, катили по дорожке платформу, а на ней стоял большой бутафорский котел, в котором с комфортом устроились три заслуженных ветерана института. День был жарким, ветераны сидели голые по пояс, держали в руках кружки с пеннистым пивом и, отхлебывая его, весело посматривали на своих коллег, сидевших на трибунах. Возле котла стоял главный черт с трезубцем в руках, а рядом вертелись две «ведьмочки» в купальниках с распущенными волосами, каждая махала помелом. Говорят, за право быть на празднике «ведьмой» устраивали конкурс среди девиц.

На другой день всей лабораторией поехали на пикник. Завлаб пробил всем пропуска на выход за зону, заказал автобус. Долго ехали живописной сельской дорогой, вокруг расстилались луга.

- Смотри, аборигены, – сказал кто-то.

На поле работали крестьяне, в основном бабы, гребли сено, укладывали стога. Молодёжь прильнула к окнам, такое зрелище многие видели только в кино.

- А чего они работают? Сегодня же воскресенье.

- Это же колхозники, для них воскресений нет, тем более в сенокос, – отвечал умудренный жизнью коллега. Петр Николаевич повернулся к нему и поинтересовался:

- Ну а деньги-то им теперь платят или по-прежнему за трудодни вкалывают?

- С 61-го года начали платить, после косыгинской реформы. У меня дядя, колхозник, он так и говорит, что только тогда жизнь в деревне и началась. На Косыгина они молиться готовы.

Приехали на реку Мокшу, где она сливается с Сатисом. Выходили из автобуса, будто высаживались на другую планету, и замирали, поражённые царящей вокруг красотой. Кто-то из женщин вздохнул: «А мы сидим там у себя за ко-

лучей проволокой и ничего не видим». Потом купались в реке, пировали на поляне, уставленной батареями бутылок и различной снедью, потом разошлись кучками по интересам. И, снова собравшись, нетрезвым хором распевали песни. Над рекой раздавалась студенческая «дубинушка»: «Только в физике соль, остальное все – ноль, кто не физик, тот просто дубина». Песня, конечно, шуточная, но чувство превосходства над людьми других профессий было реальным. Еще бы, ведь физики подарили миру электроэнергию, радио, электронику, ракеты и много других важных вещей. Тогда, в 60-е годы казалось, что наука совсем скоро сделает людей счастливыми. Осталось лишь всерьез заняться биологией, чтобы научиться делать искусственную пищу из нефти, да медициной, чтобы изобрести лекарства от всех болезней. Но и без этого физики, даже студенты, чувствовали себя членами особого братства, наделённого высшим знанием. Академик Ландау говорил: «Есть наука, а есть филология», а к филологам он относил всех, кто не может рассчитать сечение рассеяния медленных нейтронов на ядре урана.

В общем, спеси и юмора в этом братстве хватало, а вот верующих людей, даже среди пожилых, в советское время не замечалось. А впрочем, одного такого, тогда еще совсем молодого человека, Петр Николаевич вспомнил.

Как-то в лаборатории зашел разговор о надоевшей всем марксистской идеологии, о компартии и ее вождях. Поговорить «за жизнь» физики любили. Знали, что стукачей среди них нет, и разошлись вовсю. Начитанный Валера цитировал Бердяева, из книги «Истоки русского коммунизма», а Витя возмутился и стал горой за русский народ, которому навязали чуждое западное учение. Ну, покричали, выпустили пар, наконец, начальник группы подвел черту:

- Хватит, ребята, давайте работать. Всё это – вечные вопросы русской интеллигенции: «Кто виноват?», «Что делать?». И нам их не решить.

А молчавший до этого Николай вдруг сказал:

- Почему не решить? Ответы очень простые. Виноваты мы сами, а делать надо вот, что: идти в церковь и каяться в своих грехах.

Тогда это показалось всем неумной шуткой. В тот же день Петр Николаевич шел с работы вдвоем с Николаем. Они проходили мимо высокой колокольни – это было единственным, что осталось в городе от большого монастыря – и Петр Николаевич спросил:

- Ты это что, серьёзно про церковь говорил?

- Да, вполне. Я ведь недавно крестился, специально в Москву ездил для этого. Теперь вот считаю себя православным. Только это между нами. Ладно, Петя?

- Ладно, чудак. Лучше бы ты йогой занялся, там хоть польза от упражнений есть.

- А ты знаешь, Петя, что академик Боголюбов Николай Николаевич – верующий и в церковь ходит? Да, тот самый, который, сейчас директор института в Дубне, а в 50-е годы у нас работал в теоретическом отделе.

- Боголюбов – верующий? Ну, это я могу допустить. Говорили, что у него отец был священником, да и сам он родился еще при царе. А вот как ты к этому пришел?

Николай долго шел молча, но потом все-таки сказал:

- Об этом так просто не расскажешь. У меня есть девушка, учится в МГУ на историческом. Сама из Курска. Я прошлым летом ездил к ней в гости домой. У нее мать – верующая, в доме – иконы. Когда я сказал, что живу в городе, что раньше назывался Саров, она мне рассказала про Серафима Саровского, показала его икону. Курск – ведь родина этого святого. Показали мне колокольню, с которой он упал, еще ребёнком, и чудесным образом остался невредимым. Дали почитать книгу про его жизнь, да про монастыри – Саровский и Дивеевский. Книга такая толстая, еще до революции издана. Я читал и поражался: в каком знаменитом месте мы живем! Оказывается, сюда, в Саровский монастырь шел народ отовсюду к старцу Серафиму. Ну, я, конечно, все это воспринимал, просто как интересный исторический матери-

ал. А потом вернулся я из отпуска, уже и в работу втянулся, и мне этот старец во сне явился, причем сон такой отчетливый, будто наяву. Одет он был в белый балахон, весь седой, с широкой белой бородой, на груди большой крест висит. Смотрит он на меня так ласково, а лицо такое приветливое, светлое. Сроду я такого лица не видал. И говорит он мне: «Здравствуй, радость моя, отец Николай». А я во сне удивляюсь, откуда он имя моё знает? И какой я ему отец?

Тут Николай остановился, достал носовой платок и стал вытирать глаза.

- Не могу. Как вспомню об этом, так слёзы на глазах. А ведь это было еще летом, первого августа. Ну вот, потом он говорит: «А ведь ты, Николай, собрался идти в нехорошее место. Не ходи туда, родимый, слышишь, не ходи, а то беда с тобой будет, сиди дома весь день». Помню, проснулся я и лежу удивленный. Я ведь, действительно, собирался идти к своим приятелям, где у нас по субботам такие оргии бывали, что страшно вспомнить. Так и просидел я весь день дома. А потом узнал, что дружки мои перепились так, что одного сильно покалечили. Остальные двое сейчас уже в колонии сидят. И я мог бы с ними сидеть или в земле лежать. Уберег меня от беды преподобный Серафим.

Петр Николаевич не знал, что на все это сказать. Мало ли что может присниться человеку после напряженного трудового дня.

А Николай вскоре уволился и куда-то исчез. Увидеть его пришлось лет через десять, в 1991-м году, да и то издалека. Петр Николаевич пошел посмотреть на крестный ход, шедший по многим городам России. Несли вновь обретенные мощи преподобного Серафима Саровского из Санкт-Петербурга в Дивеево. В начале бесчисленной людской колонны, вслед за группой священников, окружающих носилки с мощами, шел Николай.

Обилие людей поразило Петра Николаевича. Что же они нашли в этом старце, жившем 200 лет назад? Он послушал проповедь о жизни святого, которую сказал митрополит,

Центр города Сарова в начале XXI века.

Колокольня – единственное строение,

оставшееся от разрушенного Саровского монастыря.

*Слева, в кирпичном здании, в 1950-1960-е годы жили начальник
теоретического отдела И.Е. Тамм и его сотрудники Н.Н. Боголюбов,*

*Д.А. Сахаров. Все трое в 1953 году за работу по созданию
термоядерного оружия были удостоены званий Героя соц. труда
и избраны действительными членами АН СССР*

когда крестный ход остановился, и ничего особенного не услышал. Ну, хорошо, жил затворником, был воздержан в еде – годами мог питаться одной травой, ну, простил разбойников, на него напавших, ну, принимал посетителей, встречал всех ласково, давал толковые советы. Разве в этом ценность человека? Разве для этого дан ему разум?

Пришло на ум сравнение с выдающимися учеными, с которыми ему довелось общаться: Харитонов, Бабаевым. Вот

это люди! Суть явлений видели насквозь. Работали, как одержимые, и от других требовали того же. Или взять Сахарова. Какую красивую предложил идею: создать термоядерный заряд из чередующихся слоев дейтерия и урана. Только ему было под силу рассчитать такую систему. Позже ее назвали «слоистой Сахарова». Он же рапортовал Хрущеву, что его отдел готов разработать термоядерную бомбу с тротильным эквивалентом 100 мегатонн, что в 5000 раз больше, чем у взорванной в Хиросиме. Хрущев, говорят, тогда пошутил: «Как бы в Москве стекла не вылетели». И решил, что хватит и половины, чтобы устроить американцев. И действительно, взрыв 50-мегатонной сверхбомбы на Новой Земле в 1961 году потряс всю планету в прямом и переносном смысле.

А потом академик почему-то решил, что ядерное оружие Советскому Союзу ни к чему, и, вообще, предлагал разделить страну на множество независимых государств. На его похороны тоже пришло немало людей. Но странно, что не так уж много лет прошло после его смерти, а его уже стали забывать. И если вспоминают, то не за его вклад в оборону страны, а за ее развал. И ещё его вспоминают, когда в московском особняке, где расположился центр, названный его именем, происходит очередная богоборческая выставка.

* * *

Через три дня после того, как Петру Николаевичу приснился странный сон, он заболел. На работе стало плохо: тошнило, сильно кружилась голова. С трудом добрался до дома, а там жена вызвала «скорую», и попал он в ту самую больницу, которую видел во сне. Конечно, опять проблемы с кровью. Работа с нейтронами даром не проходит. Лет 12 назад у него подобное было, хотели даже пересадку костного мозга делать, но обошлось. А теперь прихватило по-сильнее. Нейтроны – самый опасный вид радиации. У них был случай в 1997 году, когда оператор попал под прямой поток нейтронов. Умер, бедняга, через сутки, не приходя в сознание.

Приходила жена, успокаивала. Но и после ее ухода настроение оставалось подавленным.

Он увидел на тумбочке у соседа книжку с названием «Новый Завет».

- Можно мне взглянуть, – попросил он соседа, мужчину средних лет с желтовато-серым лицом. Открыл Евангелие, полистал и почти сразу наткнулся на такие строки:

«Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей,

И соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов;

И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую.

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира...

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его...».

В том же отрывке говорилось и о том, что надо делать, чтобы не попасть в огонь вечный. Надо всего лишь быть милосердным: накормить и одеть нуждающегося, принять странника, посетить больного и заключенного.

Кажется, очень просто, но способен ли он так поступать, причем, не заставляя себя, а по велению сердца? Нет, для этого надо любить всех вокруг себя, а, значит, надо стать совсем другим человеком.

- Завтра священник придет, соборование будет, – сказал сосед. – Хотите, и вы можете присоединиться. Теперь при больнице храм открыт. Времена теперь другие, в Сарове уже пять православных храмов действует, монастырь восстанавливают...А соборование – оно каждому полезно.

- Да я ведь некрещеный, – сказал Петр Николаевич.

- Креститься здесь тоже можно. Вы скажите священнику. Он батюшка хороший, добрый. Говорят, сам когда-то был ядерщиком.

Через два дня Петра Николаевича крестил в больничной церкви отец Николай, его бывший коллега. На крещении Петр Николаевич стоял с глазами, полными слез, будто что-то неведомое коснулось его души. Вернувшись в палату, он, сильно уставший, сразу лег на кровать. Долгий разговор с отцом Николаем был как исповедь, которую ему ещё предстояло завершить. «Приходит страх Божий и рождает покаяние, покаяние приводит к трудам добродетели, из них уже возрождается любовь», – такие слова Феофана Затворника прочитал ему отец Николай.

2009 г.

В ДАЛЕКИЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

- Отец Трифон, к нам ещё один трудник прибыл, – сказал молодой послушник, заходя в келью игумена. – На своей машине приехал. Просит вашего благословения.

Игумен Трифон, худощавый, с густой черной бородой, слегка тронутой сединой, сидел за столом и что-то писал.

- Где он? Пусть заходит, – он поднялся из-за стола.

В келью вошел высокий, крепкого телосложения, мужчина лет пятидесяти.

- Как вас зовут? – спросил игумен.

- Николай.

- Откуда приехали?

- Живу я в Петербурге, а сейчас здесь неподалеку обитаю, дачником, в Залесной. Хотелось бы у вас поработать. В принципе, весь август могу у вас трудиться.

- Спаси вас Господь. Рабочих у нас не хватает. Вы крещёный?

- Да. И в церковь хожу.

- Это хорошо. Здесь в округе верующие – только немощные старушки. Мужики спились. Работы постоянной нет, а к нам все равно идти не хотят. Платим мы, правда, немного, но по здешним меркам это деньги неплохие. Будто что-то их отводит от Церкви. Живут-маются, заблудшие души, прости Господи.

Отец Трифон перекрестился и продолжал:

- Хочу вас предупредить: трапеза у нас простая, монастырская, без мяса. А на алкоголь строгий запрет.

- Это всё меня устраивает. Ночевать я буду в своей деревне, а утром приезжать к вам. Если нужен какой инструмент, скажите – я привезу.

- Инструмент у нас пока самый простой: лопаты, да носилки. Это всё у нас есть. А вы, случаем, кладку кирпичную делать не можете?

- Кладку? Приходилось.

- Ну, замечательно! Благословляю раба Божия Николая потрудиться во славу Божию. – Игумен повернулся к послушнику:

- Отведи брата Николая к каменщикам.

После рабочего дня Николай переоделся, поужинал в трапезной и пошел на вечернюю службу. В большом храме была отгорожена небольшая отремонтированная часть, сделан временный алтарь. На службе стояли четверо монахов и несколько старушек. По сравнению с роскошным убранством столичных храмов обстановка казалась жалкой. Но как по-домашнему уютно теплились свечи перед простенькими бумажными иконками, с какой трогательной искренностью пели на клиросе три монаха! Это был островок благодати среди окружающей разрухи.

После вечерни Николай подошел к игумену:

- Отец Трифон, может быть вы сможете ответить мне на такой вопрос. Я ведь в этом монастыре бывал в детстве. Сорок лет назад это было, в шестидесятые годы. Бабушка меня сюда приводила. Здесь, конечно, была полная разруха, но, я помню, стоял деревянный дом, в котором жил монах или просто священник, такой седой старичок. По крайней мере, мне он казался совсем стареньким. Вот к нему то мы и ходили. Я ему многим обязан, а ведь даже не знаю, как его звали. Может быть, вам что-нибудь о нём известно?

Отец Трифон задумался.

- Нет, ничего о таком не слышал. Знаете что, я на днях еду в город, в епархиальное управление, и там постара-

юсь узнать. Это ведь история нашего монастыря. Посмотрю архивы. Там должны быть сведения обо всех, кто был в штате...

- Да, где-то вот здесь стоял этот дом – думал Николай, шагая в сумерках к воротам монастыря. И потом, когда он ехал в свою деревню, воспоминания не оставляли его. Не привыкший к долгой физической работе, он почти сразу лег в кровать. К счастью, никаких дел по дому не было: жена и две взрослые дочери управлялись с хозяйством. Николай лежал в мезонине, глядя через открытое окно на звездное небо, но сон не шел: в голове чередой проходили события сорокалетней давности.

* * *

В то памятное лето десятилетний Коля и его восьмилетняя сестра впервые гостили у бабушки Веры и дедушки Павла в вологодской деревне. С ними жил их двоюродный брат Петя, местный мальчик, родители которого уехали на заработки на Север. С дедом внуки общались мало: он, колхозный шофер, пропадал на работе. Ребята находились под присмотром бабушки. Вера Федоровна, ещё крепкая женщина, недавно вышла на пенсию, и каждый месяц почтальон приносил ей 22 рубля, что по деревенским меркам были деньги немалые. Теперь она полностью занималась домашним хозяйством. На дворе у неё были корова с теленком, овцы, куры и, конечно, ласковый дворовый пёс, да кошка с котятками. И домашняя живность, и дом с огромной печкой посередине, с примыкающим к нему сеновалом и хлевом, и тихая деревенская улица, и колосающиеся вокруг деревни нивы – все это поначалу поражало городских детей, но вскоре становилось привычным, естественным, будто оживала в детских душах память крестьянских предков.

Удивляли деревенские дети: они казались плохо одетыми и говорили так, что их трудно было понять. Здесь, в вологодской глубинке, в ту давнюю дотелевизионную эпоху речь местных жителей изобиловала диалектными словами,

имела особую интонацию, а «оканье» было нормой. Городское «аканье» казалось смешным.

- Городовые приехали, – кричали деревенские дети. – Эй, ты, «малако»! – дразнили они городских. Петя не давал в обиду своих родственников. Парень он был бойкий, все время прибывал в какой-то деятельности. Как-то за ужином бабушка предупредила Колю:

- Ты с этим шалопаем не ходи, у него своя компания есть. Он тебя заведет, куда не надо. Прошлым летом отличился: уплыл с дружками на чужой лодке незнамо куда. Дед на моторке за ним гнался, едва нашел. А нынче весной забрался в трактор, завел и поехал напрямик на телятник. Хорошо, тракторист недалеко был, успел вскочить да остановить, а то наделал бы делов.

Петя сидел, пригнувшись к столу, и болтал ногами.

- А чего это тебя видели возле шалаевского дома? – обратилась к нему бабушка. – Чего ты там крутишься? Смотри у меня, чтоб за версту не подходил. Дом колдовской, нечистая сила там. Старик Шалаев был колдун. Помирал долго, тяжело, так свое колдовство никому и не передал.

- Ну что ты, Вера, страхи нагоняешь на детей, – вмешался дед. – Ну, ворожил старый Шалай, когда просили. Помнишь, Пестовым корову нашел. Куда им указал, там в точности её и нашли.

- А что толку, что нашли. Через месяц она у них сдохла.

- Ну, сдохла, ну и что! Мало ли от чего коровы дохнут. А ты, Петька, чтоб туда не совался! Дом чужой, заколоченный, нечего тебе там делать. А то, смотри у меня... – дед кивнул в сторону вешалки, где висел армейский ремень с большой медной пряжкой.

На другой день Петя с Колей пошли в лесной малинник на разведку. Малина еще только начинала созревать. Петя попробовал самые спелые ягоды и с видом знатока сказал:

- Денька через три поспеет, коли дождя не будет. – Потом он предложил:

- Слышь, Коляка, давай пойдём к шалаевскому дому. Я знаю, как внутрь пробраться.

- Да ты что, Петя! Слыхал, что вчера бабушка с дедушкой говорили!

- Ну, говорили. Ну и что? Старики всего боятся. Да и вы, городские, – все трусы. Знаю я вас!

Дом Шалая стоял у самого леса. Братья отодрали гнилые доски и проникли в хлев, оттуда в сени, а потом, подергав дверь и сорвав крючок, прошли в избу. Снаружи дом выглядел небольшим, а внутри оказался огромным, с множеством кладовок. В нос шибал затхлый воздух, запах гнили. Мальчики обходили все помещения, холодея от страха и ожидая увидеть что-то жуткое, но, кроме обычной крестьянской утвари и множества развешенных над печкой пучков травы, ничего не встречали. Лишь в одном чулане полки были уставлены уродливыми глиняными фигурками и множеством коробочек. Петя взял одну из них и открыл. Оттуда посыпался какой-то порошок. Сразу захотелось чихать, поэтому оба тут же выскочили из чулана.

- Пойдем отсюда, – взмолился Коля. Но выйти из дома оказалось непросто: заблудились, как в лесу, бродили кругами по избе, пытаюсь найти ту дверь, через которую вошли. У Коли уже слезы наворачивались на глаза, как вдруг он увидел лежавший на полу дверной крючок, который указал им выход ...

- Ерунда, – говорил Петя, размашисто шагая по дороге. – Я думал там шкелеты какие по углам стоят, а ничего особенного нет. Только язык у меня сильно щиплет.

- И у меня, – сказал Коля. – Будто кипятком обжог.

Сильное жжение в языке было не единственным последствием этого похода. Коля чувствовал, что мир вокруг него изменился: из приветливого стал враждебным. Ласковое солнышко теперь казалось бурлящим огнедышащим котлом, облака в небе будто несли в себе угрозу, деревья вокруг стали злыми многорукими великанами, а запах клевера и скошенной травы раздражал.

Когда мальчики вышли на деревенскую улицу, им встретила тетя Глаша. Коля уже знал эту женщину: на днях она

приходила к бабушке в гости, угощала детей пряниками и рассказывала им смешные деревенские байки.

- Никак из лесу идете ребята? Как там нынче малина?

Почему-то Коля почувствовал к этой женщине сильную злобу.

- А никак, – буркнул он и ускорил шаг, догоняя брата. Наверное и Петя был в похожем состоянии. Когда они зашли в свой двор и Шарик бросился к Пете, ожидая ласки, тот пнул его ногой. Шарик завизжал, забрался в свою будку и смотрел оттуда затравленно и удивленно.

Бабушка усадила внуков за стол, поставила перед ними дымящуюся миску с густыми щами, положила по большому ломтю хлеба и вручила деревянные ложки. Мальчики переглянулись. Петя, запинаясь, пробормотал:

- Мы сейчас есть не будем. Мы, это, ... малиной объелись.

- Ты чего заливаешь? Хоть бы и объелись, пока из лесу шли, все протряслось.

- А мы ещё потом на землянику напали, – Коля учился врать у своего брата.

Бабушка внимательно на него посмотрела.

- Вы, ребята, чего такого наелись, а? Признавайтесь. Злые пришли, как медведи-шатуны.

- Они языки чем-то обожгли, – выдала их сестра, подслушавшая, как братья шептались возле умывальника.

Бабушка, удивленная и растревоженная, опустила на лавку.

- Молока холодного выпьете? – наконец вымолвила она. Оба брата согласно закивали головами...

Через некоторое время бабушка наедине допрашивала Колю, и тот во всем признался.

- Этого я и боялась, – сказала она и, помолчав, добавила: – Значит так, завтра пойдём в монастырь к священнику, иначе будет хуже...Горе горькое! Тебя ведь, Коля, как крестили младенцем, так с тех пор в церковь ни разу и не водили. Да крестили-то тайком, будто что дурное делали. Вот какие нынче времена.

Спустя много лет, Николай, вспоминая бабушку Веру, удивлялся, откуда столько мудрости в простой советской колхознице. Ведь не к врачу повела, не к местной ворожее снимать порчу, а к священнику. Позже мать открыла семейную тайну: бабушка Вера была не простой крестьянкой, а дочерью сельского пристава, расстрелянного большевиками. До революции она успела закончить трехклассную церковно-приходскую школу и всю жизнь много читала, благо от отца осталась большая библиотека. От родителей она унаследовала веру в Бога, которую сохранила на всю жизнь.

В то утро, проснувшись, Коля понуро сидел на кровати, уставившись в одну точку. Жжение языка уменьшилось, а может быть, он просто притерпелся. Обычно он по утрам бодро вскакивал с кровати, предвкушая счастливые события нового дня. Теперь всё это куда-то ушло, на душе было тоскливо.

В монастырь они с бабушкой пошли вдвоём. Петя идти наотрез отказался, сказал: «Язык у меня уже проходит», – и убежал с друзьями на рыбалку.

За полуразрушенными монастырскими стенами росла высокая трава. В храме был устроен склад, рядом стоял трактор с прицепом. Они подошли к деревянному дому. Сначала бабушка разговаривала с какой-то старушкой, потом они зашли в дом и оказались в комнате, стены которой были сплошь увешаны иконами. Седой старичок в черной рясе с крестом на груди погладил Колю по плечу и ласково сказал:

- Ну, сынок, рассказывай без утайки, в чем провинился перед Богом.

Коля поведал обо всем, что с ним случилось вчера.

- Вот видишь, непослушание к какой беде может привести. Каешься в том, что не слушался старших?

- Да, – сказал Коля, захлёбываясь слезами.

Потом батюшка долго читал молитвы, а после этого вынес отливающую золотом чашу и ложечкой вложил Коле в рот что-то вкусное.

На обратном пути Коля расспрашивал бабушку:

- А почему у них в комнате так много икон?

- Это домашняя церковь, – отвечала она, а потом строго сказала:

- Никому не говори, куда мы ходили и что видели. Ни Пете, ни Нине, никому. Только папе с мамой можешь рассказать, когда они приедут. Понял?

- Да, понял. А что это за птичка так красиво поет?

Не дожидаясь ответа, Коля подпрыгнул, пытаясь поймать разноцветную бабочку, а потом вприпрыжку побежал за ней по лугу, усыпанному ромашками...

Сорок лет прошло с тех пор. Уже двадцать лет нет на свете бабушки Веры. Две стройных сосны выросли на её могиле. Недалеко и могила Петра: бедняга умер от пьянства, не дожив до тридцати семи лет.

* * *

В субботу игумен вернулся из города, привез колокол и бригаду рабочих для его установки. Колокол освятили, потом все насельники монастыря собрались у храма и переживали волнующие минуты: подъемный кран медленно поднимал на колокольню десятипудового бронзового красавца. Николай посмотрел на игумена: было видно, что тот напряженно молится.

Всё прошло успешно. Отец Трифон, сияя лицом, подошёл к Николаю, пригласил его сесть на скамейку и рассказал:

- В архиве я ничего об этом священнике не нашёл, но старичок, что у нас заведует архивом, вспомнил, что в монастыре была община Катакомбной Церкви. В тридцатые годы всех арестовали, а в хрущевские времена кое-кто вернулся и снова осел в монастыре. Так что тот священник, про которого вы спрашиваете, скорее всего, из бывших катакомбников.

- Он меня причащал, когда я был мальчиком. Это признаётся нашей Церковью?

- Конечно признаётся. Никаких канонических препятствий здесь нет. Катакомбники, иосифляне – они ведь от-

личались от нас только тем, что Советской власти не признавали и во время службы её не поминали. Поэтому власть к ним была беспощадна. И обычных, легальных священнослужителей большевики уничтожали тысячами, но при этом надо было придумывать какую-нибудь контрреволюционную организацию, искать свидетелей, добиваться признания. С катакомбниками было проще: они, по определению, враги Советской власти, тайная организация. Их, когда находили, то сразу – или к расстрелу, или в лагерь по 58-й статье. Это были не просто верующие, а очень мужественные в вере люди. Каково это жить и знать, что в любой момент за тобой могут придти, забрать, и твоя жизнь земная оборвется. Какую сильную веру и какое мужество надо было иметь!

Отец Трифон вздохнул и перевёл взгляд на колокольню, где, судя по всему, работа уже шла к концу: к колоколу привязывали язык.

- А Катакомбная Церковь, насколько я знаю, была в основном уничтожена ещё до войны. Те, кто выжил и потом выходил из лагерей, присоединялся к Церкви Московского Патриархата. А среди тех, кто нынче называет себя катакомбниками, – много просто раскольников. Никакого отношения к мученикам за веру они не имеют. Сейчас за веру не преследуют, скрываться ни от кого не надо.

- А в шестидесятые годы разве были преследования священников? – спросил Николай.

- Расстрелов не было, но в тюрьму сажали. Могли посадить за то, что служит без регистрации. А уполномоченные зверствовали, лишали регистрации без всяких причин. Сотни священников было осуждено в годы хрущёвских гонений, половина приходов была закрыта.

Да, вот эти самые слова: «уполномоченный», «регистрация», слышал Николай когда они с бабушкой стояли у крыльца монастырского дома. Будто машина времени перенесла его в прошлое, и в памяти снова стали всплывать картины того давнего утра.

- Нельзя к батюшке, не принимает он никого, – говорила старушка, стоя на крыльце.

- У нас дело очень важное, – умоляла бабушка.

- Строго настрого ему запретили...

В это время в дверях появился священник:

- Пусть заходят, раз дело важное.

- Батюшка, ведь уполномоченный что сказал: «Раз вы без регистрации – никого не принимать, иначе арестуем». – Старушка перешла на шепот:

- Сторож следит, может донести, – она показала в сторону храма, где был устроен склад.

- Не властей надо бояться, а Бога, – сказал священник и повел посетителей в дом.

А ещё Николай вспомнил, что через несколько дней соседка говорила бабушке:

- Батюшку нашего из монастыря увезли, и никто не знает куда...

«Вот оно когда всё вспомнилось, – думал Николай, сидя на скамейке возле храма. – Дорого же обошлось моё спасение».

- Скажите, отец Трифон, – наконец вымолвил он, – можно отслужить панихиду по этому священнику, если имя его неизвестно?

- Можно, – отвечал игумен. – Господь имя его знает.

И будто в подтверждение сказанного мощно ударил новый монастырский колокол, созывая братию на вечернюю службу.

2013 г.

БЕЛОРУССКИЙ ДНЕВНИК

Авария на Чернобыльской АЭС произошла в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года, когда ошибочные действия операторов привели к мощному тепловому взрыву, разрушившему корпус реактора. Столб графитовой пыли и дыма, достигавший высоты один километр, висел над реактором 10 дней.

В результате в атмосферу были выброшены радиоактивные вещества, общая активность которых в 90 раз больше, чем у атомной бомбы, взорванной над Хиросимой. По охвату территории эта авария не имеет себе равных: от Абхазии до Швеции, от Карпат до Калуги – везде обнаружались земли, загрязнённые радиоактивностью.

В ликвидации Чернобыльской аварии принимало участие более 300 тысяч человек. Об их судьбе написано не мало, здесь речь пойдет о другом. Я хочу предложить читателям выдержки из своего дневника 23-х летней давности. В то время я жил в городе Гомеле, областном центре с полумиллионным населением, который, как и многие города Белоруссии, был накрыт Чернобыльским облаком. К своим старым записям я кое-где добавил комментарий, который помещён в скобках.

* * *

26.04.1986. Суббота. Тёплый солнечный день. Утром всей семьёй сели в машину и через полчаса были на Мельниковом лугу. Деревья стоят уже в зрелой листве, на земле нежная травка. Вода в реке ещё по-весеннему мутная. Поиграли в мяч, набрали молодого щавеля, завтракали на высоком берегу под дубами. Дочки резвились, как котята. Хорошо бы приезжать сюда почаще. <Эта прогулка на много лет стала нашим последним доверчивым общением с природой>.

27.04.86. Вчера по Би-Би-Си услышал об аварии на атомной электростанции где-то на Украине, а сегодня, на удивление, о том же говорит Москва. Сообщают о жертвах среди персонала и возможной эвакуации жителей города Припяти. Нашёл на карте этот городок и измерил расстояние от него до Гомеля. По прямой 140 км. Далеко, не долетит. Успокоил своих. И всё-таки Елена Степановна <тёща> решила наш щавель выбросить. Я хотел возразить, но вспомнил, как вчера, возвращаясь из гаража, попал в странный песчаный вихрь. А ведь и вчера и сегодня дует сильный ветер с юга.

29.05.86. Оказывается, в лаборатории общей физики есть детектор гамма-излучения, правда, стационарный. Проверял свою одежду, обувь. Сильно фонят ботинки (как раз в них я попал в песчаный вихрь), снял их, долго мыл тряпкой под краном в раковине – фон уменьшился, но не намного. Вышел к своей машине, потёр тряпкой крышу, вернулся и поднёс тряпку к детектору. Фон такой, что удивился даже лаборант. Машину надо срочно мыть, а ботинки придётся выбросить. Видимо, пыль въелась в пористую подошву.

30.04.86. Явной паники нет, но люди озабочены. Расхватывают минеральную воду в магазинах. По местному радио выступал специалист по радиационной безопасности, советовал держать форточки закрытыми, делать йодную профилактику (капля йода на полстакана воды). Тем не менее, завтра всех гонят на первомайскую демонстрацию. Как куратору группы, мне надо явиться, проверить наличие студентов и получить транспаранты. <Я работал тогда в университете доцентом кафедры радиофизики>. Приду вместе с дочкой, но убежим из колонны в церковь: завтра Великий Четверг.

9.05.86. Ползут упорные слухи, что может рвануть ещё раз и что городское начальство вывозит свои семьи. Сегодня были, как обычно в День Победы, на кладбище – на могиле отца. Были поражены безлюдностью – ведь обычно в этот день здесь толпы людей. Стало как-то не по себе.

15.05.86. В магазинах плохо с молоком. Иногда выставляют бутылки с надписью: «молоко только для взрослых». Люди смотрят оторопело, пытаются понять, что это значит. А значит это то, что радиационный контроль не дремлет.

Вокруг Припяти ограждают территорию радиусом 30 км, откуда будут отселять всех. В нее попал и райцентр Чернобыль. <Всего было отселено 140 тысяч человек>.

Взял учебник по радиационной безопасности. Эту науку мы не проходили, тогда об опасности радиации не было и речи. <Я закончил Московский физико-технический институт в 1970 году по специальности «ядерная физика», но в

дальнейшем работал в другой области. Ядерная физика – это фундаментальная наука, изучающая строение материи. К сожалению, у нее есть уродливое детище – ядерная энергетика, которая возникла как побочный продукт военных технологий>.

20.05.86. Через город едут колонны автобусов с зажжёнными фарами: развозят бедных детишек по всей России – подальше от радиации. Кроме выпускных классов.

Отправили и мы своих дочерей с Еленой Степановной на ее родину в Вологодскую область. В начале июля мы тоже приедем туда и проведем лето в деревне.

На вокзале видели переселенцев, много стариков. Сидят на своих узлах, вид подавленный. Жалко их до слёз. Ведь пережили страшную войну, оккупацию и уже ничего плохого от жизни не ждали. Но нет, под старость, когда так хочется покоя, надо бросать своё жилище и куда-то переезжать.

25.05.86. Ходишь по улицам города и чувствуешь: что-то не то. Потом начинаешь понимать – город остался без детей. Становится жутковато. А ведь недавно смотрел с дочками диафильм-сказку «Гамельнский крысолов», где герой сначала вывел из города крыс с помощью волшебной дудочки, а когда ему не заплатили положенного, из мести вывел из города всех детей. Странная близость названий: Гамельн – Гомель.

28.05.86. Ходили в церковь на вечернюю службу. Наверное, никогда не забуду безумное лицо молодой женщины, которая без конца повторяла одну и ту же фразу: «Верните мне мою землю!» А земля её мертва, огорожена колючей проволокой и будет мертва ещё 200 лет.

3.06.86. Вчера приезжал академик Велихов, я слушал его выступление. Говорил, что в середине мая была опасность возникновения неуправляемой цепной реакции, а значит и настоящего ядерного взрыва. Но теперь всё позади. Рассказал, как с вертолётов бросали в дымящийся реактор мешки с песком и свинцом, но перестарались – треснул фундамент. Если радиоактивность протечёт в реку, то Киев останется

без воды. Начали делать саркофаг. Сказал, что доза, полученная жителями Гомеля, небольшая, не более 0,5 рентгена, и в дальнейшем будет не более 0,5 рентгена в год. А вот он сам, ещё до аварии получил 5 рентген, и ничего страшного. Сказал: не поддавайтесь радиофобии.

Лукавит академик: его доза – за счет внешнего облучения, а у нас – внутреннее облучение, которое мы получаем за счет радиоактивной пищи и вдыхаемой пыли. Разница по воздействию на организм – огромная.

<Сразу после аварии жители получили облучение за счёт радиоактивного изотопа йода, и с тех пор заболеваемость щитовидной железой подскочила в несколько раз. В последующем огромные территории оказались стабильно загрязнёнными долгоживущими радионуклидами (цезием-137 и стронцием-90) с периодом полураспада около 30 лет. Эти элементы накапливаются в растениях и животных, вовлекаются в биологический цикл. Попадая в наш организм через пищу и дыхание, они многие годы не выводятся из него, облучая его изнутри. Меры по дезактивации местности оказались практически бесполезными. Не эффективна также пропаганда мер безопасности среди населения, поскольку человек не может жить в отчуждении от природы. В итоге, несмотря на кажущиеся небольшими дозы, произошло возрастание заболеваемости среди жителей загрязнённых территорий>.

5.06.86. Мой коллега, преподаватель, изготовил портативный дозиметр и делал измерения у себя на даче. Радиационный фон 40-50 мкР/час. (при норме не более 20). Не знает, что делать с небывалым урожаем клубники. Хорошо, что мы ещё не обзавелись дачей. <Дозиметр измеряет гамма-излучение в воздухе, что позволяет оценить полученную человеком дозу внешнего облучения. Для измерения радиоактивности продуктов нужен более сложный прибор – радиометр>.

А дозиметр все-таки делать надо. Главное – достать гейгеровскую трубку, а электронику сделать нетрудно. Звонил

друзьям в Курчатовский институт, в Протвино, просил эту самую трубку. Нет, уже всё поразбирали. Не я один интересуюсь радиацией.

10.06.86. В Киев съехались врачи – спасать умирающих от лучевой болезни. Пресс-конференция. Знаменитый специалист по пересадке костного мозга, вид очень довольный, американская улыбка, в шортах и почему-то в шлёпанцах на босую ногу.

25.06.86. Судят руководство АЭС. Картина проясняется. Операторы в ночную смену проводили запланированные кем-то в центре испытания, но им мешала аварийная защита, которая срабатывала и гасила мощность, и они её отключили. Это была роковая ошибка. На нее наложилась случайность: позвонил диспетчер из Киева и попросил прибавить мощность, что они и сделали. Когда начался перегрев реактора, они включили защиту, но было поздно: реактор пошел в разнос. Взрыв разрушил зал управления, сорвал крышу реактора. Что думали перед смертью эти два человека, когда ночью дразнили запертого в бетонные стены джина, мощность которого миллион киловатт?

Пожарные стали следующими жертвами. Они делали то, что должны делать пожарные: встали у открытого жерла реактора и лили в это адское пламя воду из шлангов. Конечно, противорадиационных костюмов у них не было, да и не спасет никакой костюм от реакторных нейтронов. Все 29 человек умерли в течение недели. В медицинском справочнике прочитал об остром радиационном поражении – это мучительная смерть: рвота, сильная головная боль, красная кожа, высокая температура.

10.09.86. Открылся доступный всем пункт радиационного контроля продуктов. Картошка и другая огорожина в окрестностях Гомеля, кажется, в пределах нормы. Хуже с дарами леса. Знакомый набрал белых грибов и носил проверять. Ему сказали: «Ваши грибы надо закопать на глубину не менее метра». Та же ситуация и с рыбой. А вот сосед по дому говорит: «Я ни в какую радиацию не верю. Я и в лес

хожу и на рыбалку, а грибов и ягод запасли – на всю зиму хватит». <Сосед и его жена умерли в 1991 году. Им было около пятидесяти лет>.

12.09.86. Рассказ воспитательницы детского сада из города Хойники. «Стараемся держать детей в помещении. На прогулке то и дело кричишь: «Дети на траву не садиться. Елочку руками не трогать, там радиация».

15.09.86. Привез из Ленинграда гейгеровскую трубку (подарил знакомый из ЛГУ). Очень толковый оказался у меня студент-дипломник: сам нашел схему и сделал дозиметр с цифровой индикацией в корпусе от карманного приемника. Вчера вместе калибровали его на эталонных источниках.

В центре города, где асфальт хорошо промыт, уровень радиационного фона 25 мкР/час, на окраинах больше. У нас в квартире – 30. Это теперь считается нормой. Жить можно.

20.09.86. Золотая осень. Удивительно ласковое солнце. Поехали на Мельников луг. Сели под нашими дубами, я положил дозиметр на землю и через минуту он высветил показание: 70 мкР/час. Пошли искать другое место и нашли почти чистое: как у нас в квартире. Я, как сталкер из фильма Тарковского, водил жену и детей по местам, загубленным пришельцами из чужой цивилизации. Побродили по берегу реки. Как гордились гомельчане, что Сож – самая чистая река в Европе! Назад ехали унылые. Молчали даже дети. Может быть, к следующему лету станет чище. <Стало, но не намного. Радионуклиды перемешались, распределились более равномерно, но никуда не делись>.

1.10.86. Опубликовали карту загрязнения территорий. Конечно, большая часть радиоактивности попала на Белоруссию. Случайно ли это? В Белоруссии совсем немного храмов. В таком крупном областном центре, как Гомель, – небольшой храм, в котором всегда тесно.

<Многострадальная земля! Большевики задумали сделать её первой безрелигиозной республикой. К лету 1939 года на территории Белоруссии не осталось ни одного офи-

циально действующего православного храма, даже обновленческого. Почти все священники, в том числе епископы, были расстреляны, и вплоть до лета 1941 года богослужения нигде не совершались, за исключением двух катакомбных церквей: в Гомеле и Могилёве».

А вот Чернигов, судя по карте, остался чистым, хотя он гораздо ближе к Припяти. Я вспомнил наши поездки в Чернигов. Белокаменные храмы времён Киевской Руси стали музеями, в них всё кажется чуждым, даже иконы. И когда после этого холодного великолепия попадаешь в небольшой действующий деревянный храм, то поражаешься царящей в нём благодати. Оказывается, там лежат мощи святителя Фодосия Черниговского. Не его ли молитвами радиацию пронесло мимо города?

30.10.86. Конечно, Гомель переселять не будут. Город отнесён к «зоне добровольного отселения». Жители постепенно успокоились, получают небольшую доплату, которую прозвали, конечно же, «гробовыми». В окрестностях города примерно определены места, куда ходить не следует. Идет постоянная проверка продуктов, почвы, воды, воздуха. Но как мучительно человеку жить в мире, где каждая былинка, каждый кустик кажутся врагами.

Мой крёстный прислал свое стихотворение, посвященное нашей беде. Привожу его здесь.

К. И. Вальков

Чёрная быль России

*Чёрная быль России, чёрная боль эпохи,
Чёрные траектории кровавых атомных стрел.
Неба на них распятого огненные всполохи,
Чёрной земли поруганной последний почти удел.*

*Белых больничных коек международная выставка,
Чёрные крылья воронов, летающих на пир.*

*- Братья наши и сёстры! Если вы можете выстоять,
Подайте костного мозга,
чтоб нам возвратиться в мир!
В мир, где кипят заседания,
где делятся пресс-конференции,
Где пляшут в свете юпитеров упитанные слова,
Где меряют путь к спасению
параграфами конвенций,
Где в щели этих конвенций погибель наша вплыла.*

*Папы наши и мамы! Знали ли вы, что делали,
Когда без креста призвали нас
на этот огненный Крест?
Спешите теперь к слетевшимся,
стучитесь в халаты белые,
Молите их о спасении, если спасение есть.*

*Хоть каплю крови подайте нам! Или воды немного,
Но только той – чистой, истинной,
не знавшей нашей беды.
Пока мы чернеем медленно, зовите на землю Бога,
Бегите тропой заросшею, ищите Его следы!*

*Быть может, ещё сумеете
взобраться на колокольни,
Быть может, ещё успеете
ударить в колокола?
О, братья наши и сёстры!
Нам трудно, страшно и больно!
О, сделайте землю такую, какую она была!*

2009 г.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ НА ШЕКСНЕ

Как-то, ещё в советские времена, гостил я у родственников в деревне Квасюнино Шекснинского района Вологодской области. Здесь услышал я дошедшие от дедов воспоминания о восстании крестьян после прихода к власти большевиков. Рассказывали всё это тогда с некоторой опаской. Позже, уже в нынешнюю эпоху, я прочитал об этих событиях в альманахе «Череповец» (выпуски 1 и 2). Документы и воспоминания о том времени и легли в основу этого рассказа.

Восстание, охватившее в конце 1918 года ряд волостей Череповецкого и Вологодского уездов, известно в истории как Шекснинское. По своим масштабам и продолжительности оно уступает Ярославскому, Тамбовскому и другим крупным выступлениям крестьян против большевиков. Все эти восстания, включая Шекснинское, заканчивались разгромом, последующим расстрелом наиболее активных участников и массовыми репрессиями. После некоторой передышки, называемой НЭПом, уничтожение лучших крестьян продолжилось во время коллективизации, а оставшихся обрекли на нищую жизнь колхозных рабов. И даже расцвет колхозов в 1970-1980-е годы, как теперь видится, был лишь агонией, перед той разрухой, в которую нынче опустилась русская деревня. А начиналась война с деревней тогда, в 1918 году.

* * *

Лето 1918 года выдалось добрым, урожайным. Накосили сена для скота, натеребили льна, убрали рожь, картошку и другую огородину. Хотя и не хватало мужских рук, но ничего, управились. Казалось бы, радуйся крестьянская душа, да навалилась беда, какой и старики не припомнят.

Сначала волостное начальство объявило каждому двору налог, да такой, что оторопели крестьяне. Конечно, никто добровольно своё добро никуда не повёз. Потом приехал в деревню отряд солдат на подводах. Старшим у них был здоровенный матрос с маузером на поясе. Ходили по дворам,

искали спрятанное зерно, а что находили, забирали полностью. Бабы цеплялись за мешки, голосили. Солдаты матерились, били их прикладами по рукам, грузили мешки в подводы.

Конечно, ничего бы не нашли чужаки, да свои подсказывали, из тех, что бедняцкий комитет образовали. Было таких на деревне всего-то три человека, а сколько вреда наделали. И не то беда, что они бедные, а то, что лентяи да завистники.

И ещё одна напасть – в Красную армию забирают, уже многие и повестки на мобилизацию получили. А ведь обещала новая власть «мир народам», но вновь гонят на войну, да воевать-то не с немцами, а со своими, русскими.

В избе Фёдора будто траур по покойнику. Причитает жена, подсчитав оставшиеся запасы. Затихли дети. Сам хозяин сидит за столом и сжимает кулаки: «Вот ведь как обернулись нам декреты столичной власти, ведь теперь и до марта не дотянуть». Старик отец приподнялся с лежанки: «Бога мы прогневили, по грехам нашим и наказание». «Чем же прогневили?» – спрашивает Фёдор. «А летом, когда царя нашего расстреляли со всей семьёй, разве кто поминал убиенных? И панихиды по ним никто не заказывал. А ведь сказано в писании: *не прикасайтесь помазанным Моим...*»

* * *

Как обычно, к началу декабря потеплело. Снег, выпавший в середине ноября, начал таять. Река Шексна, начавшая было уже затягиваться ледком, вновь открылась.

Гудел колокол в Чаромском, созывал людей на волостной сход. На площади перед волостным правлением яблоку негде было упасть. С высокого крыльца говорил старый крестьянин:

- У меня два сына на Германской погibli, а теперь третьего забирают. Коммунисты только год у власти, а замордовали нас, крестьян. Стон стоит по деревням. Скоро впору с

сумой по миру идти. Нет, нам такая власть ни к чему! Мы за Советы, но без коммунистов!

Поднялся на крыльцо подпоручик Николай Шерстнёв. Он был из крестьян-староверов Ягановской волости, тридцати лет отроду. В 1914 году он закончил школу прапорщиков, на войне отличился храбростью, за что был награждён Георгиевским крестом и произведён в офицерское звание.

- Коммунисты долго у власти не продержатся, их дни сочтены. Из Архангельска идут наши войска вместе с союзниками-англичанами. Из Сибири идёт Чехословацкий легион. Мужики! Хватит сидеть по углам, как тараканы. Кому дорог свой дом, беритесь за оружие! В Чуровском уже сформирован полк. Соединимся с ним, пойдём на станцию Шексна. Захватим этот важный железнодорожный узел, потом на Череповец ...

Вынесли из правления мобилизационные списки и другие бумаги, сожгли на площади. Заодно бросили в костёр сорванный с правления красный флаг. Военком и другие члены исполкома давно разбежались. Тут же начали формировать военный отряд. Добровольцев нашлось около 120 человек. Ключей от склада с оружием не нашли, взломали двери, раздали винтовки, но всем не хватило. Кое-кто принёс из дома свои, но всё равно половина отряда оказалась без оружия, маловато было и патронов.

В тот же день после обеда двинулись в Чуровское. В этом большом торговом селе, где были почта, телеграф, телефон, находился штаб восстания. Там прошёл ещё один бурный митинг. Оказалось, что кроме чаромских и чуровских, восстали также крестьяне из Поченковской, Усть-Угольской, Петреневской, Ягановской, Почаевской, Ивановской, Даргунской, Братковской волостей. Везде громили исполкомы, попавших под руку активистов били и сажали под замок.

На ночлег чаромские разбрелись по избам родственников и знакомых. Часть заночевала в большом добротном доме, который раньше принадлежал священнику, а летом, когда объявили декрет об отделении Церкви от государства,

был отобран под здание военкомата. Священник Николай Соколов вместе с семьёй уехал куда-то, и с тех пор стоящая рядом церковь Рождества Богородицы бездействовала.

Реквизиция хлеба

Утром 1-го декабря повстанцы собрались на площади возле церкви и сделали переключку. Седой полковник и ещё три офицера выбрали тех, кто имел оружие и знал военную службу. Получился отряд триста человек.

- Ну, ребятки, кого хотите командиром? – обратился полковник к крестьянскому воинству.

- Шерстнёва! – раздалось сразу несколько голосов.

- А может кого постарше чином?

- Нет, давай нам Шерстнёва, он наш генерал.

Мужики засмеялись. Кличка «генерал» была дана Шерстнёву ещё в детстве за то, что был заводилой в ребячих играх и любил покомандовать. Конечно, были в штабе вос-

стания офицеры старше его по званию, но Шерстнёв был свой, крестьянский. Среднего роста, худощавый, он отличался неукротимой энергией и редкой способностью увлечь за собой людей.

Разделили отряд на роты и взводы, командирами которых назначили бывших унтер-офицеров и фельдфебелей. Колонной по два во главе с Шерстнёвым двинулись на станцию Шексна. Следом на санях везли продовольствие, медикаменты, фураж. Дисциплины в войске было мало, шли шумно, смеялись, сбивали строй. Лишь на подходе к станции затихли, подтянулись. Версты за две до станции командир скомандовал: «Привал! Можно перекусить». Сам он напряжённо смотрел вперёд, ждал, когда вернётся разведка. Наконец, на дороге появилось двое конных. У одного из них за спиной сидел кто-то третий в солдатской шинели и в островерхой шапке с красной звездой. Когда они спешили, Шерстнёв бросился к этому третьему и обнял его. «Митя, дорогой, я уж думал, ты пропал!» Он повернулся к стоящим рядом соратникам: «Это поручик Белов, два месяца служил у красных по нашему заданию. Тоже из местных. Ты, Митя, звезду-то оторви, а то ещё шлёпнут тебя наши». Тот послушно снял шапку, вывернул наизнанку и снова надел. Было видно, что поручик сильно устал.

- Ну, давай, докладывай обстановку, – торопил его Шерстнёв. – Вот здесь рисуй, на снегу. – Он поманил к себе командиров рот. Все склонились, глядя на план, который поручик саблей вычерчивал на снегу, и слушали его рассказ.

- Всего в отряде охраны 70 человек. Про восстание они, конечно, знают. Так, что подойти незаметно нам не удастся: у них часовые на башне сидят.

- Пулемёты у них есть? – спросил Шерстнёв.

- Было два, – отвечал Белов. – Теперь нет. Я ночью бойки вынул, а запасных у них нет.

- Ну, молодец, поручик! – Шерстнёв радовался как ребёнок. – Значит, сделаем так: ты берёшь роту, идёте в обход через Барбач, выходите вот сюда. Ротой командовать

сможешь? – Тот кивнул. – А мы выйдем сюда, начнём перестрелку и будем вас дожидаться. В общем, возьмём их в клещи. А потом вместе атакуем.

Шерстнёв построил первую роту, представил им командира и объяснил боевую задачу.

Бой за станцию продолжался недолго. Когда красноармейцы увидели, что окружены большими силами, то бросали оружие и сдались. Но несколько человек во главе с командиром укрылись в паровозе и продолжали отстреливаться. Их огнём было ранено трое повстанцев. Паровоз развёл пары и тронулся в сторону Череповца. Повстанцы открыли по нему шквальный огонь, но паровоз продолжал набирать скорость.

– Переводи стрелку на тупик! – кричал Шерстнёв железнодорожнику, размахивая перед ним револьвером. Тот помчался исполнять приказ. Паровоз на большой скорости въехал в тупик и опрокинулся на бок. Из чадающего нутра вылезли трое оставшихся в живых. Их застрелили подбежавшие озлобленные повстанцы. Убитыми также оказались машинист и кочегар паровоза.

Взятых в плен заперли в станционном помещении и поставили караул. Кое-кто из них захотел перейти к восставшим. Белов взял к себе в роту трёх молодых прапорщиков, которых хорошо знал.

Захват станции восставшими был серьёзным ударом для Советской власти: нарушалось железнодорожное сообщение, а также телеграфная и телефонная связь Петрограда с Вологдой, с Северным фронтом, с Уралом. В Вологде, в штабе VI Армии срочно был разработан план по ликвидации восстания. Планировалось выступление на станцию с двух сторон: Вологды и Череповца. Уже 1-го декабря в район Шексны со стороны Вологды прибыл вооруженный отряд красноармейцев под командованием И.В. Василевского в составе одной роты и пулемётного взвода. Однако, едва отряд выгрузился из вагонов, как был окружён повстанцами. Большинство красноармейцев предпочло сдаться, а часть

прорвалась и спаслась бегством. В перестрелке командир отряда был убит.

Ночью 2-го декабря поезд с череповецким отрядом, численностью в сто человек, двинулся к Шексне. Командовал отрядом череповецкий военный комиссар В. Я. Королёв. Сначала было решено захватить деревню Курово, где, по предположениям, находились руководители восстания. Однако, несмотря на ночное время, красноармейцы были встречены сильным ружейным огнём и поспешили укрыться в поезде на платформах, за мешками с песком. Поезд двинулся в сторону Шексны, обстреливая деревни, расположенные вдоль железнодорожного полотна, но возле Усть-Угольского переезда остановился: пути были завалены старыми рельсами и шпалами. В это время начался сильный обстрел поезда из придорожных кустов, подходящих к самой железной дороге. Состав срочно дал задний ход и вернулся в Череповец.

Так повстанцы во главе со своим крестьянским генералом отбили две атаки.

День 2-го декабря проходил спокойно. Повстанцы развезли по домам раненых и тела убитых. Разбирались с трофейным оружием, делили боеприпасы, отсыпались. Все понимали, что спокойствие это временное, затишье перед бурей. Шерстнёв поскакал в Чуровское комплектовать новые отряды. В Чуровском, в штабе восстания, шумно спорили о том, как действовать дальше. Бывшие офицеры Иванов, Колчановский, Соколов, а также полицейские Цветков, Чистоткин считали, что надо немедленно захватить Череповец, благо гарнизон там слабый. Укрепиться в городе и дожидаться подхода Белой армии из Архангельска. А крестьяне Железнёв, Шурыгин, купцы братья Лохичевы считали, что надо держать оборону вокруг своих волостей и поднимать восстания в соседних уездах.

Шерстнёв предложил сначала все силы собрать на станции Шексна, сделать засады вдоль железнодорожного полотна, чтобы встречать поезда красных, быстро нападать на

них, разоружать и предлагать присоединиться к восставшим. А уже потом, укрепив свои силы, двинуть на Череповец.

Большинство поддержало этот план. Во второй половине дня Шерстнёв привёл на станцию новый полк и расквартировал в ближайших к железной дороге деревнях. Были посланы конные нарочные по деревням за новыми бойцами. Они возили с собой отпечатанные и размноженные воззвания крестьянам, подписанные Шерстнёвым.

* * *

В Череповце, действительно, войск было немного. Рано утром пришёл долгожданный бронепоезд из Тихвина, и к полудню 3-го декабря этот грозный состав с тремя орудиями приблизился к станции Шексна. Начался артиллерийский и пулемётный обстрел деревень, расположенных вблизи железной дороги. Первыми же залпами разбили колокольню церкви в деревне Овинцы. Вскоре огонь пушек перенесли на Чуровское. От мощного артиллерийского огня повстанцы, находящиеся в селе, дрогнули. Отряды, готовые идти к станции, стали редеть: мужики разбегались по домам.

Руководство Вологодскими частями было поручено Четвергову и его заместителю Муравьеву. Их командный пункт разместился на станции Чёбсара.

В деревне Квасюнино крестьяне, услышав пушечные залпы, вышли на улицу и с тревогой всматривались в сторону станции Шексна, до которой по прямой было всего 12 километров. У кого-то там был сын, у кого-то отец или брат. В это время прискакал всадник в солдатской шинели на взмыленной лошади.

– Мужики! – закричал он, – Собирайтесь на помощь своим братьям. Постоим за Русь Святую против извергов и нехристей!

Мужики переглядывались, чесали в затылке:

– Куда нам с вилами против пушек и пулемётов...

В это время на станции шёл кровопролитный бой. Повстанцы сражались с подошедшими из Вологды частями

VI Армии и с череповецким отрядом. У повстанцев кончались патроны, а атака красных отрядов нарастала. Шерстнёв командовал отходить по заросшей ельником лощине, примыкающей к железной дороге. Сам возглавил отряд прикрытия. Благодаря этому, большинство крестьян ушло живыми. Победённые, они расходились по своим деревням.

К вечеру станция была полностью в руках красных. Утром 4-го декабря восстановили железнодорожное сообщение, а к пяти часам дня на станцию прибыл бронепоезд «Степан Разин» из Ярославля. Он доставил конный отряд ЧК в пятьдесят всадников под командованием Я.М. Брука – начальника железнодорожного вологодского Губчека. (Насмешкой выглядит то, что бронепоезд был назван большевиками именем знаменитого предводителя крестьянского восстания). В первую очередь чекисты занялись поиском главарей и активистов восстания. Пятнадцать человек направили в деревню Царёво Ягановской волости, где мог скрываться Шерстнёв. Проводником вызвался быть восемнадцатилетний комсомольский активист из Чуровской волости Павел Сахаров. В своих воспоминаниях, записанных им в 1967-69 годах, он подробно описывает эту экспедицию.

На десяти санных подводах, мобилизованных у местных крестьян, чекисты отправились на задание. Гнали коней во весь опор, пока не добрались до пристани «Анисимовские гряды» у деревни Квасюнино. Там уставших коней отпустили домой, а сами на лодках переправились через реку Шексну. Перевозчик подтвердил, что вчера ночью он перевозил через реку вооружённых людей, похоже, что офицеров.

- Говорили между собой, что с утра собираются в церковь. Праздник у них престольный – Введение. Значит, в Царёво едут, там ведь церковь Введенская.

В деревне Анисимово мобилизовали свежие подводы и помчались дальше. Последующие события П.П. Сахаров описывает так.

«Как ни торопились, но в деревню Царёво мы прибыли поздно вечером. Деревня уже спала, и в доме Шерстнёва

тоже было темно. Без звука окружили дом. Это был добротный дом, всем своим видом показывающий, что здесь живёт крепкий, богатый кулак. Стоял он на краю деревни, как-то особняком от других домов. Несколько человек поднялись на крыльцо и вежливо постучали в дверь. Никто не вышел на наш стук. Стали стучать громче. Вдруг дверь быстро открылась, в её раме появляется сам Шерстнёв с пистолетом в руке. Раздаются почти в одно мгновение два выстрела, и дверь вновь захлопывается на запор. Двое из наших оказались ранеными, к счастью, неопасно для жизни. Все наши попытки голыми руками взломать дверь оказались тщетными. Пришлось послать людей в деревню за топорами, а пока стали из винтовок простреливать дом в окна, в двери, в обнаруженные другие слабые места.

Наконец, дверь была сломана. Осторожно вошли в дом, но никаких признаков жизни никто не подавал. Тщательно обыскали каждый уголок дома, для чего были мобилизованы в деревне фонари. Но Шерстнёв как сквозь землю провалился, не нашли. Лишь к утру обнаружили в хлеву под коровьей кормушкой труп человека, одетого в военную форму без погон. Вытащили на свет. Никаких документов у убитого не оказалось. Труп был ещё тёплым, видимо, одна из пуль, что пускали мы сквозь стены во время простреливания дома, и оборвала жизнь этого человека. Собранные жители деревни Царёво заявили, что этого человека они видят первый раз в жизни, что это, видимо, кто-то из гостей Шерстнёва... А сам Шерстнёв от нас ушёл, из рук ушёл...

На дальнейшем пути арестовали еще в деревне Речная Сосновка братьев Петряковых – активных помощников Шерстнёва. Тоже расстреляли на месте. В течение последующих двух недель работы карательного отряда, с которым теперь я ездил как равноправный боец этого отряда, мы нашли, арестовали и расстреляли в Чуровской, Чаромской, Ягановской, Усть-Угольской волостях, если память мне не изменяет, 14 активных вожakov восстания...».

Из воспоминаний Сахарова видно, что для расстрела крестьянина на месте достаточно было показания одного из его односельчан. Иногда обходились и без посторонних. Примечателен такой эпизод.

«На обратном пути мы арестовали в селе Яганово одного мужичонку, который расхвастался, как он наводил порядка в волисполкоме, когда разогнали коммунистов, как развешивал в волостном правлении иконы и портрет царя повесил, из дому, говорит, принес, как он выгонял всех мужиков в поход против большевиков. Этот кулак принял нас за вооруженный отряд повстанцев, не слышал еще, что восстание уже подавлено. Арестовали и, выяснив, что за птица, расстреляли на месте».

Расстреляв, двинулись дальше. На снегу остался лежать Фёдор, рука его сжимала портрет Николая II в свежеструганной рамке, который Фёдор нёс в церковь на панихиду. Пуля, пробившая грудь императора на портрете, прошла крестьянину через сердце.

В последующую неделю были арестованы многие активные участники мятежа, и по постановлению военно-полевого трибунала расстреляны. Среди расстрелянных были Белов, Цветков, Чистоткин, братья Клавдий и Анатолий Лохичевы, Кудрявцев, Лебедев, Ганичев и другие. Рядовые участники восстания приговаривались к принудительным работам. На те деревни, что были центрами восстания, был наложен удвоенный налог.

Со стороны красных войск потери при подавлении восстания, по официальной сводке, составили 35 человек убитыми и ранеными.

* * *

Некоторым главарям восстания тогда удалось скрыться. Среди них был Николай Шерстнёв. Два года он воевал в Белой армии и вновь оказался в стане побеждённых. Покидать Россию, как делали многие его соратники, он не захотел. В 1923 году, после объявления НЭПа, он с чужими докумен-

тами тайно вернулся в родные края и нанялся батраком на мельницу в деревню Игумново возле села Чуровское. Было невозможно узнать в этом хромом бородатом мужике, выглядевшем лет на сорок, бравого стройного офицера, каким Николай был пять лет назад. Мельник был доволен новым работником, только уж слишком он был молчалив. Только и услышишь от него: «да», «нет» и всё. Ходил вечно мрачный, будто думал тяжёлую думу. Как-то мельник сказал ему:

- Чего теперь печалиться? Развёрстку отменили, налог снизили, торговлю разрешили. Вон какие базары у нас на селе: городские приезжают, продукты расхватывают, свой товар привозят. Только живи, да богатей. Глядишь, скоро будет как при батюшке царе.

Он хохотнул и опасливо посмотрел на Николая.

- Нет, не будет, – неожиданно возразил тот. – Церкви и монастыри позакрывали, священников расстреливают. Значит, жди скоро большой беды. А то, что нынче деревне послабление дали, так это от страха перед бунтом крестьянским.

Да, эти годы сильно изменили Николая. Его память вновь и вновь возвращалась к страшным событиям братоубийственной войны, которые ему пришлось пережить. И мучил вопрос, почему безбожная власть взяла верх. Как ей удалось установить диктатуру меньшинства над большинством? То, что любое крестьянское восстание заранее обречено – это он понял: не могут хлебопашцы одолеть регулярное войско. А вот почему армия Деникина потерпела поражение от красных – этого он понять не мог. «Что мы делали не так? Где совершили ошибку?» – раздумывал он.

Как-то в одной из крестьянок узнал он свою бывшую невесту Лизу. Когда-то они совсем было собрались под венец, помешала война да призыв в армию. Приехала она с отцом, который привез мешки с зерном на мельницу. Судя по виду, была не замужем. Защемило у Николая на сердце, задержал он взгляд на своей бывшей возлюбленной дольше, чем следовало, потому и она внимательно на него взглянула. Нико-

Крестьянам объявляют приговор

лай видел, как она вздрогнула и закрыла рот рукой, видно, узнала. Он сразу ушёл к своим жерновам и больше не показывался, пока она не уехала.

Последний раз он видел Лизу в том мятежном декабре 1918-го. Тогда каким-то чудом ему удалось ползком в темноте выбраться из дома, окружённого чекистами. Он брёл, не зная куда податься, и начинал замерзать в своей лёгкой шинели и фуражке: погода поворачивала на мороз. Ноги сами принесли его в заброшенную пастушью сторожку возле леса, хорошо знакомую ему с детства. У дверей он увидел чью-то фигуру и схватился за револьвер.

- Коля, это я, – услышал он голос Лизы. Она метнулась к нему и прильнула к груди. – Я знала, что, если ты живым от них уйдёшь, то придёшь сюда.

Николай принялся растапливать печурку, а Лиза сходила домой принесла ему тёплую одежду, еду, немного денег и до

утра оставалась с ним. Расставаясь, он сказал ей: «Прощай, милая. Не знаю, увидимся ли когда-нибудь». По лицу её капались крупные слёзы.

Тогда Лиза спасла его. Он был уверен, что и сейчас она его не выдаст. И всё-таки, он решил уезжать отсюда, ведь рано или поздно его кто-нибудь узнает.

Да, Лиза его не выдала, но её отец, который также узнал Николая, побоялся за свою дочь и доложил обо всём секретарю партийной ячейки. Тот незамедлительно связался с Череповецкой ЧК. Оттуда послали двух опытных чекистов, которые, зная о боевых качествах бывшего кулацкого главаря, решили действовать хитростью. Приехав на мельницу, они выдали себя за барышников и сторговали своих коней мельнику. Потом сели с ним за стол отметить эту сделку.

- Давай, зови и работника своего, – скомандовали они мельнику. Только Николай сел за стол, они набросились на него и с криком «вяжи генерала» связали ему руки за спиной. Мельник всё понял и стоял бледный.

Сев на коней, чекисты погнали связанного к пристани. По дороге Николай, жалуясь на больную ногу, упрямил конвоиров сделать привал. Сидя у дороги, он незаметно освободил руки от верёвки и побежал к лесу. Бежал он не быстро, да и не рассчитывал с больной ногой скрыться от чекистов, просто не хотел живым попасть в ЧК. Не пробежал он и тридцати шагов, как пули догнали его. Лежа в траве и истекая кровью, он глядел в чистое синее небо и ему казалось, что вот сейчас он наконец узнает, почему они проиграли битву за Россию, и еще узнает многое из того, о чем только догадывался в своей земной жизни.

2011 г.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ РУССКОГО УЧЕНОГО

К полудню на улицы города густо повалил снег. Александр Степанович встал, подошел к окну своего кабинета и не увидел соседних домов, скрытых в белой пелене. «То-то с утра так ломит голову, – он потирал пальцами виски. – А хорошо было бы до министерства пройтись пешком. Засиделся за бумагами».

Три месяца назад он был избран директором Электротехнического института, который был в ведомстве Министерства внутренних дел, и сегодня министр вызывал его к себе. Предстоящий разговор не сулил ничего хорошего. Александр Степанович уже не раз успел пожалеть, что поддался на уговоры и согласился занять высокую должность. Текущие заботы сильно отвлекали от главного дела его жизни.

Снегопад продолжался недолго. Когда он вышел на улицу, снег уже был изрядно притоптан прохожими. На набережной Карповки, напротив торговых лавок, он увидел толпу, в центре которой на возвышении размахивал руками и что-то запальчиво выкрикивал оратор. Неподдалеку, переминаясь, стояло несколько полицейских.

Александр Степанович вздохнул: «Никак не уймутся. И Дума у нас есть, и все свободы даны. Не хотят заняться полезным трудом. Бунтовать им интереснее»...

В приемной министра сидело трое посетителей: генерал и два чиновника. Александр Степанович сделал поклон в их сторону, потом в сторону секретаря-адъютанта и скромно уселся на стуле, сложив руки на кожаной папке. Минут через пять секретарь провел его в кабинет министра. Генерал, уже привставший в расчете, что пригласят его, был недоволен:

- Кто это такой? – спросил он секретаря, кивая в сторону кабинета.

- Это профессор Попов – изобретатель беспроводного телеграфа.

Генерал сердито нахмурился, кашлянул и хотел что-то сказать, но промолчал. Заговорил его сосед:

- Вот до чего нынче наука дошла – телеграммы можно по воздуху посылать. А слышали, господа, в Германии лучи открыли, человека насквозь пронизывают. Все кости можно видеть.

- Двадцатый век на дворе, – отвечал другой чиновник. – То ли мы ещё увидим.

- Можем и ничего не увидеть, если революционную смуту не разгоним, – раздражённо сказал генерал.

Выйдя из министерства, Александр Степанович взял извозчика и поехал домой. Митинг на набережной ещё продолжался. В этот раз ораторствовала девица с красным бантом, приколотым к куцей шубейке. Она запыленно кричала, надсаживая голос:

- Гордо реет буревестник, чёрной молнии подобный... Буря, пусть сильнее грянет буря!

- Куда же ты, бедная, денешься, если грянет буря, – подумал Александр Степанович.

На улицах Санкт-Петербурга темнело. Заканчивался хмурый декабрьский денёк 1905 года.

* * *

- Ты неважно выглядишь, Саша. У тебя неприятности? – встречала мужа Раиса Алексеевна, с тревогой вглядываясь в его осунувшееся лицо.

- Да, был неприятный разговор с Дурново. Опять о студентах. Оказывается, полиция провела обыск в общежитии и обнаружила запретную литературу. Теперь Павел Николаевич требует, чтобы я отчислил десять студентов. Вручил мне список с фамилиями.

- А ты что, не согласен? – удивилась Раиса Алексеевна.

- Нельзя выгонять из института только за то, что человек прочитал какую-то книгу. За террор, за оружие, за пропаганду – тут я согласен. Да таких уже и отчислили не мало еще при прежнем директоре... Я посмотрел список – там наши лучшие студенты. Я говорю: им разъяснять надо, что нам не революции нужны, а технический прогресс, что толь-

ко он даст народу процветание. А выгонишь их, так они и пойдут в террористы.

- Ну и как? Ты его убедил?

- Нет, не убедил. Он сказал, что, несмотря на нынешнюю автономию институтов, он вправе уволить меня с должности, как и прежнего директора. А я так же спокойно ему ответил, что такому решению буду только рад.

Александр Степанович был мрачен. Несмотря на принятую микстуру, головная боль не отпускала. Короткую молитву перед ужином прочитала жена, а он даже за стол сел сначала не на своё обычное место, чем развеселил своих дочек. Девочки усаживаются, хихикая, а два сына – уже взрослые юноши – сидят серьезные и на отца поглядывают сочувственно.

Слава Богу, у его детей благополучное детство. Как сильно оно отличается от детства их отца, Саши Попова, четвертого ребенка в семье потомственного священника, служившего в рабочем поселке Турьинские Рудники. (Ныне город Краснотурьинск Свердловской области. Поселок стал городом в 1944 году, причем предлагали назвать его «Поповск» в честь знаменитого земляка, но партийному руководству название не понравилось). И вот что интересно: бедность воспринималась тогда как нечто естественное, да и сейчас не вспоминается как что-то страшное. Главное, что была родительская любовь, а ее хватало на всех семерых оставшихся в живых детей.

Родился Саша в 1859 году и был крещён в храме преподобного Максима Исповедника. Его детство проходило возле большого медеплавильного завода. Горные машины, заводская техника привлекали мальчика. К ним домой, в гости к бабушке, приходили горные инженеры, и Саша подружился с ними, выпрашивал об устройстве машин. На заводе наладили производство медных проводов, и Саша бегал смотреть на новую машину. «Зачем нужно так много провода?» – удивлялся он. Знакомый инженер объяснял: «Вот протянут эти провода до самого Екатеринбурга и будут по ним де-

пеши передавать». Саша не отстал от инженера, пока тот не рассказал ему про Вольтову батарею и про невидимый электрический ток, текущий по проводам с огромной скоростью.

Отец Саши, Стефан Петрович Попов был настоятелем храма, а вторым священником был Василий Петрович Словец, который женился на старшей дочери Поповых. Отец Василий, потомок великоустюжских первопроходцев, был мастер на все руки. Он учил племянника разным ремеслам, брал его с собой в уральскую тайгу. Саша рано приобрел навыки, нужные мужчине. Ему нравилось конструировать, мастерить. Позже, приезжая из Петербурга навещать своих родителей, он видел, что они хранят лучшую его поделку – электрический будильник, изготовленный из старых ходиков.

В 12 лет его отдали в духовное училище в Екатеринбурге, где он жил в доме другой своей сестры, которая тоже недавно вышла замуж. Учился прилежно, но мысль о таинственной электрической силе, что сверкает в небе во время грозы или, укрощенная, бежит по проводам, не давала ему покоя. Его сверстники запоем читали Майн-Рида, а он предпочитал Жюль Верна. Раздобыл книгу по физике французского автора А. Гано и углубился в неё, всё больше поражаясь премудрому устройству Божьего мира.

Потом поступил в семинарию в Перми, где также был в числе лучших учеников. Пермская семинария давала не только духовное, но и светское образование. Здесь преподавался гимназический курс математики и физики. Выпускники семинарии нередко шли в учителя, на государственную службу. Вот и Саша Попов в возрасте 19 лет приехал в Петербург, чтобы подыскать себе подходящее место. Здесь уже обосновался его старший брат Рафаил – работал журналистом в издательстве Суворина. Саша остановился у брата и, обложившись книгами, стал готовиться к поступлению в университет. Экзамены он сдал успешно и был принят на физико-математический факультет.

* * *

После ужина Александр Степанович пошел прилечь. Жена вслед за ним вошла в спальню, села у его кровати, измерила пульс, осмотрела глаза, стетоскопом прослушала грудь.

- Завтра, Саша, никуда не ходи, отлежись. Я сейчас сделаю тебе кровопускание.

Она пошла за инструментами. Раиса Алексеевна, выпускница первых в России Высших женских медицинских курсов, работала врачом в госпитале. При этом была замечательной хозяйкой: радушно принимала гостей, а они в доме Поповых бывали нередко, умела разговорить стеснительного гостя, устраивала домашние концерты и сама аккомпанировала на рояле.

Он познакомился с ней, когда студентом второго курса пришёл по объявлению в дом присяжного поверенного Богданова, чтобы давать уроки его дочери. Успешно подготовил её к поступлению на курсы, а потом попытался ухаживать. К его удивлению, она отнеслась к его неуклюжим попыткам благосклонно. А вот её родители, особенно отец, были недовольны таким женихом: дочь – красавица, умница, а тут – поповский сын из захолустья, с манерами простолюдина, в мешковато сидящем поношенном костюме. Но Раисе чем-то приглянулся этот застенчивый юноша. У него была природная деликатность, он хорошо образован, знает историю, бегло читает по-французски и по-немецки, а когда перестаёт стесняться, то замечательно рассказывает о своих родных краях. А главное, была в нём какая-то надёжность, основательность. Отец Раисы вскоре умер, а мать, увидев взаимную привязанность молодых, смирилась, но поставила условие: жениться только после того, как жених закончит учёбу и получит хорошее место.

А пока он был бедным студентом. От брата пришлось съехать: тому и так хватало забот с двумя сёстрами, которые тоже приехали в Петербург. Саша стал подрабатывать в обществе «Электротехник», которое занималось освещени-

ем улиц. Рабочие заменяли газовые рожки на первые электрические лампочки, а он помогал инженерам на электростанции налаживать генератор. На способного и любознательного студента обратили внимание преподаватели, и на четвёртом курсе он, без отрыва от учёбы, стал работать ассистентом профессора. В июне 1883 года он с отличием закончил университет и, несмотря на то, что ему предлагали остаться для подготовки к профессорскому званию, выбрал место, предложенное Морским ведомством: стал преподавателем Минного офицерского класса в Кронштадте. Ему было тогда 24 года. В ноябре они с Раисой обвенчались в церкви Косьмы и Дамиана лейб-гвардии сапёрного батальона, а через год у них родился первенец, которого назвали Степаном.

* * *

После кровопускания ему стало лучше, он заснул, однако ночью проснулся с чувством тревоги и ворочался на кровати, не находя себе места. Чтобы успокоится, стал вспоминать радостные события жизни. А радость приходила к нему в работе, точнее тогда, когда удавалось сделать что-то толковое.

Лет пятнадцать назад, читая научные журналы, он наткнулся на статью Генриха Герца. Немецкий физик открыл электромагнитные волны, по своим свойствам похожие на свет, но невидимые и способные распространяться сквозь толщу вещества. Сам Герц не видел никакого применения своему открытию, да и умер этот выдающийся учёный слишком рано – в 37 лет. А применение напрашивалось: передача сообщений. Особенно остро в этом нуждался военноморской флот, ведь обычная сигнализация флажками или прожекторами становится невозможной в условиях тумана, шторма или морского сражения.

В распоряжении Александра Степановича была мастерская и физическая лаборатория с неплохим оборудованием, поэтому он быстро собрал установку Герца, благо в журнале все элементы были описаны с немецкой точностью. Излу-

чались волны с помощью катушки, дающей мощную искру, а принимались на расстоянии трёх-четырёх метров медным проводом с разрезом посередине. Глядя в лупу на разрез, можно увидеть крошечную искру. Всё работало, как в опытах Герца.

В Европе тоже интересовались новым открытием. Английский физик Лодж для приема герцевых волн применил стеклянную трубочку, набитую железными опилками. Под действием волн опилки слипались, электрическая цепь замыкалась, и звенел звонок. Это более наглядно, чем искорка, но сигналы так не передашь. Установку Лоджа Александр Степанович тоже собрал и опробовал в работе, но самый главный элемент – стеклянная трубочка – оказался очень капризным. Он долгое время возился с ней, менял порошки, подбирал электроды и всё время думал – как передавать сигнал? И однажды его озарило: усложнил схему, добавил реле и сделал так, чтобы молоточек звонка встряхивал трубку. Теперь можно передавать короткие и длинные импульсы, то есть азбуку Морзе, как в обычном телеграфе.

Свою установку он продемонстрировал на заседании Русского физико-химического общества 25 апреля 1895 года. (Этот день, 7 мая по новому стилю, отмечается в России как День Радио). По окончании доклада первый вопрос задал Менделеев:

- Скажите, как вы назвали свой доклад?

Александр Степанович, наслышанный о непредсказуемых выходках Дмитрия Ивановича, запинаясь, повторил название:

- Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям.

- Скромно, батенька, слишком скромно, – сказал Менделеев и, потрясая поднятым вверх пальцем, торжественно произнес:

- Надо назвать так: первый в мире телеграф без проводов!

В зале долго звучали аплодисменты...

Александр Попов и его жена Раиса

Через год появилась публикация итальянца Гульельмо Маркони, где описывался прибор, очень похожий на тот, что демонстрировал Попов. Удивляло то, что автор не ссылался ни на Лоджа, ни на Попова, хотя «Журнал Русского физико-химического общества» за 1895 год, в котором был опубликован доклад Попова, рассылался за границу, в том числе и в Болонью, где работал Маркони. Этот молодой энергичный инженер поспешил запатентовать свой прибор в Англии, а Попов затянул с подачей заявки, поэтому юридически приоритет был у Маркони. Однако фактически первым был Попов, и большинство специалистов в этом не сомневались. Например, во Франции и в Германии отказались выдавать

патент Маркони, ссылаясь на приоритет Попова. Впрочем, самого Александра Степановича мало заботил вопрос о первенстве. (В 1909 году Маркони и англичанину Брауну была присуждена Нобелевская премия «В знак признания заслуг в развитии беспроволочной телеграфии». Попов не попал в этот список, поскольку Нобелевская премия посмертно не присуждается).

Морское ведомство заинтересовалось работой Попова. Выделили средства на оборудование лаборатории, дали двух толковых помощников. Он стал совершенствовать установку, чтобы увеличить дальность связи. Как он тогда работал! Утром учебные занятия, потом опыты в лаборатории или в поле, потом обед дома и снова лаборатория до глубокой ночи. Он пытался понять строптивый нрав загадочных волн, проникнуть в их душу, понять, что они любят, что им надо. И понял важное: волны излучает не сама искра, а проводники, присоединённые к разряднику, а чтобы волны легко отрывались и летели вдаль, нужно один провод поднять вверх, а другой погрузить в землю. И то же самое надо соорудить для приёмного устройства. Получилось! Он приручил диковинного зверя! Дальность связи теперь исчислялась километрами. А принятую морзянку теперь можно записывать самописцем на телеграфную ленту или слушать в наушниках.

Вскоре пришлось испытать своё детище на практике. Зимой 1899 года срочно понадобилась связь между островом Гогланд, у берегов которого потерпел аварию русский броненосец, и побережьем финского залива. Александр Степанович с командой моряков сооружал станцию на финском берегу, а Петр Николаевич Рыбкин – на острове, на расстоянии 47 километров от берега. Беспроволочный телеграф заработал, хотя и с перебоями из-за сильного ветра, обрывающего провода. И тут произошёл случай, заставивший окончательно замолчать скептиков. Группу рыбаков, 27 человек, унесло на льдине от берега в море. Спасти их мог только единственный на Балтике ледокол Ермак, который

в это время стоял у острова Гогланд. С материка на остров послали радиogramму, ледокол отправился на поиски и спас людей. Об этом событии написали многие газеты мира. Попов с его изобретением получил мировую известность.

В 1901 году ему предложили должность профессора в Электротехническом институте. После некоторых колебаний он согласился, поскольку о переезде из Кронштадта в Петербург давно мечтала его семья. Детям надо было учиться: младшим в гимназии, старшим в университете. Кроме того, жалование профессора позволит, наконец, снять квартиру, подходящую для его семьи, в которой было вместе с матерью жены семь человек. Конечно, он собирался продолжать работу на флоте, ведь предстояло внедрять радиостанции на корабли. В руководстве Морского ведомства сомневались, что он сможет полноценно совмещать новые обязанности с хлопотливым делом радиофикации флота, но, в конце концов ему дали разрешение на переход при условии, что он в течении шести лет будет руководить этими работами, а в летние месяцы будет лично заниматься усовершенствованием оборудования и обучением персонала.

Обычно Александр Степанович на всё лето уезжал в Нижний Новгород и работал по контракту директором электростанции на Нижегородской ярмарке, получая за четыре месяца 2500 рублей – в два раза больше, чем за год работы преподавателем. Срок контракта истек только через восемь лет, и, чтобы он смог отказаться от этого договора, Морское ведомство выплатило ему компенсацию – 33 тысячи рублей. Такую огромную сумму выхлопотал для Попова командир Кронштадтского порта адмирал Макаров. Этот прославленный флотоводец сам был изобретателем и прекрасно понимал, какое значение будет иметь радиосвязь в морских сражениях.

Вот с этого времени, с момента переезда из Кронштадта в Петербург, что-то пошло не так в жизни Александра Степановича. Внешне всё выглядело великолепно. Он стал профессором, статским советником, слава его росла, он на-

граждён тремя орденами, его приглашают выступать с докладами и всюду встречают аплодисментами. Он не раз ездил за границу – демонстрировал на выставках своё детище и получал медали. У него теперь хорошее жалование и просторная квартира, и он впервые за двадцать лет съездил с семьёй в отпуск, правда, недалеко, под Лугу, где они сняли дачу.

Но радость из жизни ушла, потому что его главное дело двигалось очень туго.

Судовые радиостанции должны иметь конструкцию прочную, влагонепроницаемую, устойчивую к качке. В кустарных кронштадтских мастерских таких не сделать. Надо было налаживать новое производство. В министерстве никак не хотели этого понять, а убеждать чиновников, выбивать оборудование и материалы – это было не в его силах. У него были свои заботы: радиосвязь на судах оказалась не простым делом – радиоволнам мешала корабельная оснастка. Он с помощниками делал опыты, пытался найти наилучшее расположение антенн...

В 1904 году начали спешно готовить флот к войне с Японией. Попов, будучи на парижской выставке, познакомился с инженером-фабрикантом Э. Дюкрете. Предприимчивый француз взялся изготовлять радиостанции по чертежам Попова. В России таких людей не нашлось.

Первая эскадра ушла из Балтики на Дальний Восток, оснащенная аппаратурой фирмы «Попов – Дюкрете» с дальностью действия до 100 миль. Во Владивостоке и Порт-Артуре были установлены береговые радиостанции. Однако оборудования не хватало, и начальство решило закупать его у немецкой фирмы «Телефункен». Вторая эскадра, отправляясь на войну, сделала остановку в Германии для оснащения кораблей. Александр Степанович был командирован туда, чтобы наблюдать за этим процессом. Из его докладной записки в Петербург видно, что он крайне недоволен происходящим: «Приборы не были никому сданы, и никто не обучен обращению с ними... Заведование прибора-

ми поручено артиллерийским офицерам по приказу, но они в данный момент завалены работой по приему и установке артиллерии»...

С Дальнего Востока стали приходить вести одна другой хуже. Погиб адмирал Макаров: флагманский корабль был потоплен японской торпедой. Страшная новость пришла в мае 1905 года: полный разгром и уничтожение большой эскадры на подходе к Владивостоку. Русские корабли, потрепанные в дальнем переходе, попались в ловушку – вошли в Цусимский пролив, где их поджидал прекрасно вооруженный японский флот. Погибло пять тысяч русских моряков, из них 209 офицеров. А ведь многих из этих парней он учил, знал лично. Александр Степанович не мог без слёз читать газетные сообщения. Эскадре надо было вовремя изменить курс. Почему с берега не сообщили на корабли о японцах? Может быть потому, что не было хорошей радиосвязи? Эта мысль сидела в нем и ныла, как заноза. Ему казалось, что здесь есть доля его вины. Он сразу как-то постарел, хотя и всегда выглядел старше своих лет.

* * *

На другой день он поехал в университет на заседание Русского физико-химического общества. Опять мела сильная метель, опять сдавило голову, но не ехать было нельзя: предстояли выборы. К его удивлению, почти единогласно он был избран председателем физического отделения общества. Он – опальный директор, ожидающий увольнения, удостоился почётной должности главного физика страны. В его адрес было сказано много лестного: коллеги говорили о его блестящих качествах лектора, о широких познаниях в области физики. Вспомнили даже, как десять лет назад он спроектировал и самолично сделал для госпиталя рентгеновский аппарат. Он выступил с небольшой ответной речью и поехал домой. По дороге снова почувствовал себя плохо. С трудом поднялся в квартиру, разделся, пошёл за лекарством и потерял сознание. Жена с сыном уложили его на

Семья Поповых на даче под Лугой. 1904 год

кровать, сын помчался за врачом и привез лучшего терапевта столицы. Осмотрев лежащего в бесспамятстве Александра Степановича, доктор обратился к Раисе Алексеевне, которую он принял за лечащего врача:

- Больной безнадежен. Надо подготовить жену.
- Жена – это я, – прошептала Раиса Алексеевна, опускаясь на стул.

* * *

Александр Степанович Попов скончался 31 декабря в 5 часов вечера от кровоизлияния в мозг. Он умер в зените своей славы в возрасте 46 лет. Похоронили его с почестями на Волковском кладбище, на участке «литераторские мостки». По отзывам современников, он был человеком очень трудолюбивым, скромным, мягким и застенчивым в общении, иногда рассеянным. Он не был либералом, сочувствующим революции, каких было не мало среди русской интеллигенции того времени. Он знал русское общество от самых его низов и любил свою страну. Когда ему пришло приглашение переехать за границу, он написал в ответ: «Я русский человек, и все мои знания, весь свой труд, все мои достижения я имею право отдать только моей родине...».

2014 г.

БЫЛЬ, РАССКАЗАННАЯ ДВАЖДЫ

Луиза, 35 лет

Бориса Сокутина вся область знала. Успешный предприниматель, дорожным строительством занимался, крупный бизнес у него. Я у него в офисе работала делопроизводителем. Сидела за компьютером, документы набирала. Сначала мне там нравилось – люди вокруг культурные, вежливые. Сам Сокутин всегда спокойный, никогда голоса не повышал. Правда, слишком мрачный, никакого юмора. И никаких корпоративов у нас не было, как у других. Только на Пасху, да на Рождество он всех поздравит, премии выдаст и всем отпуск на неделю. Как-то его секретарша Римма мне говорит: «Смотри, Луиза, он как бы в твою сторону дышит, не теряйся». Я хохочу, а сама думаю: «Как же, спасибо, я уже не дурочка молодая. Знаю – жена заглянет, быстро вычислит, кто здесь теряется, кто не теряется. Вылетишь со свистом. Это мы уже проходили».

А сама советчица, Римма, долго в нашей фирме не задержалась. Вышло так. Приходит к шефу на приём дядька

– костюм потёртый, сам плешивый – интеллигент, в общем. Деньги собирается просить, книгу какую-то издавать. А у шефа совещание. Кончается совещание – приходят проектировщики – Римма их сразу пропускает. Этот дядька ждал, ждал и ушёл. На другой день снова приходит, а шефа нет на месте. Он сидит, ждёт, очки то снимет, то наденет, всё спрашивает: когда шеф придёт, да когда. Надоел. Ну, Римма сказала ему как бы грубое что-то. Он покраснел и к выходу, а в дверях с шефом столкнулся. Тот его повёл к себе в кабинет, долго с ним сидел. Потом сам его проводил, а Римме говорит: «Вы почему посетителей оскорбляете?» И уволил её.

Помогал он многим. А чего не помогать – денег полно, а благотворителю всегда почёт и уважение. И по радио о нём говорят и по телевидению. На детдомы жертвовал, на Церковь. Я-то знаю, через меня все бумаги шли. Говорили, что и сам часто в церковь ходил. Всякий ведь по-своему с ума сходит.

Нет, я к Церкви отношусь нормально – есть ведь что-то такое. Вот Римма рассказывала: у её сестры муж умер и каждую ночь к ней являлся – стоит, будто просит чего-то. Она вся измучилась, не знает, что делать. А ей подсказали: когда умрёт кто из знакомых, ты ему в гроб положи что-нибудь для своего мужа, ну вещь какую-то, которую он любил. И вот у них какой-то родственник умер, так она ему в гроб мужнины валенки положила. И сразу перестал являться. Как отрезало. А говорят, нет ничего.

Вместо Риммы шеф взял тётку пятидесятилетнюю, бывшую учительницу. Та свои порядки принялась наводить. Раньше, когда шеф уезжал, мы расслаблялись: соберёмся вместе – покурить да новости обсудить. А теперь эта мымра подходит и говорит: «Девочки, не пора ли по рабочим местам?». А потом ещё выдала: «Борис Сергеевич не одобряет, когда женщина в брюках ходит. Желательны юбки ниже колен». А у меня уже давно вообще никаких юбок нет. И карга старая добилась своего: вышло распоряжение: для всех офисных обязательно дресс-код – чёрная юбка-миди,

закрытая белая блузка и зелёный шарфик. Я уволиться хотела, да передумала: все-таки Сокутин платил нам неплохо.

А ещё был у шефа любимчик, Ростислав его звали. Он закончил в Москве институт финансово-экономический, а когда вернулся, шеф его взял в свою фирму и быстро продвигал. При мне он уже директором дочерней фирмы был. Потом шеф всех удивил – часть своего бизнеса ему передал. Своих сыновей у него не было, только две дочери, и он к этому Ростиславу как к родному сыну относился. Поговаривали, что он его незаконный, но не знаю, сходства у них особого не было.

Этот Ростислав парень был деловой, на лету всё схватывал. Из себя видный – такой крутой бизнесмен, имя только старинное. И не женатый. Девки наши трепетали, когда он заходил, но он ни с кем особенно не общался. У него уже была какая-то красotka.

А потом у нас проблемы начались. Нагрязнули из прокуратуры, обыск устроили, из компьютеров диски повынимали. Шефа в наручниках увели. Якобы, он какие-то бюджетные деньги присвоил – сотни миллионов. Он в последнее время с московскими бизнесменами связался. Все говорят: они его и подставили. Был суд и наша фирма отошла москвичам. Самого Сокутина освободили – отмазался, видно.

А с Ростиславом тоже беда приключилась. Все эти обыски его не коснулись – у него уже отдельный бизнес был. Он важный стал, нас, вообще, перестал узнавать. И вдруг – автомобильная авария – и он в больнице. Долго лежал. А как вышел, сразу к своему покровителю бросился. Это мне потом Ромка рассказал, его Ростислав взял к себе в водители. Он взамен разбитой машины новую купил, а ездить сам боялся. Так вот Ромка привёз его к коттеджу, где теперь Сокутин обитает, и видел, как они встретились. Обнялись, потом Ростислав ему что-то сказал, и оба захохотали. Никогда не видела, чтобы Сокутин смеялся, даже представить такое не могу. Видно всё-таки он при бабках остался, кинул этих москвичей. А иначе, чего бы ему хохотать.

Ростислав, 28 лет

Бориса Сергеевича я знаю с детства. Мы с ним в церкви встречались, он к нам всегда подходил: бабушке деньги даст, мне и сёстрам – обязательно гостинцы. Спросит нас о чём-либо, пошутит с нами, детьми. Нас ведь бабушка одна воспитывала – меня и двух сестёр. Матери у нас, считай, что не было, алкоголичка она была – или бомжует где-то, или в психбольнице на излечении. А про отца вообще ничего не известно. Когда я школу кончил, Борис Сергеевич мне репетитора нанял, поступил я в московский вуз и все пять лет ежемесячно получал от него пособие. Потом он меня к хорошему делу пристроил. В общем, благодетель мой, по гроб жизни я ему обязан.

За что он попал под суд, я толком не знаю – дело какое-то запутанное. Знаю только, что законы он всегда уважал. Но в большом бизнесе всякое бывает, по краю ходишь. Его в Москву отвезли, и сидел он в «Матросской тишине». Следствие, да суд тянулись целый год. Дали ему условный срок – три года, но штраф огромный – надо весь бизнес продавать. Он ко мне приходит – не узнать человека, будто на десять лет постарел. Просит денег взаймы, но такую сумму, какой у меня нет. У меня, вообще, свободные деньги не задерживаются – я их тут же в дело пускаю. И в этот раз я задумал грузовой транспорт покупать, а то стройматериалы производим, а транспорт нанимать приходится – не выгодно. Уже и предоплату сделали, срывать эту покупку никак нельзя было. Ну, я ему только скромную сумму предложил. Он рукой махнул и ушёл. Конечно, у меня на душе кошки скребли, но что делать.

А через два дня поехал я после работы к себе на дачу. В пятницу это было, вечером. Еду, в голове проблемы нерешенные крутятся – как заказы выгоднее разместить – куда, да сколько. И поворот-то был совсем небольшой, и дорога хорошая, но, видно, скорость большая, и понесло меня боком в кювет. Хорошо, что один ехал. Перевернулся два раза... Тяжело вспоминать. Когда в больнице начал понем-

ногу в себя приходиться, первая мысль была: это мне наказание такое за то, что предал своего благодетеля. Слово себе дал: если живой выкарабкаюсь, приползу к нему на коленях, всё отдам, сколько ему надо.

У меня ключица была сломана и два ребра. Ну, конечно, порезы, ушибы. Пока лежал, много передумал. Евангелие читал, вспоминал, что бабушка говорила. Я ведь после её смерти в церковь перестал ходить и, вообще, про Бога забыл. И вот лежу я на койке, жизнь свою мерзкую вспоминаю, слёзы вытираю. Медсестра увидела, говорит: «Я вам сейчас обезболивающий укол сделаю». Я говорю: «Не надо, у меня не тело болит, а душа». На другой день приходит врач, ласковый такой. Потом я понял, что психиатр. Я с ним откровенничать не стал, так, поговорили о мелочах. Он мне поставил диагноз: «комплекс вины на почве нервного потрясения». Прописал транквилизаторы. Ну что же, по своему он прав, но лечиться я буду по другому – пойду в церковь на исповедь и причастие.

Как вышел из больницы, в первую очередь узнал, где Сокутин теперь живёт, и поехал к нему. Оказывается, он в пригороде, в скромном коттеджике поселился. Смотрю, он на своём участке мастерит что-то, похоже, что качели делает, а рядом трое детишек пасутся, внуки, наверное. Я иду к нему, волнуюсь. Ну, думаю, выгонит меня в шею. Подхожу, говорю: «Простите меня, ради Бога, я – скотина неблагодарная». Он мне закончить не дал, обнял меня, говорит: «Бог тебя простит, Славик, а я тебя давно простил. Я тебя благодарить должен за то, что ты мне денег тогда не дал. Я фирму свою продал, из бизнеса ушёл и только теперь понял, как на свете жить хорошо». Смотрю, он, действительно, радостный такой, улыбается. О деньгах, что я предложил, он и слышать не захотел. «Мы, – говорит, – не нуждаемся, у меня жена на твердой зарплате – преподаватель вуза, да и я с сентября преподавать пойду, приглашают меня. У меня есть о чём студентам рассказать».

2015 г.

СЕКРЕТНЫЙ ДОКУМЕНТ

Недавно во дворе своей многоэтажки я встретил соседа – немолодого пенсионера Александра Михайловича, которого не видел очень давно. Оказывается, он повредил позвоночник, лежал в больнице и теперь, бедняга, ходит с палочкой с большим трудом. Неожиданно он сказал мне: «Я знаю, вы в церковь ходите. Заходите ко мне, я вам расскажу кое-что интересное». Я побывал у него в гостях и, действительно, услышал интересную историю. Привожу её здесь почти в том виде, как она прозвучала. Лишь в конце я добавил важный документ.

* * *

Родился я в Москве, жили мы в Черёмушках, тогда это была окраина, а теперь район вблизи метро Профсоюзная. У нас был свой деревянный дом, и вся округа была из таких же частных домов. Отец погиб в самом начале войны, мать снова вышла замуж, и мы жили с отчимом. Мать растила меня и младшую сестрёнку, отчим работал на заводе, занимал какой-то важный пост и был убеждённым коммунистом. В те послевоенные годы жилось трудно, даже такая семья, как наша, испытывала нужду, а ведь многие дети, вообще, росли без отцов. Но речь сейчас не об этом...

Мы, мальчишки, после школы почти всё время проводили на улице – играли в войну. Кидали жребий – кому быть немцем, кому русским и носились друг за другом. У каждого было своё деревянное оружие – пистолет, автомат, их мы сами мастерили. Тогда все фильмы были про войну: «Три танкиста», «Звезда», «Подвиг разведчика». Мы смотрели их не по одному разу и всё, что видели, повторяли в своих играх. Помню, нас водили всей школой смотреть «Судьбу барабанщика», а потом мы книжку Гайдара зачитали до

дыр. Очень любили книги про шпионов, очередь друг за другом занимали. И сами мечтали выследить шпиона, стали присматриваться к прохожим.

Вот как-то сижу я дома, делаю уроки – это в мае было, я тогда пятый класс кончал. Вижу, друг мой Митька подошёл к окну и машет мне: выйди, мол. Я выхожу, он такой взволнованный говорит мне: «Я выследил одного подозрительного типа. Станный такой, одет хорошо, идёт, осматривается, шепчет что-то. Зашёл вон в тот дом, ну где две рябины стоят, где старик хромой живёт. Пойдём, последим за ним».

Это сейчас вспоминать смешно и стыдно, а тогда... Сидим мы в своей засаде, в кустах, и сердце сладко замирает: а вдруг и вправду шпион? Долго сидели. Наконец, выходит дядька, за спиной вещмешок. Митька шепчет: «Интересно, что у него там?». Я говорю: «Наверное, картошка». А Митька: «Нет, квадратное что-то. Может, взрывчатка или папки какие с бумагами, карты секретные». Пошли мы за ним. Идём, притворяемся, будто балуемся друг с другом. Он – на остановку. Сел в трамвай и укатил. Мы ехать не могли, денег не было на билет. Запомнили номер трамвая и пошли по домам. Кончилась наша игра.

И вот иду я домой, вижу, из этого подозрительного дома вышел хозяин и пошёл к колонке за водой. Идёт, хромает, тележку с бидоном везёт. Ладно, думаю, пока он ходит, я на этот дом поближе посмотрю. Подошёл к калитке, стою, глазею на окна. Потом смотрю, рядом с калиткой, на траве что-то белеется, вроде пуговицы. Поднял, вижу – это металлический кружок, на нём портретик – женское лицо, и написано что-то не русскими буквами. Меня будто жаром обдало. Я сразу вспомнил песню, что мы в пионерском лагере распевали – про пуговку. Я и сейчас её помню. Там про то, как мальчик Алёшка шагал с отрядом по дороге и наступил на пуговку. Да вы, наверное, тоже эту песню знаете. Там дальше поётся так: «Он поднял эту пуговку и взял ее с собою,

и вдруг увидел буквы нерусские на ней. Ребята всей гурьбою к начальнику заставы бегут, свернув с дороги, скорей, скорей, скорей! – Рассказывайте точно, – сказал начальник строго, и карту пред собою зеленую раскрыл, – среди какой деревни и на какой дороге на пуговку Алешка ногою наступил? – Четыре дня скакали бойцы по всем дорогам, четыре дня искали, забыв еду и сон, чужого незнакомца в дороге повстречали, сурово осмотрели его со всех сторон. А пуговики-то нету от левого кармана, и сшиты не по-русски короткие штаны, а в глубине кармана – патроны для нагана и карта укреплений советской стороны. Вот так шпион был пойман у самой у границы. Никто на нашу землю не ступит, не пройдет. В Алешкиной коллекции та пуговка хранится, за маленькую пуговку — ему большой почет!»

Вот такая песенка. То, что в строю пел, потом помнишь всю жизнь... Зажал я эту «пуговку» в руке и двинулся к Митьке. Только от калитки отошёл – навстречу этот старик с тележкой. Может он не такой уж старый был, но очень худой и сутулый. Идёт, улыбается мне, как старому знакомому: «Ну что, сосед, помирился со своим корешем, или всё дерётся?» Я проскочил мимо него и помчался к Митьке. Бегу и думаю: «К чему это он мне сказал?» И вспомнил: зимой играли мы в снежки, и разодрался я с одним парнем с соседней улицы – мы с ним всегда во вражде были. Он мне врезал так, что кровь из носа хлынула. Боль страшная, я воплю, как резаный, снег вокруг в красных пятнах. А этот старик мимо шёл, обнял меня, сел со мной на снег, голову мне запрокинул, снег к носу приложил и сидел, успокаивал меня, пока я не перестал всхлипывать.

Пришёл я, значит, к Митьке, показываю «пуговку». У него сразу глаза разгорелись: «Ну всё! Надо в милицию идти. Видишь, не наша эта вещица, не русская, значит, шпионское гнездо здесь». А у меня азарт уже потух. «Нет, – говорю –

никакой он не шпион» и рассказал, как он меня зимой пожалел. А Митька мне: «Может он маскировался так. Они же хитрые».

Конечно, ни в какую милицию мы не пошли. Это только в глупой песенке пионеры толпой бегут к начальнику заставы. Мы были не такие. И не такие, как у Гайдара в книжках, – там всё лживое насквозь.

А потом я свою находку матери показал. Она так удивилась: «Ой, медальончик эмалевый, совсем как новенький!... Это иконка, Богородица. А где ты нашёл?». Я объяснил. Тут отчим подходит, говорит: «Это тёмные бабки на шее носят. Дай сюда». И больше я этого медальона не видел.

А дня через три прохожу я мимо этого дома, смотрю, окна досками забиты, на дверях большой замок висит. Я у матери спрашиваю, куда сосед девался. Она отвечает: «Николай, художник? Арестовали его. Говорят за религию»...

У меня сейчас всё это как перед глазами стоит. Почему-то детство хорошо вспоминается в старости. И этого Николая-художника вижу, как на фотографии...Я под старость стал историей интересоваться. Везде пишут, что после войны, до Хрущёва, никаких гонений на религию не было. Наоборот, священников из лагерей освобождали, храмы открывали, семинарии. Значит, думаю, мать ошиблась: не могли тогда, в 1949-м за религию арестовать. А недавно мне в руки вот эта книга попала. Толстая, читается с трудом, будто диссертация какая. Там в приложении приведены документы, в том числе недавно рассекреченные. Читайте вот на этой странице.

Я взял протянутую мне книгу. Она называлась «В поисках "безгрешных катакомб"». Церковное подполье в СССР», автор Алексей Беглов, издана в Москве в 2008 году. На странице 285 я прочитал следующее.

*Сообщение о выявленной в Москве группе лиц,
занимавшихся нелегальным изготовлением
и продажей икон и других предметов
религиозного культа*

4 сентября 1949 г.

Копия

Секретно

Экз. № 5

*Товарищу Сталину И.В.
Товарищу Берия Л.П.
Товарищу Маленкову Г.М.
Товарищу Ворошилову К.Е.*

Органами МВД по гор. Москве выявлена группа лиц, занимавшихся нелегальным изготовлением и продажей икон и других предметов религиозного культа.

К уголовной ответственности привлечены: Комиссарова Е.С., 1907 года рождения, нигде не работающая; Плетнёва О.Н., 1898 года рождения, нигде не работающая; Миронов Ф.Д., 1903 года рождения, по профессии экономист-плановик, нигде не работающий, и Бордюков Н.К., 1889 года рождения, по профессии художник, нигде не работающий.

Расследованием установлено, что Бордюков, Комиссарова, Плетнёва и Миронов совместно изготовляли иконы, нательные кресты и другие предметы религиозного культа, которые они продавали на рынках, у церквей, и на кладбищах гор. Москвы и других городов Советского Союза.

При обысках у указанных лиц изъято 524 иконы, 1500 иконо-медальонов, 305 поминальных книжек, 1800 нательных металлических крестов, 1200 отпечатанных типографским способом церковных молитв, 1500 бумажных венчиков, 13 металлических лампадок, 2 фотоаппарата, 300 фотоснимков на религиозные темы, различные приспособления для изготовления металлических рамок для икон и др., а также 68 рублей разменной советской монеты.

Дальнейшее расследование ведётся в направлении выявления нелегальной мастерской, изготавливающей металлические кресты и медальоны, и типографии, в которой печатались церковные молитвы и поминальные книжки.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР – (С. Круглов)

Я прочитал документ до конца, потом ещё раз пробежал глазами начало. Я был поражён:

- Ну и дикие же были времена! Сейчас даже представить такое трудно. Люди делают иконы, а о них докладывают так, будто они готовят государственный переворот. Министр самому Сталину сообщает!.. Так вы, Александр Михайлович, думаете, что найденная вами иконка как-то связана с этими арестами?

Мой собеседник сидел мрачнее тучи.

- Очень хотелось бы, чтобы это было не так. Только уж очень всё похоже: и время, и имя художника, и то, что от него продукцию мешками носили... Отчим – вот кто их сдал! Он ведь долго с нами не жил – бросил нас, хотя у матери ещё один сын родился. Я из-за этого после семилетки работать пошёл. Жизнь у меня сложилась нелёгкая... А про отчима мне сестра из Москвы писала, что он при Хрущёве в гору пошёл – в райкоме партии работал. Что с ним потом было – не знаю. Ну да Бог ему судья.

- Так вы благодаря этой истории к вере пришли?

- Сын у меня верующий. Он в Чечне воевал, оттуда раненым пришёл и верующим. А мне это не даётся, с моим-то пионерским воспитанием. Я – сочувствующий.

Эта история, рассказанная человеком, искренне переживающим о судьбе невинно пострадавших людей, никак не выходит у меня из головы. Конечно, ни Сашка, ни Митька здесь не виноваты. Всем нам, детям того времени, прививали шпиономанию и атеизм. Слава Богу, что хотя бы к старости прозревает душа.

2015 г.

ТЁМНАЯ МАТЕРИЯ

Эта история произошла в одном подмосковном городе, где главное предприятие, дающее людям работу – большой научно-исследовательский институт. Такие построенные в советское время «научограды» отличались продуманной застройкой, хорошим снабжением и высоким интеллектуальным уровнем жителей. И до сих пор стоящие среди высоких сосен девятиэтажки смотрятся неплохо, а вот число живущих в них интеллектуалов сильно поубавилось. И не удивительно, ведь в перестроечные годы власти настойчиво указывали, что фундаментальная наука в России не нужна, поэтому институт заметно деградировал и выживал только за счет того, что сдавал часть площади в аренду компании, производящей моющие средства. Лишь в последнее время в жизни института наметился некоторый подъём, правда, тематику приходилось менять, отходя от фундаментальных проблем физики к прикладным разработкам.

* * *

Хмурый февральский денёк, на улице снежно и ветрено, а в институте рабочий день в разгаре. В лаборатории ядерной электроники сотрудников немного: двое мужчин в белых халатах возятся с каким-то блоком – похоже, что завершают сборку; в углу молодой парень, видно студент, склонился с дымящимся паяльником над электронной платой; женщина средних лет сидит за компьютером. У окна за широким столом, окружённый стопками бумаг и журналов, сидит заведующий лабораторией Олег Павлович. Ему на вид лет пятьдесят, он худощав, в очках и с заметной лысиной.

Звонит телефон. Олега Павловича вызывают к Пугачёву – заместителю директора по научной работе. Пугачёв появился в институте недавно и как учёный мало известен, зато успел прославиться на поприще коммерциализации науки. Упитанный, в безупречно сидящем дорогом костюме, он похож на партийного секретаря советских времён.

Олега Павловича он встретил широкой улыбкой и холодным взглядом:

- Хочу сообщить вам интересную новость: объявился покупатель на вашу установку.

- Какую установку?

- А вот познакомьтесь с этим письмом. Вчера пришло. Из Германии. Фирма солидная, я проверял.

Олег Павлович стал читать письмо. Речь шла о созданном семь лет назад устройстве для точного измерения энергии гамма-квантов. Это было главным, что он сделал в своей жизни. Устройство давало такую точность, которую до сих пор никто не превзошёл. Идея принадлежала его руководителю Завальнюку, но и он, Олег, немало сделал, чтобы получить нужный результат. Благодаря этой работе, он защитил диссертацию, получил известность в научных кругах. Завальнюк вскоре умер, успев передать своему ученику бесценные навыки физика-экспериментатора.

Олег Павлович был в недоумении:

- Не понимаю, зачем им нужна наша установка?

- Я тоже не понимаю, но какая нам разница. Установка, насколько я знаю, вам теперь не нужна и стоит как музейный экспонат. А цену они, как видите, предлагают немалую. И транспортировка за их счёт. Вы, как автор, получите хорошую премию – не менее двадцати процентов от этой суммы. Ещё они просят, чтобы мы вслед за установкой командировали специалиста. Так что вы ещё и в Германию можете съездить. Всё это тоже за их счёт.

Олег Павлович снова уставился в письмо. Ласково журчал голос Пугачёва – наверное, так он разговаривал с женщинами:

- Я понимаю, Олег Павлович, как жалко расставаться со своим детищем, но вам незачем волноваться – устройство ваше запатентовано, авторские права защищены. Так что соглашайтесь. Вот служебная записка: коммерческий директор подписал, я подписал, теперь вас прошу завизировать, и понесём академику.

- В принципе я согласен, – сказал Олег Павлович каким-то глухим голосом и, откашлявшись, продолжал: – Но ведь надо всё проверить. Последний раз я эту установку включал года три назад, когда у нас был день открытых дверей. Студентам показывал. И еще в письме они требуют, чтобы была подробная инструкция для пользователя. Всё это займёт дня три, не меньше.

- Постарайтесь побыстрее, Олег Павлович. Как говорится, куй железо, пока горячо. Они сообщили, что их перевозчик находится в Москве, и они готовы приехать в любое время.

- Погодите, а как они повезут установку через границу, ведь наше научное оборудование вывозить запрещено.

- Не беспокойтесь, немцы – народ смыслённый. Слышали историю, как супруги Кюри покупали в Германии стеклянные колбы для своей работы? На границе с них запросили большую таможенную пошлину, а у бедных учёных таких денег не было. Тогда немецкие коллеги подсказали: заткните колбы пробками и напишите в декларации, что везёте пробы воздуха из Германии в стеклянной таре. На тару пошлина не требовалась. Так они и вывезли свои колбы.

Олег Павлович вежливо выслушал старый анекдот и пошёл в свою лабораторию. Начался обеденный перерыв, сотрудники ушли в столовую, и лишь Лидия Сергеевна за своим столиком разворачивала свёрток с домашней едой.

- Сегодня у меня порошки с картошкой. Угощайтесь, Олег Павлович.

Лидия Сергеевна постоянно заботилась о нём, и он догадывался, что это была не простая вежливость.

Он жил бобылём в однокомнатной квартире. Жена ушла от него ещё в начале девяностых, перебралась в Москву и вышла замуж за удачливого бизнесмена. Дочку она забрала с собой, и видется с ней удавалось только два раза в год. Потом её новый муж исчез: то ли погиб, то ли куда-то скрылся, в общем, пропал. Как-то Олег Павлович позвонил бывшей жене, хотел приехать, но она была пьяна: говорила

несвязно и грубо. Ему стало тошно... А потом она умерла. К тому времени дочь уже закончила институт, вышла замуж. Он был рад, что у неё благополучная семья и приезжал к ним в гости на выходные или принимал их у себя и нянчился с внуком.

У Лидии Сергеевны была похожая история. Она развелась с мужем, сын вырос и учился в Москве. Аккуратная в работе и в домашнем хозяйстве, с миловидным лицом и ладной фигурой, обычно скрываемой под рабочим халатом, она нравилась Олегу Павловичу. Он не сомневался, что, сделай он шаг навстречу, их одиночество закончится. Однако сделать этот шаг он не решался. Он уже привык жить один и заботиться только о себе. Человек он был книжный: его ум был занят наукой, а взгляды на жизнь сформировались под влиянием классической литературы, которую он и сейчас с удовольствием перечитывал. А у Лидии Сергеевны мировоззрение было, в основном, телевизионное, и лишь последнее время он замечал в ней некоторые перемены. Она раздружилась с подругой из соседнего отдела, с которой раньше любила поболтать о просмотренных сериалах и кулинарных рецептах. Над её рабочим столом появилась икона Богородицы, а недавно она поздравила Олега Павловича с Днём Ангела и подарила книгу Бориса Ширяева «Неугасимая лампада», сказав при этом: «Это о Соловецком лагере в двадцатые годы. Читаешь, и ужас берёт: как люди страдали! И не сломались. А нынешние наши беды – это такие мелочи»...

Олег Павлович выпил крепкого чая, не отказался и от пирожков, поболтал со своей благодетельницей и немного успокоился. Потом занялся делом. Открыл дверь в смежную комнату, где находилась установка, включил аппаратуру, сел рядом с электронным блоком и, ожидая, пока он прогреется, любовно протирал корпус тряпочкой. Расставаться со своим детищем было жалко до слёз. Эта установка прекрасно зарекомендовала себя в эксперименте на ускорителе и послужила бы ещё, если бы это направление не свернули. А самый первый опыт, который они провели – измерение

гравитационного смещения частоты фотонов. Фактически, они повторили классический эксперимент по проверке общей теории относительности Эйнштейна, проведённый в 1960-е годы. Согласно этой теории, фотоны, двигаясь в поле тяготения сверху вниз, увеличивают свою частоту. В классическом опыте источник фотонов, точнее гамма-квантов, находился на высоте 22 метра, а вся аппаратура была очень громоздкой. А их установка размещалась в небольшом помещении и давала тот же результат. Под потолком размещался излучатель, а внизу – детектор с блоком обработки. В нём, в этом блоке, и был секрет непревзойдённой точности. С тех пор они использовали эффект гравитационного смещения для тестирования своей установки.

Вот и сейчас Олег Павлович надел защитные очки и специальный фартук, достал из сейфа свинцовый контейнер, зашел за бетонную перегородку и по лестнице поднялся под потолок. Там, на подставке, вделанной в стену, стоял толстый свинцовый цилиндр. Он открыл контейнер и, ухватив торчащий конец проволоки, вытащил лёгкий серебристый цилиндр – препарат радиоактивного кобальта. Аккуратно вставил его внутрь толстого цилиндра и спустился вниз. Подошёл к электронному блоку, включил режим измерения и увидел на экране знакомую картинку – линию с острым пиком посередине. Но что за чепуха! Пик оказался не на своём обычном месте, а заметно сместился вправо, то есть показывал слишком большую частоту гамма-квантов.

Значит, что-то сбилось. Он стал осматривать аппаратуру и некоторые элементы заменил на новые. Картина на экране осталась прежней. Тогда он открыл корпус электронного блока и стал рассматривать все детали. Никаких признаков неисправности не было, да если бы что-то вышло из строя, то прибор бы отключился или показал бы явное искажение сигнала, а никак не смещение на малую величину. Он решил завтра с утра сделать генеральную проверку – пустить поток гамма-квантов по горизонтали.

На другой день они всей лабораторией, то есть четверо мужиков, меняли расположение приборов. Возились полдня, а когда провели измерения, убедились, что при горизонтальном движении гамма-квантов никакого смещения на экране нет. Это означало, что с установкой всё в порядке. Вернули приборы в прежнее положение и обнаружили, что вернулось прежнее ненормальное смещение картинки на экране.

Олег Павлович сел за стол и обхватил голову руками. Что же происходит? Усиление гравитационного поля? Может быть здесь, под нами, возникла какая-то гравитационная аномалия, уплотнение земной коры образовалось за последние три года? Надо сделать оценку. Он погрузился в расчёты. Не заметил, как кончился рабочий день, как расходились сотрудники, сочувственно поглядывая на своего начальника. Часа через полтора он встал из-за стола. Нет, этот вариант отпадает. Чтобы вызвать такое смещение частоты, нужен мощный сдвиг земной коры, который бы привёл к землетрясению.

Неожиданно явился Пугачёв и с любезной улыбкой поинтересовался, как идут дела. Олег Павлович с унылым видом поведал о непредвиденном сбое в работе установки. Улыбка сошла с лица Пугачёва. Он мрачно выругался.

- Подводите вы нас. Они собрались уже в понедельник приехать. Придётся звонить им, чтобы пока повременили. Сколько сейчас? – он посмотрел на часы. – Уже шесть, значит в Германии четыре часа.

Он достал сотовый телефон, набрал номер и заговорил, оправдываясь, словно школьник. Неожиданно он протянул трубку Олегу Павловичу:

- Хотят с вами поговорить.

Олег Павлович взял трубку и услышал уверенную, хотя и с некоторым акцентом, русскую речь:

- С вами говорит доктор Штрассман из института Макса Планка. Скажите, какие проблемы с вашей установкой?

Некоторая бесцеремонность покорила Олега Павловича. Он сухо отвечал:

- У нас не проходит калибровка по гравитационному смещению частоты гамма-квантов.

- Скажите, какое у вас получается смещение?

- По сравнению с обычным мы имеем плюс два процента.

- Подождите, – сказал собеседник. Слышно было, как он повторил кому-то его слова, причём, говорил по-английски, а этот кто-то тоже по-английски воскликнул:

- Вау! Это то, что мы ожидали...

Было похоже, что на том конце трубку прикрыли рукой, а затем он услышал:

- До свидания, мы вам скоро позвоним...

Олег Павлович не успел ещё выйти с территории института, как его догнал Пугачёв и радостно объявил:

- Они сказали, что погрешность установки их устраивает и, что они приедут в понедельник. Хотят сразу оформить покупку и увести, так что, Олег Павлович, завтра готовьте инструкцию.

На следующий день, в пятницу, с самого утра началась суета. В лабораторию ворвался Пугачёв и, потрясая бумажкой, воскликнул: «Академик подписал!». Потом стал осматривать установку, позорно назвал фотоумножитель счётчиком Гейгера и велел паковать приборы.

Олег Павлович руководил упаковкой через силу, будто любимого человека отправлял в дальние края. Лидии Сергеевне он дал копию письма из Германии и велел собрать сведения о фирме-покупателе. Та долго шарила в интернете, ходила в коммерческий отдел, но ничего нового не нашла.

Вечером он шёл домой в душевном смятении. Неожиданные события последних дней сильно растревожили его. То, что он обнаружил, могло быть открытием мирового значения – изменение гравитационного поля Земли, а может быть и свойств фотонов. Тут надо бы не продавать установку, а заняться детальным исследованием. Поговорить бы с нашими теоретиками, так нет, засмеют: ещё бы – законы природы вздумал опровергать. А действительно, не для того Бог создал законы природы, чтобы их изменять.

Олег Павлович не был атеистом, но и верующим человеком его нельзя было назвать. Как и всякий учёный, способный к обобщениям, он верил в Высший разум, создавший Вселенную и установивший удивительно мудрые законы для её существования. К этой мысли он пришёл ещё студентом, когда изучал строение атома и был поражён невероятной устойчивостью этого кирпичика мироздания. Однако тогда ему и в голову не приходило, что храмы на московских улицах как-то связаны с мудрым Создателем. Когда в стране началось массовое обращение к вере, он принял крещение, но не столько по зову сердца, сколько назло коммунистам, которых терпеть не мог. Один раз отстоял на службе, причастился, но больше в церковь не заходил: унылый вид верующих и длинные богослужения – всё это нагоняло на него тоску. Но сейчас, проходя мимо недавно построенного храма, он решил зайти, чтобы поговорить со священником. От Лидии Сергеевны он слышал, что батюшка здесь – бывший физик.

В храме служба подходила к концу. Он дождался, когда священник выйдет из алтаря, и подошёл к нему. Батюшка был примерно одного с ним возраста, высокого роста, осанист. Он выслушал Олега Павловича и тяжело вздохнул:

- Трудно мне вам что-либо советовать. Ваши научные проблемы я не понимаю, у меня вузовская специальность – биофизика. Продавать вам установку или не продавать – тут я тоже не советчик. Вижу только, что вам предлагается два искушения на выбор: богатство или слава. И то и другое – грех: сребролюбие и тщеславие. И ещё вижу – гордость у вас в душе. Ведь признайтесь, презираете тех, кто не знает, что такое гамма-кванты? А? Вам бы надо на исповедь идти – вот что я могу вам посоветовать.

Олег Павлович пришёл домой с чувством некоторой обиды, хотя и понимал, что священник был по-своему прав. Кошки скребли у него на душе, и утешало только то, что завтра с утра он поедет к своим родным, где ему всегда рады.

Поздним вечером он сел за компьютер и отправил письмо своему старому другу, который уже давно жил в Америке и

с которым он не виделся уже двадцать лет. Его ждала приятная неожиданность. Ответ пришел почти сразу: оказалось, что Саша сейчас в Москве, прибыл в отпуск на две недели вместе с женой и остановился на старой квартире жены. Приглашает в воскресенье в гости. Это была невероятная удача: Саша был физик-теоретик с широким кругозором, не чета нашим снобам, погруженным в мир элементарных частиц.

* * *

Субботний день Олег Павлович провёл у дочери в Измайлово, а в воскресенье, ближе к вечеру, он поехал на метро в Тушино к своему другу. Он ждал этой встречи с некоторым волнением, и дело было даже не в том, что они не виделись много лет. Дело было в другом...

С Сашей Корневым они учились в одной студенческой группе, и какое-то время жили в одной комнате общежития. Саша был родом из Риги. Это был высокий стройный парень с лёгким румянцем на щеках и с манерами аристократа. Конечно, физика занимала в их жизни важное место, но сблизила их любовь к поэзии, интерес к мировой истории. В их компании споры нередко затягивались далеко за полночь. Постепенно они умнели, наивная болтовня сменялась здоровыми рассуждениями, оттачивалась риторика. Самым неутомимым и знающим спорщиком был Саша, переспорить его никому не удавалось. Закончив учёбу, друзья пошли работать в академический институт, а через некоторое время Саша по договору поехал работать в Швейцарию, в международный центр ядерных исследований. Когда в России началась перестройка, он решил остаться за границей. Перебрался в США и, как хороший физик, нашёл место в крупном научном центре. Они надолго потеряли друг друга, и лишь год назад Саша по интернету нашел своего однокашника и прислал электронное письмо. Завязалась переписка. Оказалось, что Саша – уже гражданин США.

Как-то Олег Павлович в своём письме резко высказался против очередного нападения американцев на араб-

скую страну. Саша прислал пространный ответ, где обосновал великую историческую миссию США, подобно древнему Риму, нести варварам закон, порядок, новую технику и культуру.

Олег Павлович когда-то, ещё при Саддаме Хусейне, ездил в Ирак как консультант по приборам для атомной электростанции. Порядок везде был образцовый, а великолепный Багдад поразил его чистотой и культурой жителей. Вместо испорченных сексуальной революцией развязных молодых людей в маечках, шортиках, со жвачкой во рту и с проводами в ушах, которых он видел у себя на родине, здесь была молодёжь, чтущая нравственные законы. После того, как американцы навели там свой порядок, Ирак стал полем битвы, где без конца идёт гражданская война...

Олег Павлович ответил своему другу:

Такое чувство, что мы живем на разных планетах с разной системой понятий. Подробно напишу позже.

Он уже стал набрасывать текст обстоятельного послания с возражениями по всем пунктам, как вдруг пришло взволнованное письмо:

Да ладно, Олег, раз планеты разные, мы уже не юные, чтобы пересекать такие пространства, то, может, и не надо отвечать. Ты послал мне большой мэйл, я ответил, выяснили, что планеты разные, ну и пусть так и будет.

Было такое впечатление, что заядлый спорщик Саша испугался продолжать спор по острым вопросам мировой политики. Казалось бы, чего бояться там, за океаном, в стране с неограниченной свободой слова? Было горько, найдя старого друга, вновь потерять его.

И всё-таки, спустя полгода весточка от Саши пришла:

Олег, с Новым годом. Мнения разные, но ведь люди те же!

Он сразу ответил:

Спасибо за поздравление и за хорошие, верные слова. Я думаю, что объединяет нас большее, чем то, что разъединяет. Общая юность. С наилучшими пожеланиями!

Этим и закончилась переписка...

Добравшись до нужной квартиры и нажав кнопку звонка, Олег Павлович увидел в дверях здоровенного толстяка с седыми волосами. Он хотел было спросить: «А где Саша?», но вовремя успел разглядеть знакомые черты друга. Тот тоже на мгновение оторопел, а потом они крепко обнялись. «Оболочка изменилась, а люди всё те же», – сказал Саша, похлопывая друга по спине. Они расхохотались. Сашина супруга, дородная и по-русски гостеприимная, тоже слабо напоминала хрупкую Анечку – лаборантку из отдела обработки данных.

За столом Саша долго рассказывал о своей научной карьере, описал свой шикарный дом, за который до сих пор не расплатился. Говорил он, слегка растягивая слова на английский манер. Ещё бы, двадцать лет за рубежом – не шутка. Поведал и об особенностях американской жизни:

- Пригласили нас в гости хорошие знакомые. Ну, погостили, я сажусь за руль, хотя и выпил немного. Думаю, до дома недалеко и дорога безлюдная. И что ты думаешь? У самого нашего дома остановили нас копы. Оказывается, только мы отъехали, хозяйева позвонили в полицию и донесли на нас. Такие вот они все законопослушные.

- А у нас всё наоборот, – вставил Олег Павлович. – Едешь, и тебе каждый встречный мигает: берегись, мол, – гаишники впереди.

Аня вспоминала:

- У нас младший сын рос очень капризным. Чуть что не по нём – сразу в рёв. Так соседи как-то полицию вызвали, хотя от соседского дома до нашего – метров пятьдесят. Пришлось доказывать, что мы над ребёнком не издеваемся. Я ходила к соседке, пыталась объяснить ей по-хорошему: ну поплачет ребёнок и успокоится. Что тут страшного? Зато будет знать, что не всё дозволено. А она говорит: «Нет, если ребёнок чего-либо хочет, не запрещайте. У нас так воспитывают, по доктору Споку».

- Вот и воспитали поколение маньяков, – добавил Саша, – врываются в школы, расстреливают одноклассников, учителей.

- У нас по-другому, – сказал Олег Павлович. – Когда надоест крик да шум у соседей, стучим палкой в потолок, а не помогает – железякой по батарее.

Он решил сменить тему:

- Саша, вот скажи мне, что сейчас в физике по большому счёту самое животрепещущее?

- Конечно, открытие скрытой массы или её ещё называют – тёмная материя. Астрофизики всех озадачили – обнаружили в дальнем космосе объекты, которые не излучают и, вообще, невидимы. Только гравитационное поле создают. Так их и вычислили – по тому, как они возмущают движение галактик. Из чего эта материя состоит – непонятно. Но это не наше вещество – не протоны, не электроны, а что-то нам не ведомое. И что ещё впечатляет – такой материи во Вселенной 95 процентов, если считать по массе. Представляешь, как досадно: то, что наука до сих пор изучала – это лишь ничтожная часть всего мира.

Об этом открытии астрофизиков Олег Павлович слышал и раньше, но сейчас в его голове возникла отчётливая картина: облачко тёмной материи, захваченное земным тяготением, вращалось на орбите, постепенно опускалось, достигло поверхности планеты и, не встречая сопротивления, продолжило свой путь к центру Земли.

- А может эта тёмная материя находится на нашей планете? – спросил он.

- В принципе, может. Ничто не запрещает. Этаким параллельный мир, никем не ощущаемый.

Олег Павлович наконец решил рассказать о своих недавних опытах по измерению гравитационного смещения. Саша слушал с большим вниманием.

- Ты знаешь, – сказал он, – я бы не поверил в твои результаты, но недавно на конференции я слушал одного геофизика, он тоже обнаружил усиление гравитационного поля Земли. Своим, геофизическим методом. Правда, никто этот доклад всерьёз не воспринял – мало ли какую аномалию он нашел.

- Ну, хорошо, а допустим, небольшой клочок тёмной материи к нам прилетел и осел на Землю. Тогда гравитационное поле планеты чуть-чуть изменится. Так ведь? Наш организм такой мелочи не почувствует. Никакие даже самые точные весы тоже ничего не обнаружат, поскольку они сравнивают вес тела с эталонным грузом, у которого вес изменится таким же образом. А вот скажи, Саша, на что это изменение может реально повлиять?

Саша ответил после долгого раздумья:

- Ты, Олег, знаком с принципом спутниковой навигации типа ГЛОНАСС? Там координаты земного объекта рассчитываются по расстояниям от объекта до навигационных спутников, а эти расстояния определяют по времени пролёта радиосигнала от спутника до навигатора на объекте. Вот где нужно точнейшее измерение времени! Атомные часы используют. А ведь ход времени на орбите отличается от хода времени на земле. Поэтому в аппаратуру вводят поправки, чтобы учесть разность хода часов на орбите и на земле.

- Погоди, замедление времени на орбите возникает за счёт большой скорости спутников. Это мы знаем из учебников. А что тут даёт гравитация?

- Она тоже изменяет ход времени, причём этот эффект такого же порядка, что и скоростной. Эту поправку тоже вводят в систему навигации.

- Значит, если гравитация изменилась, то ухудшится точность измерения координат?

- Да, если не ввести ещё одну поправку.

Сидели они долго. Аня ушла спать. Опустели бутылка виски, бутылка болгарского вина, а они всё сидели, то со смехом, то с грустью вспоминая свою молодость. Решили, что Олег заночует у них, а утром поедет первой электричкой, чтобы успеть на работу к девяти.

* * *

Утром в полупустом вагоне, не выспавшийся, с больной головой, но в хорошем настроении, Олег Павлович возвра-

щался домой. Он чувствовал, что встреча с другом как-то встряхнула его, избавила от депрессии, в которой он пребывал с тех пор, как развалилась его семья и стала ненужной его научная работа. Как хорошо, что они, будто по молчаливому согласию, не заводили разговор о политике.

На первую электричку он опоздал, и теперь придёт в лабораторию не раньше десяти. Он хотел позвонить Лидии Сергеевне – сказать, что задерживается, но оказалось, что сотовый телефон разряжен. «Ничего страшного: немцы так рано не приедут», – успокоил он себя.

И всё-таки в душе была тревога. Рассуждения Саши о навигации не давали покоя. Надо бы рассчитать, как повлияет усиление гравитационного поля на точность определения координат. Достал блокнот и занялся расчетами, благо вчера у Саши в гостях он успел найти в интернете нужные данные: расстояние между спутниками и высоту их орбиты. Трудился долго под стук колёс и вагонную тряску и, наконец, выяснил, что дополнительная погрешность может составить около одного метра. Величина ничтожная и для обычных потребителей никакого значения не имеет. А для военных? Ведь систему радионавигации используют для наведения ракет на цель. Допустим, они обнаружили ухудшение точности и хотят исправить дело – ввести гравитационную поправку в аппаратуру. Тогда им нужна моя установка...

- Грачёво! – раздалось в динамике. Олег Павлович вскочил. Он проехал свою остановку! Такого с ним ещё не бывало. Вышел из вагона и посмотрел расписание: обратная электричка будет только через час. Томиться в ожидании не хотелось. Может быть, пойти пешком? Отсюда до института километра три. Бывало, летом они специально шли сюда, на эту станцию, чтобы пройтись живописной дорогой по полю.

Он спустился с платформы, прошёл мимо ветхих домишек и увидел расчищенную дорогу – видно, недавно поработал бульдозер. Вдали виднелись сосны, скрывающие родной городок. «А что, пройдуся, проветрю мозги. Сапоги у меня тёплые, надёжные». Он двинулся по дороге. Небо хмурилось,

дул ветерок, но, к счастью, снегопада не было. Плохо было то, что ныло сердце. Началось это ещё в вагоне и с тех пор не отпускало. Пошарил в кармашке сумки, где когда-то носил валидол, но там было пусто. Ещё минут десять ходьбы и пришлось остановиться от сильной боли в груди. Болело где-то посередине, чего раньше никогда не бывало. Он огляделся: вокруг ни души, лишь тянулись снежные поля. Навалилась слабость, пришлось сесть в придорожный сугроб. Стало жутко, страх смерти охватил его. «Неужели это конец? Такой нелепый, нецивилизованный. Занесёт снегом, и найдут только весной». Надо бы молиться, но он не умел, лишь шептал онемевшими губами: «Господи, помоги». В глазах замелькало что-то путанное. Откинулся назад и долго лежал пластом на снегу, глядя в серое небо. Постепенно стал ощущать, что боль стихает. Осторожно встал, отряхнул от снега полушубок, брюки и глубоко вздохнул. Боль почти не ощущалась! Необычайная радость охватила его. «Не надо мне ни богатства, ни славы, только бы жить и ходить по Земле», – думал он, шагая к родным соснам.

Подойдя к зданию института, он увидел, что у хозяйственного подъезда стоит машина вроде нашей «буханки» с иностранными номерами. Задняя дверца была открыта, и рабочие носили туда ящики. За рулём сидел мордастый парень и отрешённо жевал жвачку. Олег Павлович заглянул внутрь грузового отсека и увидел там свои ящики. «Не дождалась меня. Уж так торопятся! – подумал он с досадой. – И у соседей тоже что-то выносят. Пугачёв найдёт, что продать».

Он пошёл к себе и первое, что увидел, открыв дверь, была Лидия Сергеевна, стоящая перед иконой. Она обрадованно бросилась к нему:

- Слава Богу, а я уже волновалась, думала, куда вы пропали – на звонки не отвечаете. Установку всю вынесли, Пугачёв распорядился. Даже контейнер с кобальтом унесли. А ещё, знаете, я в их машину заглянула, смотрю – там значок такой, вроде как логотип. Так я его ввела в поисковик

вместе с теми данными, что вы мне давали, и вышло, что эта торговая фирма обслуживает штаб НАТО в Европе.

Так я и думал! – воскликнул Олег Павлович. Вдруг вспомнилось радостное американское «*Yay!*» по телефону. Он даже вздрогнул. Так что же, в этой бесконечной гонке вооружений он оказался на стороне противника? Зачем же он согласился продавать свою установку? Что за тёмная материя его опутала?

Он бросился к Пугачёву, но того не было на месте. Секретарша сказала, что он вместе с немцем поехал в банк. «*Всё равно этого борова не убедишь*», – мелькнула мысль. Он, не одеваясь, выскочил к машине. В каком-то озлоблении открыл заднюю дверцу, забрался внутрь, разглядел картонный ящик со своим блоком и попытался его вытащить, но не смог. Тогда он разорвал крышку ящика, затем привычным движением открыл корпус и нащупал ту самую плату, которая была сердцем прибора и в которую он вложил так много труда. Он вытащил её, выбрался из машины, и тут произошло страшное... Потом водитель рассказывал, что хотел сдать назад, чтобы переехать на другое место, а то, что в машине кто-то был, он не знал... Как только Олег Павлович выбрался из машины, последовал сильный удар, от которого его бросило к тротуару, и он ударился головой о бровку. Последнее, что он увидел, было испуганное лицо стоящей на крыльце Лидии Сергеевны и лежащие на земле куски разломанной платы...

Ещё одно облачко тёмной материи кружилось над землёй, медленно опускаясь, потом ястребом ринулось вниз и, без труда пройдя земную толщу, угнездились в центре земли.

* * *

Олег Павлович выжил. Он долго лежал в больнице, за ним ухаживала Лидия Сергеевна. Когда он поправился, они поженились.

При расследовании происшедшего несчастного случая выяснилось, что Пугачёв незаконно продавал институтское

оборудование, поэтому он был со скандалом уволен и привлечён к суду.

Установка Олега Павловича осталась в институте, а после того, как он её восстановил, её передали на одно из предприятий Министерства обороны России.

2016 г.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Первое мая, свежее солнечное утро. В городе, умытым весенним дождём, пустынно и тихо. В эту пору хорошо пройтись по улицам, выйти на соборную площадь, полюбоваться игрой солнечных лучей на куполах собора, постоять на берегу реки, ощущая святую древность этих мест.

Но вот тишину нарушают звуки, похожие на рёв стадиона во время футбольного матча. Звуки доносятся со стороны площади Революции, где собралась небольшая, но голосистая толпа. Здесь местная организация коммунистов проводит митинг. Над трибуной растянута большое красное полотно, на котором аршинными буквами написано: «ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ!». Ораторы, сменяя друг друга, говорят о несправедливом разделе национальных богатств, поимённо перечисляют олигархов и продажных чиновников, причём, после каждого имени раздаётся мощный возглас толпы: «Долой!». К микрофону подходит мужчина в светлой ветровке и синих джинсах, представляется школьным учителем. Видно, что он волнуется:

- Мы занимаемся делом, которое является одним из важнейших. Мы воспитываем и обучаем молодёжь, от которой зависит будущее нашей страны, её экономика, военная мощь, от которой зависит, как мы будем жить в старости. И как же правительство ценит нашу работу? Даже у учителя со стажем заработная плата ниже, чем у начинающей чиновницы городской администрации. Мы любим свою работу, но

в последнее время на нас обрушилась новая напасть: нас заставляют писать огромное количество никому не нужных бумаг, планов, отчетов. Это похоже на какое-то вредительство, кто-то наверху пытается сделать так, чтобы у нас не было времени заниматься с учениками...

Когда учитель отошёл от микрофона, глава местных коммунистов одобрительно потряс ему руку и жестом предложил остаться на трибуне. Однако тот, вежливо поклонившись, спустился в толпу. Не пошёл он и с демонстрацией, которая двинулась по городу после окончания митинга, а устроился на скамейке в сквере и сидел, прищурился глаза и подставив лицо ласковому майскому солнышку – наслаждение, понятное только северянам, пережившим долгую и холодную зиму.

Здесь мы сможем поближе познакомиться с нашим героем. Его зовут Михаил Васильевич, ему 45 лет, он среднего роста с редяющими светло-русыми волосами и с крепкой фигурой спортсмена. Когда-то, студентом, он занимался в секции самбо и с тех пор старается поддерживать физическую форму – бегаёт трусцой, а главное, совершенно не имеет тяги ни к алкоголю, ни к курению. Его сильно портят морщины на лице, которые придают ему недовольное и озабоченное выражение. В школе он преподаёт физику и информатику, считается хорошим учителем: его ученики побеждают на олимпиадах, вплоть до всероссийских, поступают в престижные вузы. Однако сам он считает себя неудачником, ведь многие его однокашники процветают: кто-то стал крупным бизнесменом, кто-то достиг больших успехов в науке. Он и сам задумывал защитить диссертацию по методике преподавания физики, ведь его оригинальные разработки не раз получали высокую оценку. Однако, узнав, какую мизерную надбавку получает кандидат наук, он решил не затевать это хлопотливое мероприятие.

Когда он узнаёт об успехах своих знакомых, он испытывает неприятное чувство, будто что-то глохнет его внутри.

Такое с ним случается нередко. Недавно товарищ по работе пригласил своих сослуживцев к себе на дачу, отметить день рождения. Какое это было мучение – увидеть шикарный дом, ухоженный участок, весёлую и приветливую хозяйку.

А ведь когда-то у него тоже была весёлая жёнушка, о которой хотелось бы забыть, да не забывается. Познакомились они студентами, причём, бойкая длинноногая девчонка Катя, охочая до всяких тусовок, сначала его раздражала. По-другому он увидел её, когда они случайно оказались в одной группе волонтеров и посещали одинокую старушку. Его роль была несложной: он принёс сумку с продуктами и вышел на улицу, а Катя долго оставалась в квартире. «Неужели и мы такими станем!» – сказала она, когда вышла, и он увидел на её глазах слёзы. Он проводил её домой, и они долго стояли во дворе пятиэтажки, разговаривая о всяких пустяках. С тех пор Катя постепенно занимала в его мыслях всё больше места. Учебные дела и прочие заботы отходили на второй план. Он заболел болезнью, которая не миновала, наверное, ни одного юношу и которая называется влюблённостью. Доходило до того, что он пропускал занятия и валялся на кровати, испытывая странное томление, многократно переживая подробности последней встречи и мечтая только о том, чтобы увидеться со своей возлюбленной снова. К счастью, острая фаза болезни к сессии прошла, и он сумел не завалить ни одного экзамена.

Катя была не только хороша собой, но и по-женски умна. Они всё время ходили неразлучной парой, но поженились только после окончания института. Работать пошли в одно конструкторское бюро, правда, в разные отделы: Катя оказалась в отделе, который был связан с оборонкой. Посторонних туда не пускали, а когда он хотел увидеть свою жену, надо было нажать кнопку звонка и просить охранника её позвать. Однажды через открытую дверь он увидел в конце коридора у окна свою Катю, которая с сигаретой в руках

болтала с каким-то мужиком, по внешности типичным дамским угодником. С тех пор в его душе поселилась ревность. Чем они занимаются там, под кодовым замком? Он требовал от Кати, чтобы она перешла в другой отдел, но она только смеялась. Со смехом и укладывала свои вещи, когда уходила от него к своему ловеласу: «Ты, Миша, не переживай, ты парень – хоть куда, одиноким не останешься».

Вот так! Всё разрушено, предано, оплёвано, и – «не переживай».

В то время в стране как раз начинался развал, им перестали платить зарплату и он устроился учителем в школу. Катю он видел как-то с детской коляской, но подходить к ней не стал. Потом видел её за рулём шикарного автомобиля. Слышал, что её муж что-то успешно приватизировал и теперь преуспевающий бизнесмен. А сам Михаил Васильевич остался жить холостяком в однокомнатной квартирке семейного общежития. Выходные дни для него в тягость, вот и теперь, сидя на скамейке, он безуспешно пытается придумать себе занятие на оставшиеся два выходных дня.

- Здравствуйте, Михаил Васильевич, – рядом с ним присел незнакомый мужчина лет тридцати, с сумкой через плечо. – Меня зовут Андрей. Я слышал ваше выступление. Скажите, вы член партии коммунистов?

- Нет, просто я за справедливое устройство общества.

- Я тоже. Но от коммунистов ничего хорошего мы не дождемся. И от всяких там «народных фронтов» тоже. Всё это – прикормленная властью оппозиция. Они нужны, чтобы время от времени выпускать пар из озлобленного народа.

Неожиданный собеседник производил хорошее впечатление. Он был похож на мужественного киногероя, который, наворотив горы трупов, к концу фильма одолевает злодеев. И говорил он вполне разумно:

- Чтобы добиться справедливого устройства общества, надо действовать жёстко. Уговаривать богачей, взывать к их совести – бесполезно. Добровольно они своими миллионами

не поделятся. А наши правители повлиять на них не могут, да и не хотят. Значит, это должен делать сам народ.

Андрей огляделся по сторонам и продолжал тихим голо-сом:

- Есть такая организация – «Борцы за справедливость». Цель – держать богачей в жёсткой узде. Пока мы только разворачиваемся, но успехи уже есть.

- Ясно, – усмехнулся Михаил Васильевич. – Снова народники-террористы. Очередной виток истории.

- Нет, у нас иначе. Другие времена – другие методы. Сейчас нам нужен человек, который бы писал листовки, точнее обличительный материал на конкретную личность. Так, чтобы было грамотно и зажигательно. Потому я к вам и обратился. Поучаствуйте в благородном деле. Исходный материал я представляю, а ваше дело – литературная обработка. Чтобы было доходчиво для народа.

Михаил Васильевич пожал плечами:

- Не знаю, что вам и сказать. Как-то всё это неожиданно.

Андрей протянул листок с номером:

- Позвоните, если надумаете.

* * *

Михаил Васильевич согласился. Уже на следующий день Андрей сидел у него в квартире и в красках описывал жизнь и деятельность одного известного в городе предпринимателя. Оказывается, этот деятель затевал строительство городской свалки рядом с дачным посёлком. Андрей показал видео, где возмущённые дачники с плакатами в руках перекрывали дорогу наступающим, как танки, бульдозерам.

Через два дня Михаил Васильевич передал своему заказчику текст листовки, и, кажется, тот остался доволен. Потом свою листовку он видел приклеенной на автобусной остановке, замечал в почтовых ящиках. Текст был почти не изменён, лишь добавлен портрет предпринимателя, а внизу зловеще красовалось: «Бойся народного гнева!».

Просматривая в интернете городские новости, Михаил Васильевич прочитал, что ночью сгорел автомобиль, принадлежащий тому самому бизнесмену. То, что он почувствовал, называлось злорадством, и он это понимал, но чувство было таким приятным.

Как-то вечером неожиданно появился Андрей. Был он слегка навеселе и с собой принес бутылку дорогого коньяка.

- Полный успех! Этот проходимец сдался.

- А машину его – это вы сожгли?

- У них не только машины, у них земля будет гореть под ногами! А тебе, Михаил, вознаграждение за участие в этой акции.

Гость выложил на стол три пятитысячные купюры. Хозяин, смутился: «Вот как! За справедливость ещё и платят», однако от денег не отказался и стал собирать на стол.

- Погоди, Миша, сначала дело. Я тебе принёс материал ещё на одного проходимца.

Андрей достал из кармана флэш-карту и вставил в компьютер хозяина. Мелькнули названия файлов, среди которых Михаил Васильевич увидел знакомую фамилию – Кречетов...

Сидели за столом, Андрей описывал гнусные проделки своего очередного избранника. Михаил Васильевич спросил:

- А кто такой Кречетов?

Андрея уже изрядно развезло.

- О, это мужик упёртый. Как мы ни старались, он стоит на своём. Осталась крайняя мера.

- А что такое «крайняя мера»?

С пьяной улыбкой Андрей постучал ребром ладони себе по шее:

- Назавтра и назначено. – Он поднёс палец к губам: – Тсс... Мы – организация тайная. Строгая кон-спи-ра-ция. – Он выпил, торопливо закусил и продолжал, размахивая вилкой:

- Каждый знает только двух членов – того, кто его привлёк и того, кого он привлёк. Вот я знаю тебя и ещё одного

парня, но я тебе про него ничего не скажу. Ты, Миша, – хороший парень, я тебя очень уважаю, но я тебе ни слова не скажу...

Андрей не без труда добрался до своего жилища и сразу завалился спать. Он и его товарищ приехали сюда из Москвы и снимали квартиру в одном из микрорайонов города. Андрей был коренной москвич. В свои 30 лет он был холост и жил с матерью в старой московской хрущёвке. Мать одна растила сына, и он радовал её тем, что в школе был в числе первых учеников. Учителя прочили ему блестящее будущее, и он, следуя своим склонностям, выбрал профессию юриста. Однако, конкурс на бюджетные места был большой, и поступить ему не удалось, а о платном обучении не могло быть и речи. Он тяжело переживал эту неудачу, решил через год повторить попытку, а пока устроился развозить товар по торговым точкам. Обидно было, что его одноклассник, который учился с двойки на тройку и был первым хулиганом в школе, стал студентом юридического факультета. Как-то в январе, ранним морозным утром, Андрей выгружал из машины ящики с бутылками и таскал их в подсобку ночного клуба. Из клуба вывалилась шумная кампания, и он чуть не лицом к лицу столкнулся с этим студентом-юристом.

- Андрюха, ты? – закричал тот и в пьяном восторге бросился его обнимать, но увидев рабочий комбинезон, остановился: – А ты что, на работе?

- А ты учишься? – сухо спросил Андрей. Тот со смехом махнул рукой:

- Опять сессию завалил. Грозят отчислить. Да я не переживаю – папаша всё уладит.

Его отец был крутой бизнесмен и не раз выручал сына, попадавшего в лихие переделки.

У Андрея щемило на сердце от какой-то злой несправедливости. Поступать в институт ещё раз ему не пришлось – весной его призвали в армию. После армии надо было сразу устраиваться на работу, поскольку мать вышла на пенсию и

того, что она теперь получала, едва хватало на оплату квартиры. Очень вовремя позвонил друг Боря:

- Есть для тебя работа непыльная. Подходи, поговорим.

С Борей он подружился в армии. Тот тоже был москвич, но успел хлебнуть лиха: детдом, колония для несовершеннолетних, рабочее общежитие. У Бори была какая-то утробная ненависть к богачам: «Разворовали Россию жадные проходимцы, растащили по кускам, жируют»...

Работа, действительно, оказалась не сложной: Андрей расклеивал листовки на дверях и заборах пригородных особняков. Потом пошло дело посложнее: вместе с Борей поджигали автомобили. Дело было опасное, уголовное, но платили за него хорошо...

Проснулся Андрей поздно и, открыв глаза, увидел Бориса, склонившегося над своим рабочим столом. Напряжённая спина, аккуратно работающие руки – ясно, что очередную бомбу мастерит. Боря в армии был сапёром, а теперь достиг в этом деле совершенства: выделял из пластида взрывные устройства, которые можно засунуть в любую щель.

- Перебрал вчера, – простонал Андрей, растирая голову. Борис обернулся:

- Ты, фуфло, слушай внимательно: чтоб последний раз такое было. Нам алкаши не нужны. В другой раз юшкой своей будешь похмеляться... Продирай zenки, и чтоб к 12 часам был как стёклышко. Надо обмозговать план по Кречетову.

Боря – небольшого роста, щуплый, но бывает очень злым. Андрей никогда не пытался с ним спорить или даже шутить.

* * *

Утром перед уходом на работу Михаил Васильевич посмотрел по интернету новости. С удивлением прочитал: «Начато строительство нового полигона для захоронения отходов». Указывалось то самое, известное ему место, но имя предпринимателя и кампания-подрядчик были другими.

Он был озадачен: «Так что же, мы просто помогли кому-то одолеть конкурента? Что-то не в порядке с этой тайной организацией. А что Андрей молот про Кречетова? Пьяный трёп или они действительно готовы на убийство? Неужели это тот самый Витя Кречетов?». На душе стало тревожно.

Витя был одним из лучших его учеников. Он поступил на физфак МГУ, после его окончания вернулся в родной город и сейчас работает в областной службе эпидемнадзора. Возглавляет отдел физических факторов. Последний раз они общались два года назад, а недавно он видел его в церкви, куда зашёл поставить свечи за покойных родителей. Виктор стоял с женой и двумя дочками дошкольного возраста. И по одежде, и по молитвенному виду было понятно, что это верующая семья. Смотреть на них было умирительно.

Он позвонил Виктору по сотовому телефону, но абонент был вне зоны действия. Лишь во второй половине дня Виктор перезвонил. Оказалось, что он сейчас в командировке в районе, вернётся вечером. Михаил Васильевич сказал, что дело срочное. Договорились, что он зайдёт к Виктору после восьми вечера...

Поздним вечером учитель сидел у своего бывшего ученика за чаем. Из детской комнаты слышались голоса – это жена укладывала детей спать. Виктор рассказывал о своей работе:

- Вроде бы всё шло хорошо, но в последнее время появились проблемы – конфликт с одной фирмой. Дошло до того, что угрожают мне. – Он посмотрел на дверь и тихо продолжал: – Жене пока ничего не говорю. На днях достал из почтового ящика письмо – вообще грозятся убить.

«Назавтра назначено, – вспомнил Михаил Васильевич. – Значит, сегодня». – Он старался унять волнение. Не стоит пугать Виктора. Это ничего не даст, кроме паники.

- Я про это слышал краем уха. Потому и пришёл к тебе. Может я смогу чем-то помочь. Привлечь полицию, власти.

- Безполезно. Я уже в полицию обращался. Записки эти – анонимные, нет никаких доказательств, что это связано с той фирмой. Сказали, как только будет реальная угроза, звоните. Ещё сказали: можете нанять телохранителя.

- А из-за чего вышел конфликт?

- Из-за сотовой связи. Три разных оператора наставили антенн на крыше высотного здания. У каждого по отдельности уровень излучения в норме, поэтому они получили санитарные паспорта. А когда все вместе работают – превышение нормы в несколько раз. Особенно в квартирах соседних домов. Мы потребовали, чтобы один оператор съехал – тот, который позже подключился. Не хотят – убытки большие. Мне взятку предлагали – я их погнал. Потом пошли угрозы. Такая вот порода бизнесменов: им не важно, что люди днём и ночью под излучением, для них главное – прибыль... А вы, Михаил Васильевич, откуда узнали про наши проблемы.

Учитель прокашлялся:

- Случайно. Тайная организация у нас в городе завелась. Называют себя «борцы за справедливость», но на самом деле, как я теперь понимаю, они выполняют разные заказы. Способны на всё. Тебе, Витя, надо быть осторожным.

- А я думаю – просто на психику давят.

Помолчали. Виктор вдруг принялся философствовать.

- Справедливость – это, вообще, понятие не Божеское, а человеческое и потому относительное. Борец за справедливость – это обычно завистник. Завидует соседу, что он живёт богаче, ему это кажется несправедливым. У нас, русских, это в крови. Русский человек всегда был милосердным, всегда сострадал несчастному, но всегда завидовал богатому или успешному соседу. На этом сыграли большевики, когда развязали классовую борьбу в деревне. А ведь кто-то всегда будет жить лучше других, значит, завистнику мир всегда будет казаться несправедливым. Стоит человеку избавиться от греха зависти, как мир вокруг станет справедливым. Другое дело, что избавиться от этого греха – ой как

не просто. Ведь зависть – это порождение самого главного греха – гордости: «Как же так? У него есть, а у меня нет. Чем я хуже его. Нисколько не хуже. Да я в сто раз лучше его!».

Виктор посмотрел на образ Спасителя в красном углу:

- Сказано: «Любите врагов ваших». А тут – человек тебе не враг и даже ничем тебя не обидел, а просто ему дали премию, а тебе не дали, и ты стал его ненавидеть. Значит, ты не просто грешник, а грешник в квадрате.

«Ну, прямо как про меня говорит», – подумал Михаил Васильевич. Его вдруг потянуло на откровенность.

- Да, странное это чувство – зависть. У меня однокашник живёт в Москве, мы с ним студентами дружили. И потом общались: я как в Москву приезжал – у него останавливался. А недавно узнал, что он в большие люди выбился, стал директором института, по заграницам на симпозиумы ездит. Казалось бы, радоваться за него надо, а у меня какая-то неприязнь к нему появилась, и общаться с ним не хочется.

- Ну уж вам ли, Михаил Васильевич, кому-то завидовать! У вас талант от Бога, вы замечательный учитель, у вас редкая способность разглядеть в ребёнке талант и развивать его. Сколько учеников вы вывели в большие люди!

У Михаила Васильевича чуть было слёзы не навернулись на глаза. «Ну что же, если я воспитал даже одного такого ученика, как Виктор, то жизнь прожита не зря». Он смотрел на своего собеседника и поражался. Ученик превзошёл своего учителя не только в знании физики, но и в чём-то другом. Есть у него какой-то нравственный стержень, который позволяет ему поступать честно, по совести. Может быть, всё дело в том, что он верующий. Это поколение росло в другое время, им не запрещали ходить в церковь. У него, Михаила, такого стержня не было, потому он и влип в криминальную историю. Теперь надо Витю спасать. Он принял решение завтра встретиться с Андреем и серьёзно поговорить.

- Знаешь, Витя, завтра я кое с кем поговорю насчёт этих угроз. Думаю, что тебя оставят в покое.

Михаил Васильевич собрался уходить.

- Я тоже иду, – сказал Виктор. – Мне ещё машину надо в гараж отогнать.

- Я тебя провожу. Считаю, что я твой телохранитель...

Белые ночи ещё не вошли в полную силу, на улице темно. Когда подъезжали к гаражам, Михаил Васильевич вдруг увидел, как в свете фар метнулась вдалеке долговязая фигура в бейсболке. У него заколотилось сердце: «Андрей? Точно, это он».

- Витя, тормози. Паркуйся к тротуару... Так. И фары гаси. – Потом сказал озадаченному, но послушному водителю:

- Там, впереди, я увидел одного «борца за справедливость»... Похоже, что это за тобой охотятся.

Виктор побледнел. Михаил Васильевич тоже сначала испугался, но на смену страху приходила злость: почему мы должны бояться каких-то подонков.

- Слушай, Витя, меня внимательно. Решай – или мы сейчас разворачиваемся и даём дёру по домам, или мы сыграем в такую игру: «охота на охотника». Помнишь, как я вас, скаутов, по лесу гонял?

- Как же, помню. Но тогда было весело, а сейчас страшновато... А вообще давайте. Я согласен, давайте сыграем в такую игру.

- Вот и хорошо. У тебя оружие какое-нибудь есть?

- Только топорик туристический.

- Отлично. Значит, расклад такой: один охотник стоит у входа в гаражи и, видимо, должен подать сигнал напарнику. А тот где может быть? Скорее всего, у твоего гаража. Можно туда пройти, минуя главный вход?

- Можно.

- Давай, веди туда. Пойдем неслышно, как десантники ходят. Вспоминай, как я вас учил.

Они вышли из машины, взяли из багажника топорик, моток верёвки и пошли. Освещения не было, шли в сумерках. Остановились у поворота, Виктор осторожно заглянул за угол и отпрянул назад:

- Так и есть, кто-то у моих дверей копается.

Михаил Васильевич зашептал скороговоркой:

- Значит так, Витя, ты стой здесь, вызывай полицию, говори: «срочно». С места не сходи. Если кто-то подойдёт, сразу кричи мне. А я пойду, этого упакую.

Он хотел подкрасться незаметно, но не получилось. Мужичонка оторвался от двери, бросился бежать. Два прыжка – и Михаил Васильевич преградил ему путь, вскинул топор, крикнул:

- Садись на землю, а то голову проломлю!

Тот попытался, уперся в стену. Он был в западне, как загнанный зверь. Даже в сумерках было видно, как зло сверкают его глаза. В руках у него блеснул нож. Михаил Васильевич с облегчением вздохнул: «Ствола у него нет, значит у меня преимущество». Но вот он замахивается, чтобы метнуть нож. опережая его движение, Михаил Васильевич прыгнул вперёд и сильно ударил его ногой в грудь. Тот отлетел назад и ударился спиной о дверь гаража. Раздался взрыв...

Полицейская машина приехала через 15 минут. Даже видевшие виды патрульные были поражены увиденной картиной. Возле искорёженной взрывом гаражной двери лежало окровавленное тело мужчины. Ещё одно тело, также без признаков жизни, лежало поодаль, а возле него неподвижно сидел человек с окаменевшим лицом. Увидев полицейских, он глухим голосом произнёс:

- Это мой учитель. Он меня спас.

И потом, когда его вели к подъехавшей машине скорой помощи, он, обратив лицо к вдруг посветлевшему небу, прошептал:

- Господи, прости ему прегрешения – он жизнь свою положил за меня.

2016 г.

ОДНАЖДЫ УТРОМ

Утром к калитке нашего дачного дома подкатил на велосипеде сосед Юра с букетом желтых полевых лилий.

- Я буду долго гнать велосипед, в глухих лугах его остановлю, – улыбаясь, продекламировал он. – Натуру нашёл. Цветы нежные, долго не стоят. Сейчас я их сфотографирую и засяду за мольберт.

Юрию за сорок. Когда-то он был электриком, а теперь свободный художник. Настоящий художник, хотя и самоучка. Он живет бобылем в старом родительском доме, где у него все чисто, скромно, без телевизора и компьютера. В углу висят две потемневшие от времени иконы – остались от бабушки. За занавеской стоит аккуратно заправленная кровать с подзором, а одна стена увешана его новыми работами. Пишет он, в основном, натюрморты и выносит к шоссе на продажу. У него покупают, даже иногда заказывают. На холст и краски этого заработка ему хватает, а еще он кладет печи, не чуждается и ягодного промысла. Всё это по минимуму, только чтобы прожить лето и осень. На зиму уходит трудником в Кирилло-Белозерский монастырь. С душевной болью оставляет зимовать рыжего красавца кота, но тот приспособился – ходит по соседям, ночует на чердаках возле печных труб.

Юра всегда спокоен, рассудителен. Сейчас, глядя ему вслед, я подумал: а может быть, так и надо жить – работать понемногу, только для жизнеобеспечения, а большую часть времени отдавать любимому делу и Господу Богу. Не так, как мы, горожане, – суетимся, трудимся изо всех сил, чтобы обеспечить себе так называемый комфорт и чтобы обслуживать технических прогресс, от которого жить не легче, а все труднее.

Таких людей, как Юрий, просвещённых светом христианства, в деревне немного. Вспоминается случай, происшедший несколько лет назад. Заблудился в лесу пятидесяти-

летний мужик, Леонид: пошёл за грибами и пропал. Ни к ночи не явился, ни к утру. Сестра его, Нина, собрала людей, пошли на поиски. Дело затруднялось тем, что Леонид отправился на Тотарову гору – место, которое издавна пользовалось дурной славой. (В северных русских говорах «тотарить» – означает «блуждать»). Кроме того, Леонид был почти совсем глухим. Когда-то, ещё в колхозные времена, ему сильно травмировало голову – по пьяному делу придавили трактором к стене гаража. Так что искать его было не просто: хоть кричи, хоть сирену включай – толку не будет. И действительно, искали весь день – никаких следов. К концу дня Нина поехала в райцентр к колдунье. Та написала ей «кабалу» – такую бумагу, которую надо с соответствующими заклинаниями бросить на перекрёстке дорог. Зашла она и в церковь, там ей подсказали написать записку о здравии и читать молитву святителю Николаю Чудотворцу, что она и сделала. Утром брат пришёл домой цел и невредим, проведя в лесу две ночи. Был он измучен, но от больницы отказался, отлежался дома. Потом моя жена в разговоре с Ниной сказала, что не стоило бы обращаться к колдунье. Та ответила: «Брата было жалко. Хотелось сделать всё возможное».

А насчёт того, что же всё-таки помогло – молитва святому или «кабала», ходили тогда разные толки.

* * *

Деревня, в которой последние 25 лет мы проводим каждое лето – отнюдь не захолустье. Она стоит возле федеральной трассы Москва – Архангельск, в ней осталось около восьмидесяти жилых домов, но живут в них теперь, в основном, пенсионеры и дачники. В деревне удалось построить часовню – небольшую, бревенчатую, но вполне пригодную для церковных служб. Из райцентра приезжает батюшка, проводит молебны, причащает старушек. Их немного – тех, кто посещает часовню – из местных жителей всего пять-шесть пожилых женщин.

Когда-то здесь был центр крупного колхоза, а нынче наши внуки обнаруживают только остатки неведомой им цивилизации: разрушенные фермы, мастерские, гаражи с истлевающей техникой. Баня, столовая, начальная школа, детский сад, клуб, библиотека, – всё это давно закрыто. Закрыт даже медпункт, а фельдшер, точнее фельдшерица, приезжает из райцентра раз в две недели. Народ идет к ней, в основном, чтобы купить лекарства.

В то солнечное утро пошел туда и я, поскольку у нас в доме кончился корвалол, а ехать из-за этого в райцентр не хотелось. Подхожу, вижу – на двери пока еще висит замок, а на крыльце сидят два знакомых мне деревенских жителя – Петр и Анна. Обоим около семидесяти, почти мои ровесники, немного постарше.

Анна живет в соседней деревне, где осталось только четыре жилых дома. Родом она из Череповца, работала на заводе, вышла замуж. Тяжким трудом вместе с мужем заработали квартиру. Вырастили дочку, но с зятем ужиться не смогли. «Пил, матерился, избивал дочь, – рассказывала Анна, – тошно было на все это смотреть. Мы-то с мужем всю жизнь целовались».

Переехали они с мужем в его родную деревню. После череповецкого кошмара новая жизнь показалась Анне раем, хотя не просто было горожанке привыкать к деревенской работе. Но пять лет назад умер муж, и осталась она коротать свой век в заброшенной деревушке. В соседних домах живут пьяницы и грубияны, причем один держит злых собак, от которых Анне нет проходу.

Все это и много других подробностей я узнал, когда подвозил Анну домой после службы в храме. В машине она говорит не умолкая. Говорит быстро, не уступая по скорости столичным теле-радио дикторам, но те торопятся, чтобы дать место рекламе, а Анна спешит выговориться, как человек, истосковавшийся по общению. В храм, расположенный в райцентре, она ездит регулярно. «Когда на автобусе доби-

раюсь, а когда на попутке, – рассказывает она. – Водители меня знают, останавливаются. Денег у меня нету, я им дарю свои изделия – носочки из овечьей шерсти».

Я слышал, что этой зимой она сильно повредила спину. Сейчас, устроившись на крыльце, я услышал от неё подробности этой истории. Надо сказать, что, в отличие от горожан, для сельских жителей очередь или подобного рода ожидание – не в тягость. Было бы с кем поговорить. А тут у Анны оказалось даже два внимательных слушателя.

- В январе расчищала снег, чтобы к автолавке пройти. Снег-то тяжёлый был, слежавшийся. Крутанулась как-то с полной лопатой, и хрустнуло в спине. От боли сознание потеряла. Сколько лежала на снегу – не помню. Потом очнулась, кое-как добралась до дома. На третий день позвонила в скорую. Мне говорят: «Какая у вас прописка? Череповецкая? Туда и езжайте». Ещё день держусь, по дому еле ползаю. Звоню снова. Приехали. Заходит врач – тот самый, который моего мужа лечил. Я кричу: «Не пущу! Вы моего мужа в гроб загнали!» Он постоял, говорит: «Дайте хоть давление смерю». Ладно, измерил: двести на сто. Сроду такого не было. Температуру меряет – под сорок. Срочно в больницу. Там полежала, потом перевезли в областную. Лечили долго. Врачи все в один голос говорят: «Ходить больше не будете». Я им отвечаю: «Нет, буду ходить! За меня трое батюшек молятся – двое в Череповце и в нашем храме батюшка». И вот хожу, слава Богу. Радость-то какая!

Петр тоже оказался словоохотливым:

- А я давно спиной маюсь. С тех пор, как бык меня покатал.

Петр – небольшого роста худощавый мужичок, очень хозяйственный. Когда-то работал в колхозе бригадиром животноводов. У них с женой большой огород с теплицами и единственный в деревне двор, откуда ещё доносится крик петуха.

- А когда это случилось? – спросил я.

- Пять лет назад это было. Тогда ещё кое-кто коров держал, всего восемь голов было в стаде. Я в свой черед пас. Бычок-то был ещё не взрослый, только в силу входил, потому и не привязывали его. Он меня подбросил один раз, потом другой. Ну, думаю, конец мне настал. Корова рыжая спасла, между нами встала, он на неё внимание перекинул, а я успел в шалаш забраться... Рука была у меня разодрана, зубы выбиты, а самое плохое, что позвонки сдвинуты.

Я слушал Петра с большим сочувствием, ведь я и сам в то лето чуть было не попался этому быку на рога. Только произошло это несколько раньше. Я шел тогда за грибами и, спрямляя путь к лесу, двинулся через коровье стадо. Видно, такая наглость не всем пришлась по нраву. Слышу хрип позади, смотрю – за мной поспешает здоровый бычок: голова опущена, глаза навывкате. Вот тогда я понял, что означает русское слово «набычился». Я ускорил шаг, но ещё старался не терять достоинства. Мне казалось, что бычок слишком мал, чтобы напасть на человека. Однако гляжу – догоняет. Лес был близко, я нырнул под ёлки и даже испугаться толком не успел. Бычок остался на опушке и стал реветь. Его яростный рёв я слышал даже когда уже зашёл далеко и увлёкся сбором грибов. Когда возвращался, стада уже не было, а на том месте, где я забежал в лес, была яма. Я тогда удивился: сколько ярости надо иметь, чтобы так разбросать дёрн и землю, а сейчас, выслушав Петра, я понял, что был в серьёзной опасности. Понял и то, почему этот крепкий и заводной мужик последнее время стал домоседом.

- А как у тебя сейчас со спиной, – спросила Анна.

- Да то-то и беда, что сильно болеть стало. Вот пришёл сюда за обезболивающим.

Он помолчал, потом заговорил каким-то сдавленным голосом:

- Воры в деревне появились. Деньги у меня украли. Никогда такого не было, а как поселились какие-то пришлые,

так и пошло. Сначала у Синицыной Марьи, потом у Лины Паниной, а теперь вот у нас.

- И много украли? – поинтересовалась Анна.

- Ну, может, по-городскому будет и немного, четыреста.

- Так это немного, – сказал я.

- Тысяч, – добавил Пётр. Анна ахнула:

- Четыреста тысяч? Господи помилуй! Как же такое вышло?

- Не знаю. Я в огород выходил, дверь, конечно, не запираю. Жены не было, она в больнице лежала. Не сразу хватился, а потом смотрю – дверца у шкапа приоткрыта. Я рукой в пиджак, где деньги лежали – нету.

Вид у Петра был несчастный.

- А сейчас ой как деньги нужны – на лечение. И мне нужно, и жене. Столько лет копил, резчиком работал – ну, по убою скотины. Работа тяжёлая, грязная... А ведь этого бычка тоже я резал.

Пётр оживился, стал сжимать и разжимать кулаки.

- Уж как я его резал! И ворюги эти, попадись они мне... я бы их разделал таким же манером ...

Вот какие истории услышал я в то утро от двух разных людей. От пожилой женщины, которая в семь часов утра выходит на шоссе ловить попутку, чтобы добраться в церковь за 20 километров. И от пожилого мужчины, который от веры далёк, но зато хозяин рачительный. Прямо притча получается, ничего придумывать не надо.

А фельдшерница в тот день так и не приехала.

2016 г.

РУССКАЯ СОРОКА

Рассказ инженера

Это было в 1981-м году, ранней осенью. В командировку ехали втроём: я с Сергеем – тогда ещё молодые инженеры – и наш непосредственный начальник Олег Васильевич. Он был всего на пять лет старше нас, не важничал, несмотря на свою должность начальника отдела и учёную степень, поэтому мы звали его попросту – Олегом. Это был здоровяк атлетического сложения и потрясающей работоспособности.

Мы работали в НИИ радиотехнического профиля и ехали на наш объект по срочному и очень важному делу. Плохо было то, что Олег заболел. Это было видно сразу, когда мы сели в вагон и зашли в купе: лицо у него было покрасневшее, глаза слезились.

- Продуло вчера на рыбалке, – говорил он. – Температура – тридцать восемь. Жена не хотела отпускать, а что делать, ехать надо.

Расположились, сели пить чай. Олег достал из сумки бутылку перцовки:

- Буду лечиться дедовским способом.

Он выпил почти целый стакан, кое-как закусил и запил горячим чаем. Угостил и нас так, что бутылка быстро опустела. Потом постелил себе на нижней полке, улёгся и сказал:

- Вот что, ребята, четвертого пассажира, вроде бы, нету, укройте меня вон тем матрацем. И садитесь на меня, не стесняйтесь, мне пропотеть надо.

Он повернулся на живот, мы с головой укрыли его матрацем и со смехом уселись сверху. Достали карты и стали резаться в подкидного. Вошли в азарт и яростно шлёпали картами по матрацу, пока под нами не послышался придушенный, словно из подземелья, голос:

- Хватит, ребята, слезайте.

Олег появился весь мокрый, вытерся полотенцем, переоделся, и мы завалились спать.

Утром наш начальник, свежий и здоровый разбудил нас:
- Вставайте, господа, нас ждут великие дела.

А дела были такие. Наше изделие – радиолокационная станция, предназначенная для дальнего обнаружения воздушных целей, прошла все испытания и готовилась для передачи военному ведомству. Однако возникло неожиданное препятствие: служба санитарного контроля обнаружила, что в деревне, расположенной в пяти километрах от нашего локатора, уровень электромагнитного излучения значительно превышает установленную норму. Конечно, главный луч локатора, как ему и положено, шарит в отведённом ему секторе воздушного пространства в поисках летящих целей, но боковое излучение попадает на деревню. Никакой нашей вины здесь не было: когда мы проектировали изделие, о таких жёстких нормах для населения не было и речи. Да и сама служба санитарного контроля появилась лишь в последнее время, когда заговорили о гуманизации техники. Хотели переселять деревню, уже выбрали новое место для застройки, определились с денежной компенсацией для переселенцев, но тут дело зашло в тупик. Жители деревни наотрез отказались покидать родную землю, даже коллективное письмо отправили в правительство.

Пока шла эта тягомотина, у нас в отделе созрело подходящее решение этой проблемы. С ним-то, с этим решением мы и приехали сюда. На вокзале нас ждал служебный «газик», но до нашего объекта добрались только к полудню. Победали – и сразу в инженерный корпус на совещание. Олег выступал первым: минут двадцать он разъяснял суть нашего предложения, размахивая указкой возле плаката со схемой передающей антенной решётки, и, наконец, подвёл итог:

- Итак, антенное полотно мы трогать не будем, изменим лишь блок распределения мощности. На главный луч это никак не повлияет, а боковое излучение уменьшится в 3-4 раза.

Представитель заказчика полковник Михайлов – немолодой, полнеющий, в мундире с голубыми авиационными погонами – сидел за столом, нахмурившись. Он возразил:

- Допустим, это вам удастся, но ведь потом снова испытания – с самолётами, с имитацией целей. Вы знаете, сколько на это требуется государственных средств?

- Не больше, чем на переселение деревни, – отвечал Олег.

- Ну, хорошо, а сколько вам нужно времени на переделку распределителя мощности?

- Две недели, – не задумываясь, ответил Олег.

- А потом ещё столько же займут испытания! – полковник был возмущён. – Нет, не пойдёт! Через три недели назначено заседание государственной комиссии по приёмке изделия, и переносить этот срок нельзя. Укладывайтесь в неделю. Сможете?

Олег посмотрел на меня и Сергея. Мы, не сговариваясь, замотали головами, показывая, что неделя – срок нереальный.

- Нет, в неделю нам не уложиться, даже если я весь свой отдел сюда привезу.

Потом выступала представитель службы санитарного надзора – дама средних лет с сильно подведёнными глазами и в очень короткой юбке. Говорила обтекаемыми фразами о том, что «здоровье населения – важный фактор развития советского общества».

Заседали долго, но так ни к чему и не пришли.

На другой день с утра мы с Сергеем сидели в аппаратной и прикидывали, как мы здесь развернём работу, если нам разрешат. Появился Олег и с мрачным видом сообщил:

- Только что мне звонил Михайлов, сказал, что саннадзор согласился подписать. Они там в инструкции лазейку нашли: оказывается, в некоторых случаях можно учитывать не пиковое значение, а средний уровень. А он вполне укладывается в норму.

- Значит, мы здесь не нужны, – безрадостно сказал Сергей.

- Не знаю, лукавство здесь какое-то. Читал я их инструкцию, туманно написано, понимать можно по-разному. Но Михайлов, конечно, трактует в свою пользу. И на эту даму чиновную давит. Сегодня комиссия поедет в деревню окончательные замеры делать, для протокола. На три часа назначено, и нам тоже надо быть... Я вот думаю, хорошо бы комиссии показать что-то такое впечатляющее, какой-то наглядный эффект действия электромагнитного излучения.

Я вспомнил:

- Мы, когда студентами на радиоцентр приезжали, нам показывали, как лампочки горят сами по себе. Из воздуха энергию берут.

- Ну, здесь такого не будет, мощность не та, – отвечал Олег. – Это если в главном луче находиться, тогда и лампочки будут гореть и вокруг металла сияние будет ... А давай с тобой после обеда пройдемся до деревни. Раньше комиссии придём, осмотримся там.

* * *

Мы шли живописной дорогой – сначала леском, потом мимо сжатого поля, и вышли к деревенской околице. У крайнего дома – добротного, с резными наличниками и высоким крыльцом сидел на скамейке дед. Окно было открыто, откуда слышалась старинная песня:

Позарастали стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки,
Позарастали мохом-травой,
Где мы гуляли, милый, с тобою ...

Видно, крутилась пластинка – старая, заезженная.

- Знакомый мужик, мы с ним на рыбалку ходили, – сказал Олег и крикнул:

- Здорово, Петрович!

Тот поднялся и внимательно нас разглядывал. Стало видно, что он ещё не стар, только сильно небрит и не вполне трезвый.

- И вам здравствовать! Только мы отсюда никуда не уедем. Здесь родились, здесь и помирать будем.

- Не волнуйся, Петрович! Переселение отменяется. Сегодня последний раз к вам приедут, сделают измерения. Так, для порядка. О переселении и думать забудьте.

- А, ну тогда прошу в дом. Годовщину мы отмечали, ровно год как нет нашего Володьки... Гости-то уже разошлись.

Мы прошли через сени, где стояли ящики с яблоками, горкой лежали тыквы и царил густой запах свежего урожая. Поднялись в горницу, где две женщины убирали посуду со столов, поставленных в ряд. На почётном месте стояла обрамлённая траурной лентой фотография светловолосого парня в военной форме. Пластинка всё крutilась:

Где ж милый скрылся, где пропадает,
Бедное сердце плачет, страдает...

Хозяин подошёл к комоду и выключил стоящую на нём большую радиолу. Потом поставил на стол два стакана и достал початую бутылку водки:

- Помяните сынка нашего.

Олег развёл руками:

- Прости, Петрович, нам нельзя, на работе мы.

- Ну тогда квасу выпейте, хозяйка моя добрый квас готовит. Маша, неси квасу гостям!

Сам он сел к открытому окну и закурил. Хозяйка с лицом, на котором, казалось, навсегда застыла скорбь, подошла к нам с кувшином и наполнила стаканы. Другая женщина – молодая, в чёрном платье, с большими печальными глазами – поставила перед нами блюдо с нарезанными пирогами и скрылась за занавеской. Оттуда появилась девочка лет пяти

с волосами соломенного цвета и с любопытством уставилась на нас.

Мы пили густой, пенистый напиток, ели пироги и слушали рассказ хозяина о сыне, погибшем в Афганистане. Олег попросил ещё раз включить пластинку. Снова полилась щемящая душу мелодия, и низкий женский голос запел:

Позарастали стёжки-дорожки ...

За занавеской послышалось всхлипывание...

Когда песня кончилась, Олег подошёл к радиоле, но почему-то не выключил её, а продолжал внимательно слушать, как шипит и потрескивает старая пластинка. Наконец он повернулся ко мне:

- Я тут побуду, а ты иди на улицу. Как подъедут, сразу зови меня.

Приехали на автобусе большой компанией и пошли по деревенской улице, сопровождаемые гомонящей ватагой детворы. Инженер нёс в руках чемоданчик – измеритель интенсивности электромагнитного поля, время от времени он останавливался, а его спутник записывал показания. Рядом с ним шла начальственная дама.

- Уважаемые члены комиссии, обратите внимание, – говорила она, показывая длинным красным ногтем на шкалу прибора – превышение нормы в течение трёх секунд, затем 25 секунд – низкий уровень и далее всё повторяется периодически. В итоге средний уровень значительно ниже нормы.

Члены комиссии понимающе кивали головами, только Олег позволил себе не согласиться:

- Если сильный импульс вышибет мне мозги, то мне уже будет без разницы, каким он станет потом – слабее или нет.

Дама посмотрела на него уничтожающе и железным голосом произнесла:

- Мы следуем инструкции – государственному документу.

Один из идущих передо мной спросил соседа:

- Кто это такой?

- Начальник отдела. Молодой ещё, не обтёрся.

Подошли к околице. Олег показал на знакомый дом:

- Давайте зайдём в эту избу. Насколько я знаю, полагаётся один замер делать в помещении.

Он постучал в дверь:

- Хозяева, пустите служивых людей. По казённой надобности.

Зашли всемером: полковник Михайлов, важная дама со своей свитой и мы с Олегом. Инженер посмотрел на прибор:

- Всё то же самое, как на улице. Можете убедиться.

Последние слова он адресовал Олегу. Тот не замедлил отозваться:

- А я сейчас измерю по-своему, доморощенным способом. Можно мне воспользоваться вашим радиоприёмником? – обратился он к хозяину, молча стоящему у дверей.

- Отчего нельзя? Валяйте, – отвечал Петрович.

Олег подошёл к радиоле, включил её и стал крутить ручку настройки, пока не раздалось шипение, прерываемое громким, до боли в ушах, треском. Он повернулся к присутствующим:

- Это наш локатор работает в штатном режиме. Товарищ полковник, вам эти звуки что-то напоминают?

Полковник озадаченно поскрёб в затылке:

- Напоминают. «Русская сорока».

- Вот именно! – сказал Олег и выключил приёмник. – Хочу пояснить для всех присутствующих. Недавно в американском еженедельнике появилось сообщение, что русские ввели в действие новую радиолокационную станцию. Если приёмник настроить на частоту этой станции, то слышны характерные звуки: треск, потом пауза, потом снова треск и так далее. За это натовские военные прозвали наш новый локатор «русская сорока».

Он помолчал, обводя взглядом присутствующих, и продолжал:

- Уважаемые члены комиссии, мы с вами разъедемся по местам, где излучения практически нет, а крестьяне останутся жить с «русской сорокой»...

Члены комиссии молча покидали дом. Полковник, дождавшись, когда остальные выйдут, подошёл к радиоле и посмотрел на шкалу настройки. Потом приоткрыл крышку, где стояла пластинка, взглянул на Олега, но ничего не сказал. Он пошёл было к двери, но остановился у траурной фотографии, постоял, подошёл к хозяину и пожал ему руку:

- В Афганистане сын погиб?

- Да, там.

Полковник вздохнул:

- А у меня двое сыновей там служат ...

Только вечером в гостинице, когда мы готовились ко сну, до меня дошло: а ведь в бытовом приёмнике нет дециметрового диапазона. Как же он мог нашу частоту принимать? Этот вопрос я задал Олегу, и он без тени смущения отвечал:

- Верно мыслишь, этого диапазона нету. А пластинка на что? Трещала так, как надо.

Ну и авантюрист, подумал я. Прямо Остап Бендер.

- Так ты что, комиссию обманул?

- Какой же это обман. А если бы был в приёмнике этот диапазон, мы бы услышали «сороку»? Услышали бы, да ещё как! Так что не обман это, а обычная имитация реальности. Хотелось, чтобы люди почувствовали опасность. Одно дело – увидеть стрелку на приборе, а другое дело – звук, особенно, когда по мозгам стучит.

- Стоило ли так рисковать, Олег? И ради чего?

- Ради чего? Уж точно не ради нашей работы. Мне эта канитель с распределителем мощности не нужна. Ещё неизвестно, получится или нет. Тут надо работать, как неграм на плантации, а получим, в лучшем случае, премию по 50 рублей. Проще нам собрать чемоданы – и домой... Ради чего. Людей беззащитных жалко. Видел, сколько там детей? Петровича жалко с его семейством ... Да, рискнул. И не знаю, чем это кончится. Михайлов ведь всё понял, хоть и промолчал.

– Думаешь, он понял? – спросил я.

– Думаю – да. Он человек бывалый, неглупый, такого на мякине не проведёшь. Он служил ещё на первых зенитно-ракетных установках С-25. Их ещё в пятидесятые годы ставили вокруг Москвы. Вот тогда действительно надо было спешить: когда война в Корее началась, американцы собирались нанести бомбовый удар по Москве. У них тогда были бомбардировщики, недосыгаемые ни для наших зениток, ни для самолётов. Наши локаторщики и ракетчики – молодцы, быстро создали новое оружие. А сейчас спешка ни к чему. Неделей раньше, недель позже. Этот срок сдачи из пальца высосан ...

Два дня мы жили в неопределённости, а на третий день узнали, что полковник Михайлов всё-таки убедил своё начальство перенести срок приёмки изделия. Мы, как застоявшиеся молодые кони, бросились в аппаратную и принялись за работу. Не скажу, что всё шло гладко, но в конце концов нам удалось снизить уровень излучения в деревне и её окрестностях, а через некоторое время радиолокационная станция была принята на вооружение...

Что побудило полковника Михайлова изменить своё решение, хотя оно было обосновано протоколом комиссии? Я думаю, что это было сострадание к людям – так же, как у Олега. А ещё, может быть, он оценил поступок Олега, когда тот разыграл фарс перед комиссией с риском для своей репутации. Такой вот типично русский характер – бесшабашность и, в то же время, способность к жертвенности.

Дальнейшая карьера у Олега не сложилась: несмотря на свои заслуги, он вынужден был покинуть наш институт. Скорее всего, виноват его ершистый характер, который не всегда нравится начальству.

Позже, уже в новые времена, я встретил своего бывшего начальника и даже имел с ним деловые контакты. Он руководил небольшим предприятием по производству порта-

тивных радаров. Конечно, спортивного вида у него уже не было, но выглядел он по-прежнему бодрым и уверенным в себе.

А я до сих пор не уверен, был ли он прав, когда дурачил комиссию. Всё-таки это была ложь, хоть и ложь во спасение.

2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИШНЁВЫЕ ЧЕТКИ (повесть)	3
РАССКАЗЫ	127
Горлица	128
Стража	155
Там, внизу, места много	169
В далекие шестидесятые	178
Белорусский дневник	187
Крестьянское восстание на Шексне	196
Страницы жизни русского ученого	210
Быль, рассказанная дважды	223
Секретный документ	228
Темная материя	234
Учитель и ученик	250
Однажды утром	263
Русская сорока	269

Яцкевич Владимир Антонович

ВИШНЁВЫЕ ЧЁТКИ

Повесть. Рассказы

Рисунки – Е. Григорян

Оригинал-макет – С. В. Кудрявцев

Подписано в печать 14.09.2016. Формат 60 × 84/₁₆.
П. л. 17,5. Тираж экз. Заказ №

Отпечатано в Институте социально-экономического
развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН
Тел. 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru